

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

6

ИЮНЬ 1983

КОСТЁР

6
ИЮНЬ

1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

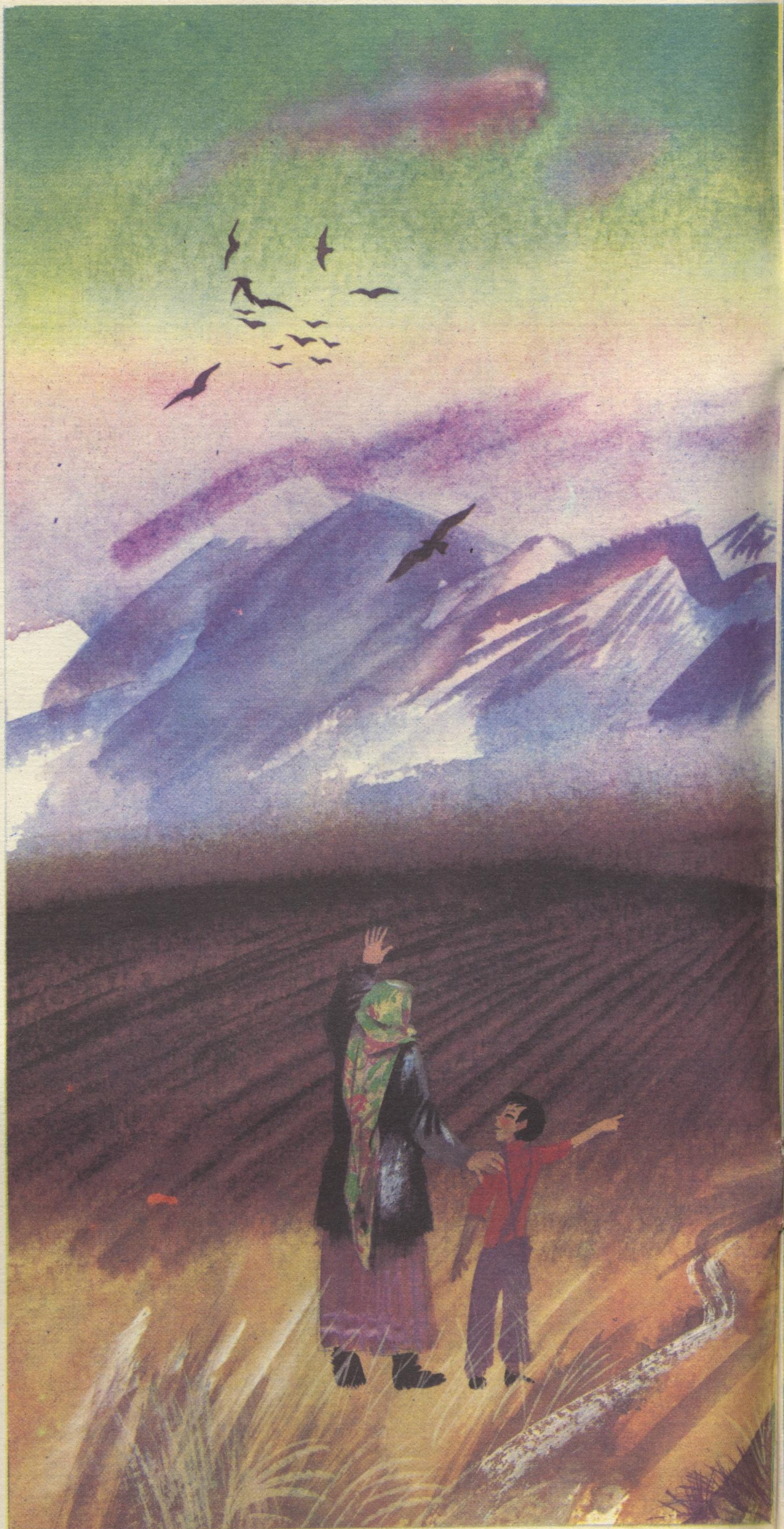
Издается с 1936 года

© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Ответ Ю. В. Андропова
на письмо
американской школьницы 3
- Рассказы о Бахтияре
Ф. Камалова 4
- Пароль — красный галстук
очерк Е. Чечкиной 10
- Барабан 12
- Зеленые страницы 16
- Тайна темной комнаты
повесть В. Попова 18
- Зеленый ковер
очерк Е. Гусевой 27
- Кружка горной простокваши
очерк Т. Орловской 28
- Стихи твоих ровесников 31
- Мальчик
с увеличительным стеклом
рассказ А. Лисняка 32
- Они рисуют для вас 36
- Сапожник Джузеппе
сказка
Джузеппе Бонавири 38
- Морская газета 40
- Спортклуб «Кузнечик» 43
- Веселый звонок 44
- Арчебек 47

На обложке
рисунок Л. Иванова

ПЕРВЫЙ ШАГ

РАССКАЗ

Бахит МУСТАФИН

Рисунки В. Топкова

Ох, и волнуется же сегодня старая аже. Аманка знает, почему. Но он помалкивает. Покрутится, мчится прочь. Но и на дворе не задержится: снова прискачет к бабушке.

— Как там? Не видно Тулегена? — спрашивает бабушка.

— Нет, — бросает Аманка и тут же выбегает из дома. Галопом обскочит две-три крайние улочки аула, взберется на старый плетень и всматривается в сторону единственной дороги с пашни. Но все напрасно: не видно Тулегена.

Не зря волнуется бабушка с внуком. Сегодня Тулеген, старший брат Аманки, впервые самостоятельно повел трактор. Всю зиму учился на курсах и нынче, как заправский джигит, стального тулпара взнуздал. Как не радоваться бабушке! Ну, а тревоги зачем?

Дело было утром. Бабушка долго стояла у калитки, провожая удаляющийся трактор слезящимися глазами. Аманка, восхищенный и очень гордый за брата, бежал рядом с «Беларусем». Он отстал лишь тогда, когда трактор Тулегена скрылся за околицей.

— Как он? — спросила с тревогой бабушка Аманку, когда тот прискакал обратно. — Не остановился?

— Нет, ни разу.

— Ай, как хорошо... Помоги, аллах.

— Аже, а если он остановится, что будет?

— Нет, нет. Не говори так. Не дай аллах ему остановиться, — испугалась бабушка. — Это же самый первый шаг внука. Ой-бой, останавливаться совсем плохо. Есть добрая примета: пойдет внук в первый день без остановки, такой будет и вся его жизнь. Ой, каким ходким будет его трактор!..

— Я тоже трактористом буду, аже. И ни разу не остановлюсь! — воскликнул Аманка.

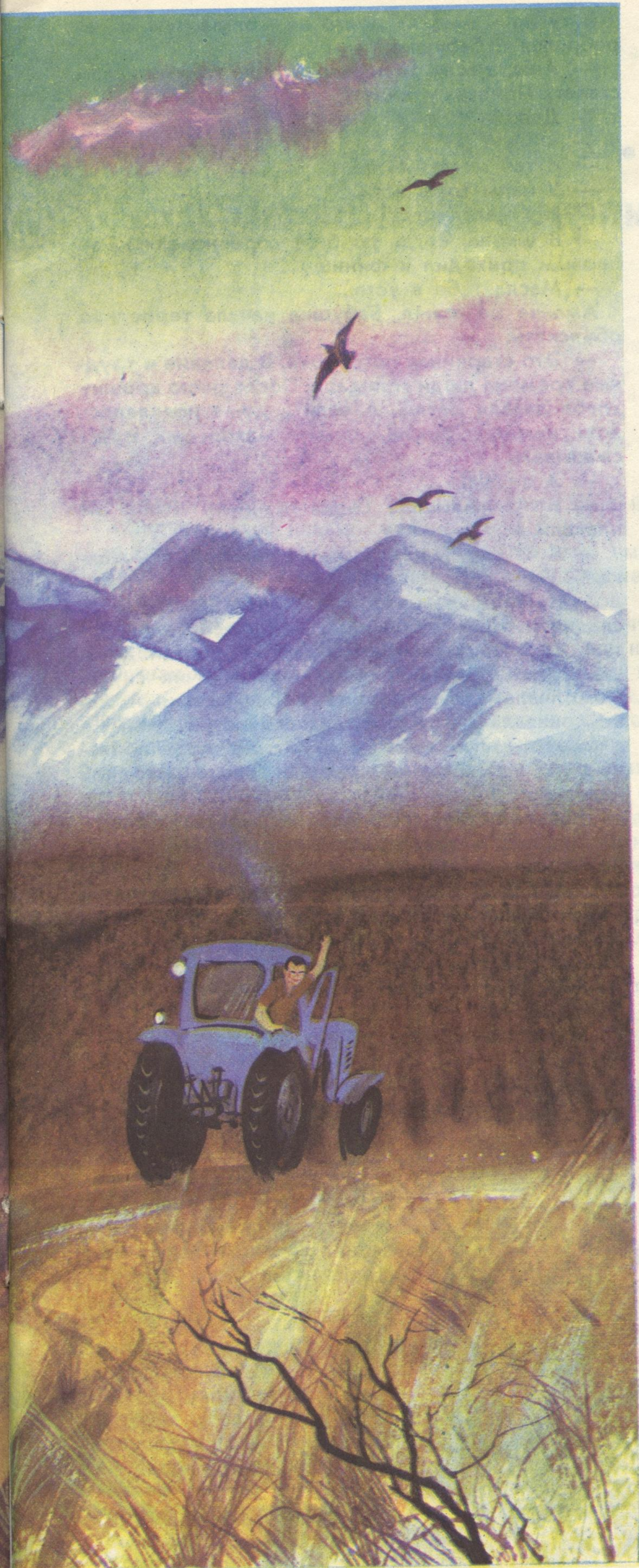
— Если наступит такой день, весь аул созову: большой той¹ сделаю. Иди, айналаин², ко мне. — И бабушка крепко поцеловала Аманку.

— А зачем той?

— Как зачем? В твою честь, айналаин! Ты большим джигитом будешь. Самый сильный человек тот, кто пшеницу сеет, кто хлеб выращивает. Потому на радостях той закачу. Созову народ и скажу: «Смотрите, люди, вот мой Амангельды... Дед у него, отец и брат трактористами были, вы это знаете. Теперь видите, и он пошел по их стопам. Пожелайте ему удачи». Вот увидишь, так и скажет твоя аже.

¹ — Той — пир (казахское).

² — Айналаин — ласкательное обращение (казахское).

— А дедушкин трактор где?

— Твой ата еще до войны трактористом был. На фронте погиб. Настоящим батыром был. В ночном бою, рассказывали, один против десяти фашистов бился.

— Один?! Вот здорово!

— Орденом его наградили...

— А как орден к нам попал?

— Майор, фронтовик привез.

— И у папы ведь тоже орден есть.

— Папа твой в отца своего пошел. Как же — знатный тракторист на всю округу...

...Аул уже начал погружаться в сумерки, когда к их дому на новеньком «жигуленке» подкатил сам бригадир. Из окна бабушка заметила Тулегена, сидевшего рядом с бригадиром. Она почувствовала, что сердце останавливается. С чего это вдруг? Не напортил ли Тулеген там чего-то? Но, взглядевшись в безмятежное лицо бригадира, бабушка смело вышла.

Бригадир уже выскочил из машины и протянул ей в знак уважения обе руки:

— Апа, не внука, а радость я вам привез. Молодец, Тулеген. Норму перевыполнил... Радуйтесь, апа. Я ему говорю: «Хватит, отдохни!», а он — ни в какую!

Бабушка была на седьмом небе.

— То-то, солнышко, сбывась примета моя.

— Не заглох? — тербит Аманка брата.

— Трактор? Ни разу! — важно ответил Тулеген.

Все направились к дому. У порога бабушка осыпала всех конфетами.

— Первый шаг твой осыпаю, внук... Чтоб плодами был славен труд...

Бабушка радовалась. Но больше всех, конечно, Аманка. К ногам падали сладости.

— На целую неделю конфет хватит, — улыбнулся бригадир.

— Куда мне столько? — неожиданно спросил Аманка, придерживая отяжелевшие карманы.

— Друзьям дашь. Пусть и они радуются. Да не забудь сказать, что это бабушка постаралась в честь внука.

В ту ночь Аманка долго не мог заснуть и перебрался к бабушке:

— А же, а если он первым в ауле трактористом станет? Приз ему дадут?

— Дадут.

— «Жигули»?

— И так может быть.

— У папы тоже есть.

— И Тулегену дадут.

— В школе, когда по бегу соревновались, он первым приходил к финишу...

— Масла тебе в уста...

Аманка не понял. Бабушка начала терпеливо объяснять:

— Это старинная поговорка. В далекие и трудные времена люди голодали. Последнюю крошку хлеба давали детям. А если в доме появлялось хоть немного масла, самым махоньким губки смазывали.

— А зачем?

— Чтоб малышам было приятно, чтобы не плакали...

— Я не хочу масла, — нахохлился вдруг Аманка.

— Конечно, вам этого не понять. Вам бы лишь сладкого было побольше... Ладно, спи, мой батыр. Тебе надо набраться сил на долгий день.

Бабушка погладила маленький чубчик внука. Помолчала, словно собираясь с мыслями. Аманке показалось, что бабушка сейчас не с ним, а с кем-то другим разговаривает: не очень понятные, но удивительно красивые слова выходили из ее уст:

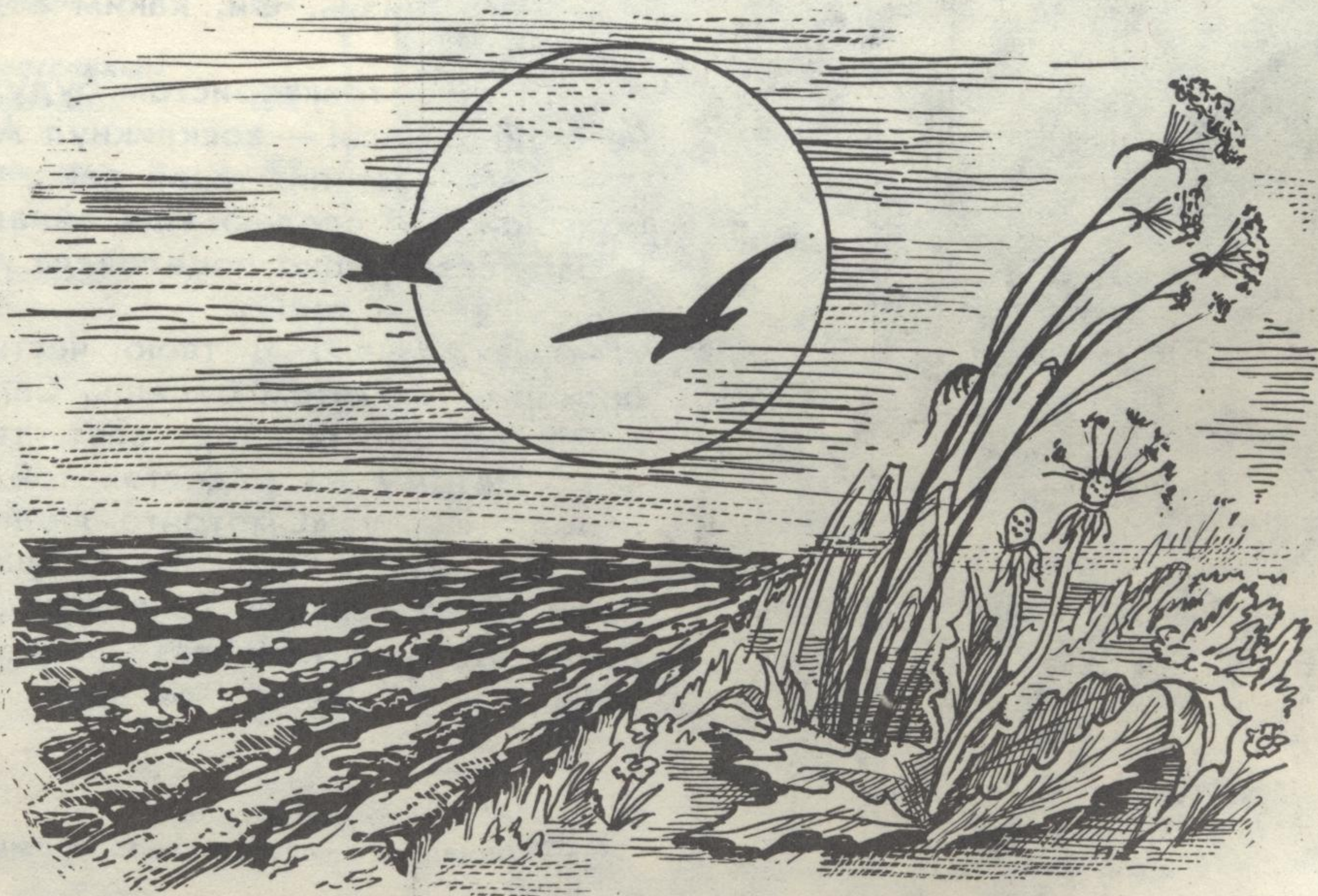
— Вот она какая степь-целина: могучая, благодатная!.. Быть трактористом — разве не счастье. Все-то он может, все-то ему доступно. Брат ветру, что гуляет по бескрайним просторам родной земли. Пожалуйста, вот тебе железный конь — сказочный тулпар, — не знающий усталости...

Вдруг бабушка умолкла.

— Ты еще не спишь, мой славный батыр?

— Нет, а же.

— И у меня сон куда-то пропал... Спи...

ОТВЕТ Ю. В. АНДРОПОВА

на письмо американской школьницы

Американская школьница из города Манчестер (штат Мэн) Саманта Смит прислала Ю. В. Андропову письмо, в котором пишет, что ей 10 лет и что она очень обеспокоена, не случится ли ядерная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом. «Вы за войну или нет? Если Вы против, пожалуйста, скажите, как Вы собираетесь не допустить войну?»

На это письмо Ю. В. Андропов направил ответ, в котором говорится:

«Дорогая Саманта!

Получил твое письмо, как и многие другие, поступающие ко мне в эти дни из твоей страны, из других стран мира.

Мне кажется, — я сужу по письму, — что ты смелая и честная девочка, похожая на Бэки, подружку Тома Сойера из знаменитой книги твоего соотечественника Марка Твена. Эту книгу знают и очень любят в нашей стране все мальчишки и девчонки.

Ты пишешь, что очень обеспокоена, не случится ли ядерная война между двумя нашими странами. И спрашиваешь, делаем ли мы что-нибудь, чтобы не дать вспыхнуть войне.

Твой вопрос — самый главный из тех, которые волнуют каждого человека. Отвечу тебе на него серьезно и честно.

Да, Саманта, мы в Советском Союзе стараемся делать и делаем все для того, чтобы не было войны между нашими странами, чтобы вообще не было войны на земле. Так хочет каждый советский человек. Так учил нас великий основатель нашего государства Владимир Ленин.

Советские люди хорошо знают, сколь ужасна и разрушительна война. 42 года тому назад нацистская Германия, которая стремилась к господству надо всем миром, напала на нашу страну, сожгла и разорила многие тысячи наших городов и сел, убила миллионы советских мужчин, женщин и детей.

В той войне, которая закон-

чилась нашей победой, мы были в союзе с Соединенными Штатами, вместе боролись за освобождение от нацистских захватчиков многих народов. Я надеюсь, что ты это знаешь по урокам истории в школе. И сегодня мы очень хотим жить в мире, торговать и сотрудничать со всеми своими соседями по земному шару — и с далекими, и с близкими. И конечно, с такой великой страной, как Соединенные Штаты Америки.

И у Америки, и у нас есть ядерное оружие — страшное оружие, которое может в один миг убить миллионы людей. Но мы не хотим, чтобы оно когда-либо было пущено в ход. Именно поэтому Советский Союз торжественно, на весь мир объявил, что никогда — никогда! — не применит ядерное оружие первым ни против ка-

кой страны. И вообще мы предлагаем прекратить его дальнейшее производство и приступить к уничтожению всех его запасов на земле.

Мне кажется, что это — достаточный ответ на твой второй вопрос: «Почему вы хотите завоевать весь мир или по крайней мере Соединенные Штаты?» Ничего подобного мы не хотим. Никто в нашей огромной и прекрасной стране — ни рабочие и крестьяне, ни писатели и врачи, ни взрослые и дети, ни члены правительства не хотят ни большой, ни «малой» войны.

Мы хотим мира — нам есть чем заняться: выращивать хлеб, строить и изобретать, писать книги и летать в космос. Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта».

Ю. В. Андропов пригласил американскую школьницу Саманту Смит побывать в пионерском лагере «Артек».

Письмо Ю. В. Андропова Саманте Смит было направлено через советское посольство в Вашингтоне.

«Это письмо полностью изменило мое представление о Советском Союзе, — заявила Саманта Смит американским корреспондентам. — Это очень теплое и успокаивающее письмо. Раньше русские казались мне чуть ли не жителями иной планеты. Теперь я поняла, что они — такие же люди, как мы, американцы». Письмо и аргументы, отметила Саманта, ее полностью убедили. Она очень хочет поехать в СССР, куда пригласил ее советский руководитель. «Теплым, дружеским, прямым и откровенным» назвал письмо Ю. В. Андропова отец Саманты, преподаватель университета штата Мэн в Огасте. Дочь была счастлива, получив это письмо, заявил он.

(ТАСС).

РАССКАЗЫ О БАХТИЯРЕ

Федор КАМАЛОВ

Рисунки А. Слепкова

Как сгорел пруд

Шофер сеновоза впоследствии клялся, что видел собственными глазами, как из какого-то двора вылетела горящая стрела и впилась в сено на его машине. «Тогда почему ты не остановился сразу? — спрашивали его. — Не ликвидировал опасность?» — «В то время я не очень обратил внимания на это, потом уже вспомнил», — оправдывался он.

Шоферу, везущему сено, не обратить внимания на летящий в него огонь? Подозрительное, дымное дело.

Может, шофер замечтался, пока его старый грузовик со скрипом плохой пилы полз по дороге. Или, наоборот, злился, что нагрузили сверх меры, а сену хотелось лечь, повалиться на обочине, а не ехать куда-то на ферму, чтобы его съели.

Так потихоньку шофер пилил по улице, не замечая, что за машиной вьется синий шлейф.

Встречный конюх бросил поводья и схватился одной рукой за голову, а другой, сжатой в кулак, тыкал перед собой, как бы метя в лоб машине.

Шофер высунул голову из кабины и обомлел — горим! Мало того, что сами — сожжем село.

Первая мелькнувшая мысль — остановиться! Вторая — нельзя! Кругом дома. Нога дернулась и нажала педаль газа до упора. Грузовик рванулся вперед, быстро превращаясь в огромный факел на колесах.

Задыхаясь от натуги, мотор вынес машину к ферме на пригорке. Но из ворот фермы выскочили доярки и с искаженными лицами замахали на едущий к ним пожар.

— Куда, паразит! Назад! — разобрал шофер и крутнул руль.

Правые колеса на повороте оторвались от земли, и шофер мысленно простился с родными. Но машина не перевернулась. Набирая скорость, покатила с пригорка, а огненные языки уже лизали кабину. Шофер увидел, как тот конюх, безумно нахлестывая лошадей, летит ему навстречу. Он еще раз свернул и въехал в пруд. Машина пропахала вонючее месиво из ила, тины, просто грязи и увязла по кабину.

Мотор заглох. Стало слышно, как огонь с веселым гудением пожирает сено.

Шофер с трудом выбрался на берег и там зарыдал.

— Какой злодей!.. Мою машину!..

С шеи свисала мерзкая белая водоросль, шофер рвал, не замечая, за оба конца, багровел и, наконец, порвал ее шеей.

К пруду сбегался народ.

Веревки, обвязывающие машину, сгорели и пылающее сено разваливалось, дымящиеся островки с шипением плавали вокруг машины.

Вспыхнули борта.

— Ведро! Дайте мне ведро! — рыдал шофер, бегая по берегу. — Машина!

Ему сунули ведро и он сгоряча полез в пруд, увязая, с трудом выдергивая ноги, пока не застрял окончательно. К машине близко было уже не подойти.

Клубы пара, дым, смрад.

Вскачь примчалась пожарная повозка с лопатами, баграми, ящиком песка и пустой красной бочкой — кто же на пруд возит воду! Сельский пожарный с облучка громко кричал:

— Пошт! (Берегись!)

Кони захрапели и встали, а пожарный гневно закричал на шофера, торчавшего в пруду, по какому праву тот зажег машину, устроил пожар и теперь сам не тушит. Это дело так не останется, он, пожарный, напишет акт, передаст в суд — истинный виновник еще попляшет у него.

Шоферу, вконец отчаявшемуся, хотелось вылезти на берег, побить пожарного, но он не мог стронуться, врос в пруд. Шофер махал кулаками на пожарного, чтобы тот скорее тушил его машину. А пожарный кричал про штрафы, суды и искал добровольцев на берегу, раздавая лопаты и багры.

Подъехал председательский «газик».

Все замолчали.

Председатель поманил рукой шофера, тот тяжело задергался и полез из пруда, а пруд чавкал, и это было слышно даже сквозь треск горевшего сена. Шофер, когда вылез, оказался до пояса блестящим, будто свинцовым.

— Мерзость какая! — сморщившись, произнес председатель и сел в «газик».

Одни отнесли эти слова на счет горевшей машины, другие — на раздор пожарного с шофером. И только Бахтияр подумал, что это относится к самому пруду.

Истинно, безобразнее такого пруда не могло быть самое поганое болото. Никакой ветер не

мог поднять на нем волну. Ни одна птица не садилась на его поверхность. А на болотах птицы предостаточно.

— Чтоб он совсем сгорел, проклятый! — сказала вечером мать. — Пройти мимо него тошно.

Машину через день вытащил трактор и на длинном тросе — боялся испачкаться — уволок в мастерские. В маслянистую зеленую поверхность пруда вклеились черные хлопья, сенная труха, помимо той дряни, что была там раньше.

А еще через день отец, вернувшись с правления, весело спросил:

— Кто у нас хотел, чтобы пруд сгорел синим пламенем?

— Я, — ответила мать.

— Я, — сказал Бахтияр. — Когда?

— Начнем завтра, а там посмотрим, — туманно сказал отец.

Назавтра с утра Бахтияр был на берегу.

Большой насос опустил в пруд металлический

хобот. От насоса тянулся толстый шланг в широкую старую балку за фермой.

Насос чихнул и загудел ровно, мощно, а шланг затрясся, потому что по нему перетекал пруд.

Больше всех возле насоса суетился шофер, размахивал руками, словно пруд был его личным врагом, хотя пруд спас его машину.

Через два дня пруд совсем обмелел. Насос задыхался, черпал жижу. Его увезли.

На берегу встали два «Беларуся». Весело подпрыгивая, ковшами вычерпывали густеющую грязь в машины, борта которых были обтянуты брезентом.

— Двух зайцев уьем, понял? — прокричал Бахтияру шофер без грузовика. — Первый заяц — сам пруд, человеческим станет, наконец. Второй — балку потом заровняем, бахчу там сделаем. Во-о будут арбузы!

«Беларуси» работали почти неделю, дочиста выскребли берега и принялись разъезжать по дну, уминая грунт.

Из кабины одного «Беларуся» выпрыгнул тракторист, присел и руками стал разгребать землю. Потом влез обратно в кабину: ковш завис и осторожно снял слой коричневой глины. Показался желтый песок, он вспучивался, словно закипал и вдруг на том месте ударила светлая струя воды.

Родник!

— Еще один был, я помню! — в возбуждении кричал шофер. — В той стороне где-то.

Глину снимали, везде под ней оказывался крупный хороший песок. Вскрылся и второй родник, и он оказался таким же сильным, как и первый.

«Беларуси» попятились на берег.

...Издавека, да при низком солнце, пруд был таким ярко-синим, что думалось: если бы такой синью налилось небо — вот оказался бы купол!

Сгорел ли пруд?

Конечно, особенно, если послушать того шофера. Он гордился собой.

— Из-за кого все это произошло? Из-за меня и моей машины, — и грустно добавлял: — сгоревшей.

Его посадили на бричку, рулить вожжами. Решили год не давать ему машину. А то пруд сжег и еще что-нибудь запалит.

Корсак

Сосед Уразовых Мухсин, старик жадный и на этом немного свихнувшийся, таскал по селу мешок с пятью лисятами — выкопал где-то из норы.

Лисята в мешке дергались, скулили, а Мухсин приплясывал и горланил, что ни один зверь на свете не уйдет от него, славного охотника, и доказательство вот, в этом мешке, где сидят пять хищников. Скоро он их продаст, а на вырученные деньги купит двугорбого верблюда, и чтобы тот обязательно плевался и оплевал бы всех врагов Мухсина, а также тех, кто не верит в его охотничьи способности.

Вечером он зашел к Уразовым, потребовал у отца Бахтияра бумагу и ручку, а когда ему дали, сказал, что отец должен немедленно сесть за стол и посчитать — как ему, старику, дальше жить.

— Что такое? — удивился отец. — Почему я должен считать?

На это Мухсин ответил: «Мы тебя не зря учили сорок лет...» и упорно двигал бумагу к отцу.

— Что считать-то? — раздраженно спросил отец. — Что?

Оказалось, надо посчитать: сейчас продать шкурки лисят или выгоднее выкормить их и продать большими?

— Тут и считать нечего, — быстро ответил отец. — Конечно, выкормить.

Мухсин тщательно сложил чистый лист и засунул в карман. Эти слова на бумаге уже написаны, заявил он, и если совет не оправдается, он притянет грамотея к ответу.

— Нет, не зря прожит сегодня день, — успокоившись, решил отец. — Спас пять живых душ. Пока.

Старик закрыл лисят в сарае.

В его дворе сидела на вечной цепи маленькая собака. Ей когда-то обрубили хвост и уши — как волкодаву, отчего у собаки сделался скверный характер. Собака хрипела, уже не в силах лаять, а тем более добраться до сарая, как ей хотелось. Если хозяин помешался от жадности, она — от злости.

— Ой, суволошь, зачем лаешь! — кричал на нее Мухсин. — Что в сарае — наше. На наше не лай!

В конце концов собака утомилась и замолчала, вывалила язык.

Вечером заволновался добродушный Бахтияров пес Акбар. С лаем носился по темному саду. Бахтияр его успокаивал, пес прибегал на зов, и, возбужденный, снова порывался бежать в сад.

Бахтияр уловил из-за сада негромкое тьяканье, не похожее на собачье. Лисята в сарае Мухсина отозвались взволнованным визгом.

Вон оно что!

Мать пришла. Или, скорее, отец, корсак. Все же это мужское дело — освободить из плена детей.

Бахтияр отвел свою собаку в дровяной сарайчик.

— Не обижайся. Посиди здесь.

Сам пробрался ближе к соседскому сараю, сел у забора на корточки. И скоро услышал у задней стены сарая, ближней к нему, как с шорохом сыплется земля.

Бахтияру хотелось рассмотреть отважного корсака, но он боялся шевельнуться. Так и сидел с открытым ртом, ловя звуки. Внезапно в рот ему влетел жук, треща жесткими крылышками и гудел так неистово, что отозвалось даже в животе. Бахтияр едва не проглотил жука и закашлялся. Шорох сразу же прекратился и вдоль забора мелькнула тень.

Лисята забегали в сарае, заныли, а лис издавека сказал им: «Чш! Там человек!».

Бахтияр притаился, но корсак уже знал, что он там, и не шел к сараю.

Тогда Бахтияр вернулся к себе, нашел во дворе лопату и перелез с ней через забор. Нашел ямку, начатую корсаком и принялся копать под стенкой. «Летняя ночь коротка, как вздох, — подумал он. — Если я даже уйду, лис не успеет спасти своих рыжих».

По ту сторону сопели и возились лисята — тоже копают? — но молча. «Уйди, мальчик! — просил из сада корсак. — Я сам!» — «Как же сам, без лопаты? Год будешь копать».

Маленькая собака во дворе задыхалась от большой злобы и душила себя ошейником.

Из дома выскочил Мухсин.

— Убить меня хочешь своим лаем?! Этого хочешь, да?!

И пнул усердного сторожа. Потрогал замок на сарае. А вокруг не пошел. Обойди он сарай —

застукал бы съездившегося Бахтияра, который сейчас очень понимал лиса.

«Уйди, прошу тебя!» — стонал лис.

Бахтияр уже порядочно углубил яму и согласился уйти.

Едва он перелез через забор, у сарая с шелестом посыпались комья земли. Пожалуй, корсак работал быстрее — в сарае сидели его дети.

Успеет ли до утра?

Проснувшись рано, Бахтияр удивился — отчего ему хочется улыбаться? И подумал: наверное, все хорошо. Быстро одевшись, вышел на улицу.

Сквозь дыру можно было заглянуть в пустой сарай.

Выпущенный на волю Акбар обнюхал следы и не пошел по ним. Поздно! Где-то далеко отсюда лукавые дети гуськом идут за отцом — рыжая такая цепочка. А может, уже строят себе новый дом.

Живите, лисята! Не попадайтесь в когти беркуту и таким, как старик Мухсин.

Днем старик суматошно метался по селу и кричал, что проклятые лисы сбежали, развалив ему сарай и вдобавок стащили большую жирную курицу. Хотя все знали, что у него никогда не бывало куриц, однако сочувственно кивали его рассказу и ругали коварных лисиц.

Отец, побывавший у сарая, заметил:
— Лис умный, с лопатой приходил...
И откровенно подмигнул Бахтияру.

Месть

У мальчика и его маленького ослика имелись враги.

Каждое утро мальчик верхом на ослике отправлялся за село, к каналу. Там росла хорошая трава. Канал уходил, говорят, к морю. Мальчик, правда, не понимал — зачем прокладывать канал к морю? — но рассказ не об этом.

Острым ураком мальчик срезал траву, набивал два мешка и приторачивал их на спину смиренному ослику. И сам садился.

И они ехали к своему дому, где уже собрался приличный стожок — будет их корова сыта зимой.

Враги жили в самом крайнем дворе. Ни объехать, ни обойти.

Враги ждали их возвращения с покоса. Из распахнутой калитки вырывались два здоровенных пса и появлялся хозяин псов — толстый глупый Палван, одних лет с мальчиком.

— Агу их! Взять! — кричал он, показывая собакам на ослика.

И с хохотом наблюдал за веселым — так ему казалось — побоищем.

Злой черный пес, круглый, впрочем, дурак, набрасывался на ослика сзади. Другой, рыжий, был чуть хитрее, нападавал спереди. Им очень хотелось ухватить ослика за хвост и уши и разорвать его. А ослик этого, естественно, не желал, громко возмущался и отбивался.

А попробуй достойно отбейся с полной спиной мешков, да еще хозяин верхом.

Прорваться мимо вражеского дома без потерь им удавалось не часто.

Обычно ослик, взбрыкивая, сбрасывал мальчика, иногда вместе с мешками. Сам убегал, грустно поводя ушами: я не виноват, хозяин! Мальчик, плача от унижения и бессилия, через все село тащил мешки с травой к дому.

Он мечтал завести большую, сильную собаку... Или, еще лучше, прирученного волка. С тяжелой головой, серыми умными глазами и уверенной поступью. Он все надеялся, что однажды найдет среди камыша одинокого волчонка, несчастного, может, раненого и вылечит его и воспитает в нем верного друга.

И волк отомстит за все его обиды.

Потом ему стало сниться, как они втроем выходят из дома...

«Хватит реветь и мечтать, — сказал он себе однажды. — Мужчине слезы не помогут».

А что поможет мужчине?

Ему и в голову не приходило воспользоваться ураком, как оружием. Даже для защиты. Все же он оставался хорошим человеком, хотя Палван и затравил его своими собаками.

Он сплел длинный кнут: сначала не очень удачно — кнут получился тяжелым. Он переплел, оставив конец кнута чуть размочаленным. И каждый день во дворе учился владеть им. Бил с оттяжкой, звонко стреляя. С трех метров кончиком попадал в шарик чертополоха, выколачивая из него розовый или сиреневый пух.

Каждый день.

И каждый день собаки все так же набрасывались на него и на ослика, а толстый Палван держался за трясущееся брюхо — ха-ха!

Но мальчик уже не плакал, потому что готовил мщение.

Только ослик грустнел все больше. Он не верил, что хозяин способен защитить себя и его от собачьих нападков.

Вместо урака он спрятал среди мешков кнут и поехал на ослике по траву.

Дорога туда всегда была свободна, враги ждали их от туда. Может быть, не такой уж глупец этот Палван, если понимал разницу между легким всадником и крестьянски нагруженным осликом?

Мальчик лежал на некошеной траве, выжидал время и потел от волнения предстоящей схватки. Он знал, что если не решиться на нее, останется один выход — утопиться в собственных слезах.

С бьющимся сердцем он влез на ослика, все так же пряча кнут в пустых мешках.

— Вперед! Или победим, или умрем!

Ослик затоптал, разводя ушами, как человек руками, — где груз на спине? Потом, наверное, решил: это дело хозяйское, и побежал веселее.

Село приближалось.

У мальчика занемели пальцы, и он выпустил рукоять кнута, несколько раз сжав пальцы в кулак, а потом вытер ладонь о штаны.

Вот она, ненавистная калитка.

Он ожидал — распахнется, появятся собаки...

И все равно псы вырвались внезапно. Мальчик вздрогнул, и псы — ему показалось — загоготали. За ними возник Палван с круглым от ухмылки лицом.

Он кричал:

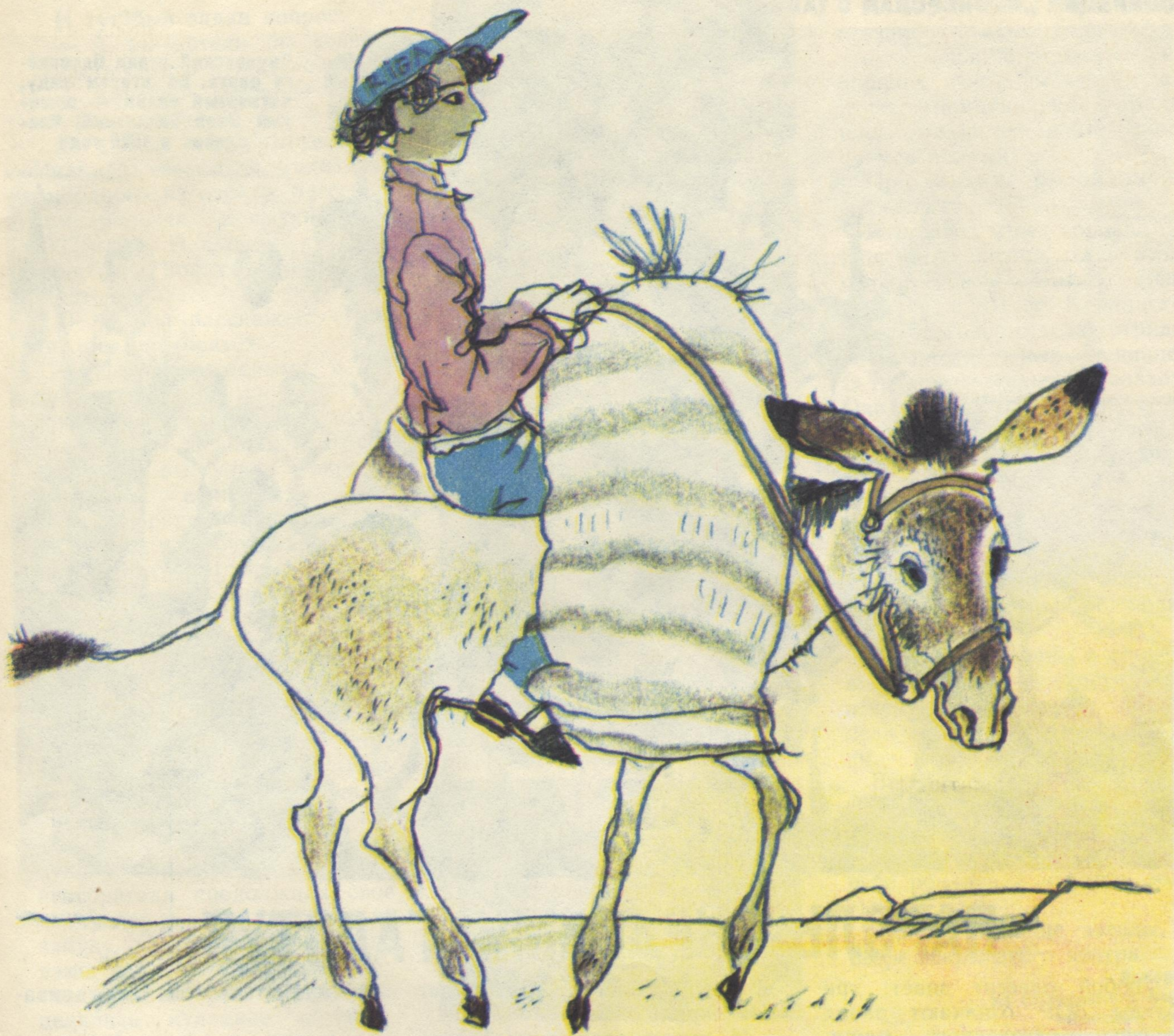
— Оторвите хвост! А этому порвите штаны!

Нет, они не увидели разницы между мальчиком вчерашним и мальчиком сегодняшним. И его волнение принимали за обычный страх.

Все кончилось за минуту.

Выхватив кнут, мальчик длинно послал его вперед — по ушам рыжего пса. Рыжий отчаянно завизжал и отпрыгнул к калитке, сбивая с ног толстого Палвана. Черный пес, забежавший привычно за ослика, остолбенело встал, и ослик наконец-то дотянулся до него задними копытами. Раздался ужасный стук зубов и сразу же вопль собаки.

Палван у калитки забыл закрыть рот, настолько распахнутый, что легко можно было спутать —

где калитка, а где рот. Мальчик перепоясал Палвана, не очень больно, но тот заревел громче собак.

Доехав до дома, мальчик взял урак и отправился за травой.

Черный пес торчал в арыке, макал морду в воду и горестно подвывал. Рыжий, похитрее, поддакивал ему с берега: «Не ожида-а-ли мы тако-о-окого кова-а-арства!». Палван всхлипывал за забором.

— Волка заведу, он тебе горло разорвет и твоему ишаку! — закричал он.

— Тогда я с ружьем буду ездить, — не оборачиваясь, ответил мальчик.

Накосив траву, он возвращался. Собаки все

еще отмачивались; отвернули морды, сделав вид, что не знают ослика и его.

Из-за забора раздалось:

— Я тигра заимею, он тебя съест вместе с ишаком и ружьем.

— Тогда я на слоне буду ездить, — ответил мальчик и проехал мимо.

Следующим утром он услышал из-за забора:

— Я пушку поставлю, все равно тебе конец.

Мальчик поправил кнут, открыто висящий на боку и сказал:

— Тогда я на танке буду ездить.

Палван еще посопел и предложил:

— Ну, ладно, хватит нам. Как тебя звать?

— Бахтияр...

Пионерский отряд Одесского порта. Во втором ряду, четвертый слева, — вожатый Иван Бальянский. Снимок сделан в 1925 году

ПАРОЛЬ — КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Любой одессит знает: три буквы ЗОР означают завод сельскохозяйственного машиностроения имени Октябрьской революции, а зоровцы — это мальчишки и девчонки заводского пионерского лагеря.

Однажды зоровцы получили задание — разыскать первых пионеров Одессы и пригласить их в лагерь.

Все понимали: встреча предстоит необычная и провести ее надо так, чтобы гости остались довольны. Готовили номера художественной самодеятельности, выставку рисунков и аппликаций, сувениры из ракушек и цветной соломки. С волнением звонили по телефону:

— Николай Петрович, на остановке мы будем в гуйсах и вы нас сразу узнаете!

— Виктория Петровна, вы сойдете с трамвая и достанете

красный галстук. Он будет как пароль...

И вот в назначенный день лагерь встречает гостей. Никто из приглашенных не знал, что сейчас увидит своих друзей детства, товарищей по пионерскому отряду.

Бабушки и дедушки в красных галстуках выходили на сцену с охапками цветов, обнимались, вытирали слезы. Вспоминали, как шесть десятилетий назад шагал по Дерибасовской и Приморскому бульвару самый первый в Одессе пионерский отряд. Тридцать шесть мальчишек и девчонок, кто босиком, кто в рваных ботинках, но зато четким строем, плечом к плечу, под гром барабана. А впереди шел их вожатый Ваня. Комсомолец Иван Бальянский, которому губком комсомола поручил создать в Одесском порту ячейку Детской

коммунистической организации.

Память о первом вожатом они пронесли через всю свою жизнь.

— Он ходил по дворам, собирал вокруг себя ребят, приглашал в пионерский клуб, который находился в парке имени Шевченко. Вместе с вожатым мы собрали в клубе хорошую библиотеку. И даже электричество провели, чем очень гордились. Надо сказать, что руки у Ивана были золотые и каждого из нас он научил многому. Все это пригодилось в жизни...

— А как он любил петь и сколько знал песен! А какой замечательный был рассказчик! И не было такого вопроса, чтобы он не смог ответить...

Так говорили о своем вожатом бывшие пионеры — Виктория Петровна Васильева и Роня Александрович Ролл.

И тут был задан вопрос:

— А вы хотели бы сейчас увидеть своего вожатого?

— Конечно! Неужели вы и его разыскали?

И в этот миг все увидели Ивана Анисимовича Балянско-го, одного из первых одесских комсомольцев, коммуниста с 1927 года. И снова — крепкие объятия, повлажневшие от счастья глаза.

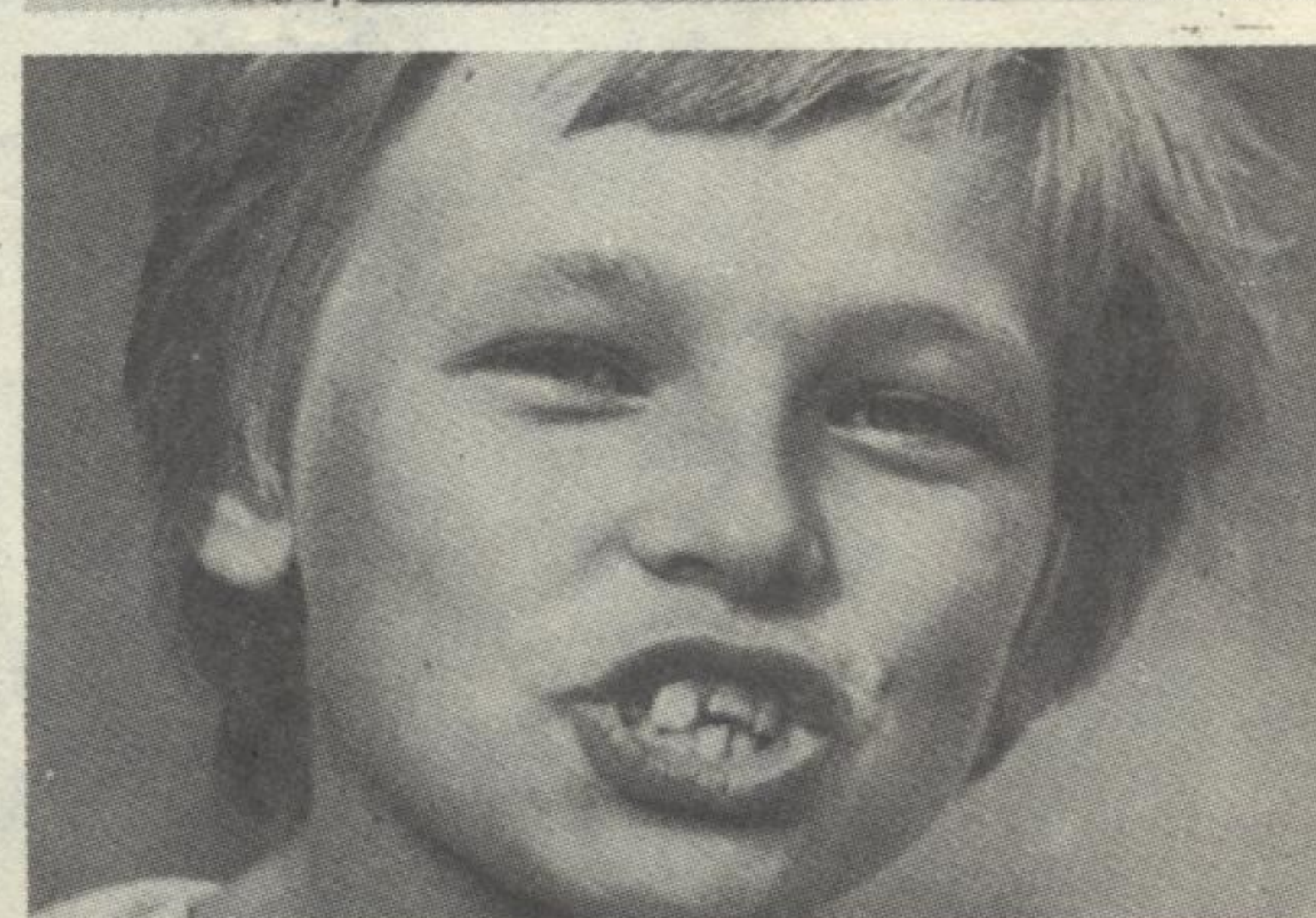
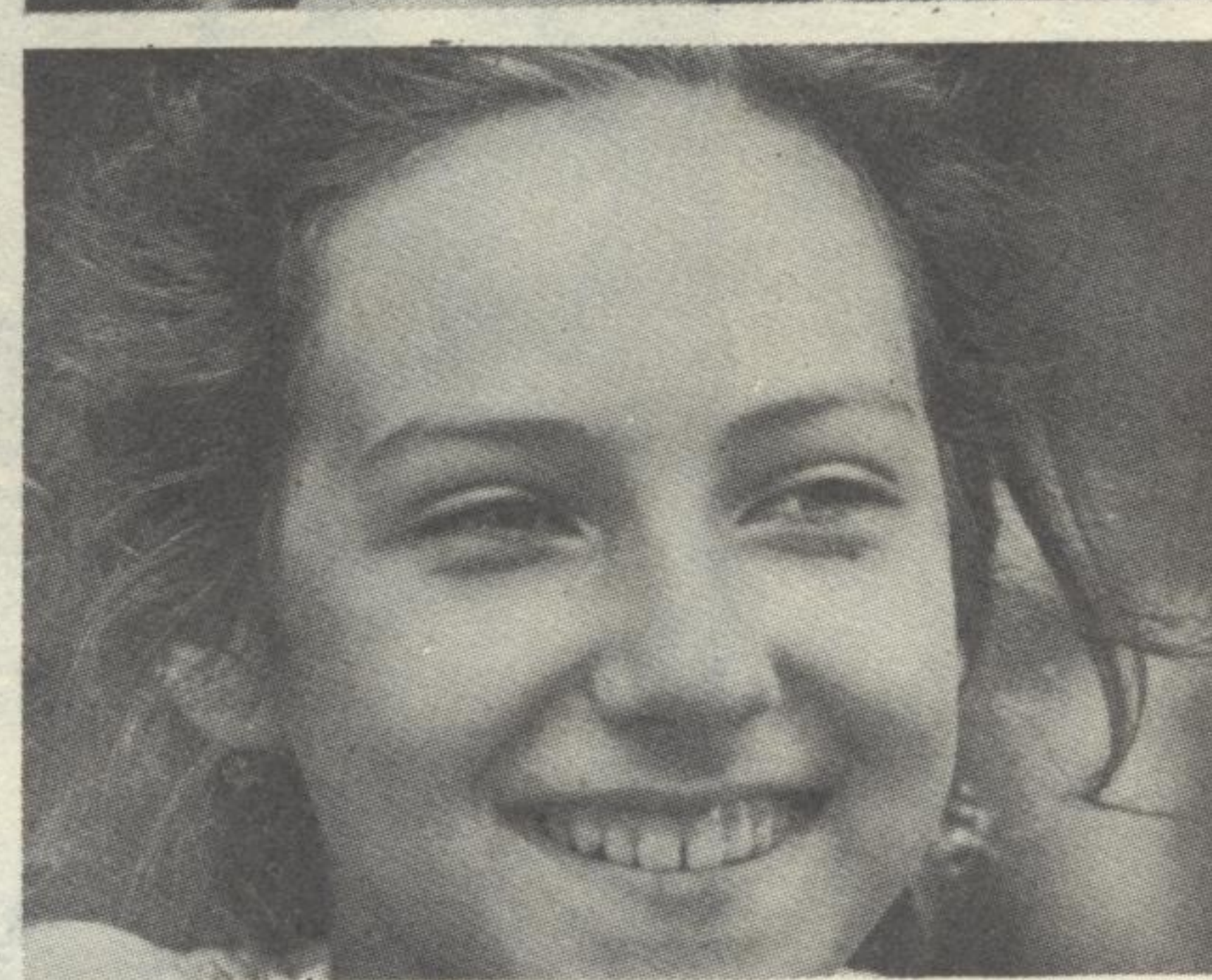
О чем он расскажет сегодняшним пионерам?

— Перед выходными и во время школьных каникул мы, как правило, ходили в походы. У нас была хорошая агитбригада и мы выступали в окрестных селах с концертами. Я говорю «хорошая агитбригада» не потому, что хочу похвастаться, а потому, что хорошо помню случай в селе Санжейка. В ту пору высмеивать кулаков и врагов Советской власти было делом небезопасным. И кулаки этого села схватились за ножи и обрезы. Конечно, они бы с нами расправились. Но на наше счастье рядом находились пограничники вместе с начальником заставы. И он дал команду: «В ружье!». Когда кулаков арестовали и увели, агитбригада продолжала свое выступление. И я никогда не забуду, как лихо отплясывали наши артисты «Яблочко». Артисты, в которых только что целились кулацкие обрезы...

— Иван Анисимович, а ты помнишь, как в Лузановский лагерь к нам приезжал Григорий Иванович Котовский, легендарный герой гражданской войны, — это вступает в разговор Николай Петрович Плаксионов. — Помнишь, как он принимал наш пионерский парад и страшно удивился, когда узнал у тебя, что в отряде нет горна. И подарил нам боевую кавалерийскую трубу...

— Еще бы не помнить! Я ведь тогда не знал, как вас утихомирить: буквально все в отряде, и ты в том числе, хотели быть только горнистами, — отвечает вожатый...

Долго вспоминали ветераны о давно пролетевшем детстве. И радостно светились глаза и улыбки у тех, кто слушал, и у тех, кто рассказывал.

Члены лагерного штаба операции „Пионерская слава“ — Лена Бараник, Наташа Радохлеб, Рита Евдокименко, Юра Петрик

Иван Анисимович Балянский и Евгения Николаевна Романовская рассказывают следопытам о тех, кто были первыми

И вдруг Иван Анисимович сказал:

— Друзья, а ведь это — не порядок: гости выступают, хозяева помалкивают. Вношу предложение: давайте поменяемся ролями!

Предложение было принято единогласно.

И пришел черед зоровцам — Ире Четвериковой, Даше Ульяненко, Олегу Жилко, Леше Згирину и Шуре Карпинской вести разговор о делах отрядов на Марше юных ленинцев. О трудовых десантах в совхозы Овидеопольского района. О пионерской плавке на заводе. О походах по родному краю. И о том, как идет поиск материалов о первых пионерах Одессы.

И по тому, как гости слушали этот рассказ, можно было заключить: зоровцы не подкачали.

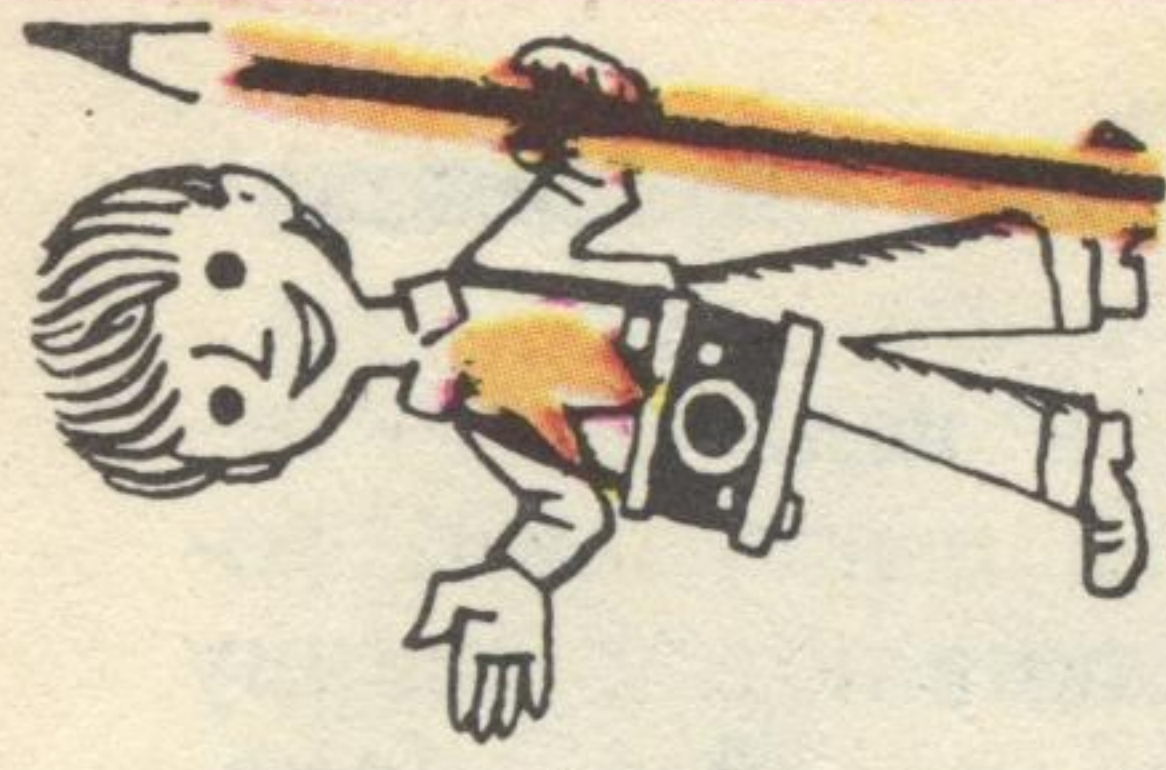
А потом ветераны и пионеры вместе сидели у костра, ели печеную картошку и дружно пели задорные пионерские песни.

Весело потрескивали сучья. Жаркие языки пламени лизали сухие поленья. И над костровой площадкой, в черном вечернем небе роились и мерцали золотые пчелы.

Но то были не звезды, то были искры этого костра.

Репортаж
из пионерского лагеря
«Красные зори»
вела Е. ЧЕЧКИНА
Фото автора

МАФАНАБАНБ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Мы дружбаюй ленинской силыны!

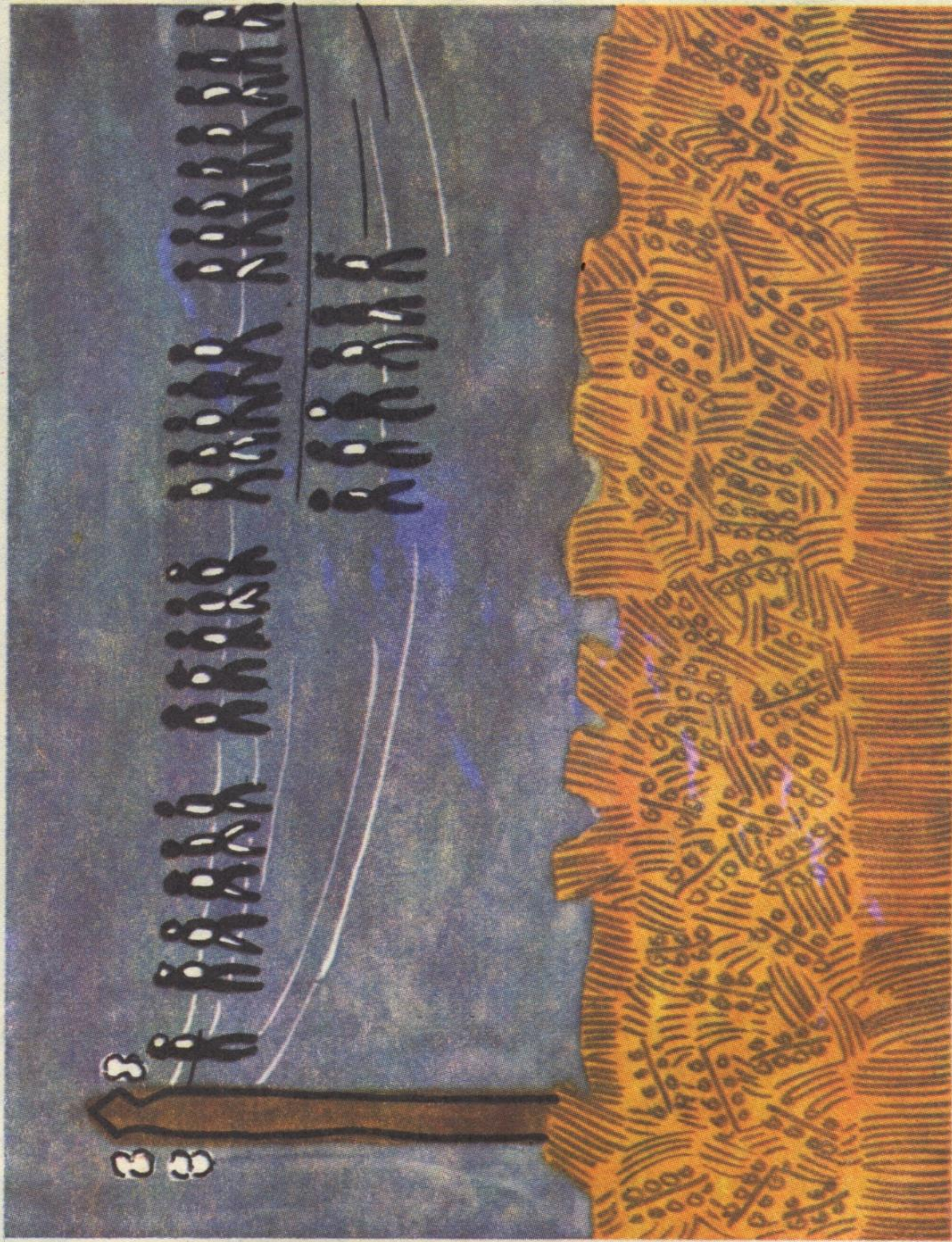
ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Клуб юных техников создан на комбинате «Кренгольмская мануфактура», крупнейшем предприятии Эстонии. Здесь дети текстильщиков — учащиеся нарвских школ — знакомятся с нужными комбинату специальностями. В кружках ре-монтников, электронщиков и других ребята изучают электронные схемы, на основе которых работает современная текстильная техника, участвуют в создании действующих моделей оборудования.

Зоогеографическая карта юго-востока Литвы появилась в вестибюле средней школы деревни Палукнис. Составлен-

НАШ КИД

Каждый год, в июне, вся прогрессивная общественность планеты отмечает Международный День защиты детей. В этом выпуске «Нашего КИДа» мы знакомим вас с творчеством ваших зарубежных ровесников.

Звонкие колокола,
ваша песнь добра, светла,
вы запойте, зазвоните —
всю планету огласите!
Призовите всех детей
двух огромных полушарий
к нам в Болгарию скорей!
Я приду на ассамблею*,
там стихи прочесть сумею!
Пойте же, колокола —
наша жизнь добра, светла!

Ива Софрониева,
9 лет,
Болгария

* Проводимая в Болгарии Международная ассамблея «Знамя мира», посвященная детям.

Рисунок Димитра Тодорова, 13 лет, Болгария

ная членами школьного лесничества, она пригодится не только ученикам, но и всем любителям природы района. С ее помощью определены точки, где наиболее целесообразно установить зимние кормушки для птиц и зверей. Красными крестиками отмечены маршруты рейды, показаны маршруты рейдов зеленых патрулей.

Около 300 школьников организована колхоза «Россия» Красногвардейского района Крымской области получают профессии в учебном комбинате села Климово. Он открыт три года назад. Все расходы по содержанию учебного комбината взял на себя колхоз. В распоряжении сельских школьников четыре автомобиля и четыре трактора. Для практической работы отведен участок земли.

За прошлое лето пионеры Морозовской средней школы Всеволожского района Ленинградской области сдали государству 90 килограммов лекарственных трав, а этой весной — 20 килограммов ольховых шишек. Сейчас, в июне, ребята сушат сосновые почки, собирают подорожник, ромашку, крапиву. Операция «Зеленая аптека» продолжается.

НАДЕЖДА

Скажи мне, отчего мы стонем,
как ветер, что вздымает волны,
вращая крылья мельниц в поле.
О, обрету ль покой я в жизни когда-нибудь?
А буду ль я счастлив, свободен,
как море синее, бескрайнее,
как небо черное в дрожащих ярких каплях?
О, обрету ль покой я в жизни когда-нибудь?
Но я храню в себе надежду —
она дороже всех бриллиантов —
в то, что взойдет однажды солнце
и труд мой будет не напрасным.
Тогда и я свой обрету покой.

Ричард Калунга,
14 лет,
Замбия

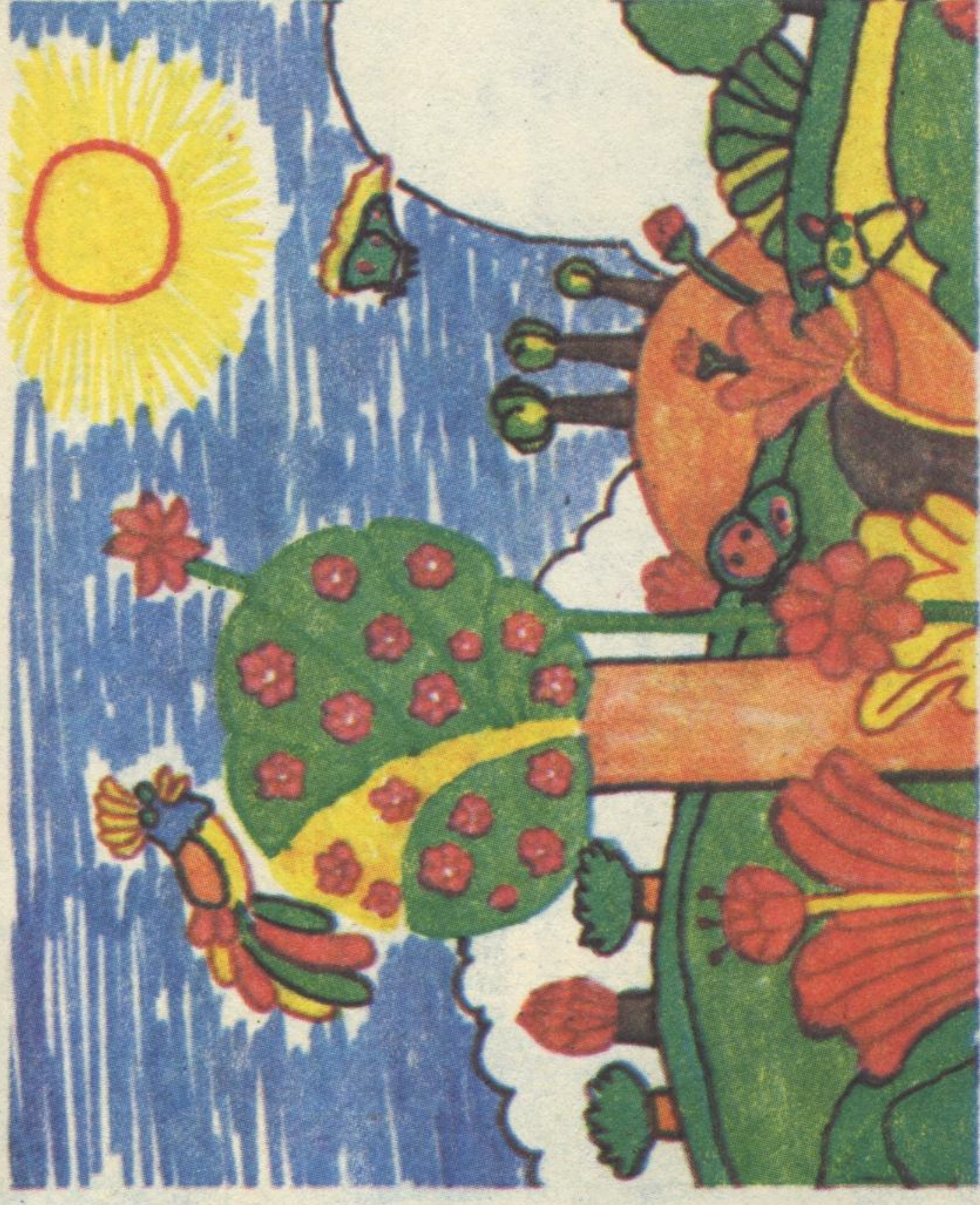

Рисунок Габриэлы Денисе Лейрия, 11 лет, Уругвай

Морское приключение

Мы взяли маски, ласты и гарпуны и пошли на пляж. Мы готовились спуститься глубоко в море, чтобы искать рыбу.

Я впервые шел ловить рыбу таким способом и немножко боялся больших скал и рыб, которые проплывали мимо нас. Четверть часа я преследовал несколько больших рыб, но мой двоюродный брат сказал, что они несъедобные. Я уже хотел было рвать на себе волосы с досады, как вдруг увидел другую рыбу. После нескольких неудачных попыток мой гарпун, наконец, вошел в ее хвост. Я выбрался из воды, снял рыбу с гарпуна и бросил ее в мешок. Спустился снова, чтобы еще поохотить-

ся, но больше мне не повезло. Вместо рыбы я нашел пластмассовый обруч, обвитый длинными проводками.

Мой отец сказал, что это часть верши, специальной корзины для ловли рыбы. Для того чтобы самим сделать верш, нам нужна была какая-нибудь посудинка. Мы взяли банку из-под маслин. Пробыли дырку и к ней прикрепили надежную часть. В банку мы положили сардины и осьминога для приманки. Опустили вершу на дно и прикрепили ее к большому камням.

На следующий день, взволнованные, мы пришли посмотреть, попалось ли что-нибудь. Еще в воде мы заглянули

внутрь и увидели большую извивающуюся рыбу, которая пыталась выбраться из западни. Мы вынесли вершу на берег и вынули оттуда странную змею. Я даже испугался, потому что впервые видел нечто подобное.

Когда мы вернулись домой, отец объяснил, что это опасная мурена, которая, когда кусает человека, отрывает куски мяса...

Вспоминая этот день, я думаю, что подобные истории могут рассказать не только рыбаки, но и все люди, жизнь которых связана с морем.

Хосе Хусто Кинтана Бакеро,
11 лет,
Испания

В ГОСТЯХ У "БАРАБАНА" ЮНКОРЫ ГАЗЕТЫ ПИОНЕРОВ АРМЕНИИ "ПИОНЕР КАНЧ"

Музей одной книги

Уже несколько лет в нашей школе работает музей, посвященный только одной книге. Это книга «Как закалялась сталь» Николая Островского. Руководит работой музея наша любимая учительница, отличник народного просвещения, кавалер ордена «Знак Почета» Меланья Авакян.

Мы уже участвовали во Всесоюзных сборах корчагинцев, переписываемся со школами;

которые носят имя Н. Островского. Каждая встреча, каждое письмо укрепляют нашу дружбу. Сейчас в нашем музее собраны более ста изданий книги «Как закалялась сталь» на семнадцати языках мира:

Вся дружина изучает жизнь замечательного советского писателя Николая Островского, историю Ленинского комсомола. Проходят встречи, беседы с корчагинцами наших дней.

Лилит Шакарян,
школа № 132,
Ереван

"Золотые руки"

В одной школе я услышал такой разговор:

— Для чего нам нужен урок труда? — спросил один из ребят, выйдя из мастерской и отряхивая с себя опилки. — Лучше бы сняли совсем этот предмет.

— Правильно, — сказал друг мой, — я собираюсь стать историком.

— А я — спортсменом. Как им объяснить, что труд

нужен всем и везде? Что это за мужчина, который не умеет починить в доме утюг или забить гвоздь в стенку? У нас в школе мы всю мебель ремонтируем сами, следим за порядком в каждом классе. Хорошо, когда про человека говорят: «У него золотые руки!». А наши ребята все такие.

Армен Давтян,
школа № 63,
Ереван

Книга-рукопись

«Мозаика народного творчества» — так называется книга-рукопись, которая издается пионерской дружиной нашей школы имени Степана Шаумяна. В книгу мы записываем народные песни, сказки, загадки. Ходим по деревьям, спрашиваем жителей, записы-

ваем их рассказы... Особенно понравился нам дедушка Барегам. Сколько он знает легенд, сказок, пословиц, старинных песен! Настоящая живая энциклопедия!

Агали Багдасарян,
Гнабердская школа,
Арагацкий район

Доброго пути, журавли!

Наша деревня Кармрагпюр находится на самой вершине горы Шамшадина. Ранней весной в ущельях на белом снегу уже алеют веточки кизила, а заросли диких персиков покрываются оранжевыми цветами.

Иногда с равнины поднимается туман. Холодное облако накрывает деревню, и сразу все вокруг замерзает, а деревя будто покрываются се ребром.

Вот какая беда случилась в конце марта. Стая журавлей летела над вершиной горы в сторону реки Куры. Вдруг года испортилась. Выпал снег. Стало темно, и стая растерялась. Она заметила, наверное, огни нашей деревни. Усталые, замерзшие птицы падали на крыши домов.

Наша пионерская спасательная бригада подобрала 26 измученных, чуть живых птиц.

Что делать с журавлями, как их спасти, выходить, подсказала наша учительница А. Бардазарян.

Прошли дни, вышло солнце. В небе снова показалась стая журавлей. Мы быстро приготовились к полету наших питомцев. Вся деревня собралась на соседнем холме. Стая приближалась. Услышав знакомые голоса, наши птицы заволновались, замахали крыльями. Они делали маленькие прыжки, будто пробовали силы, а потом сорвались вниз и круто поднялись в небо.

Журавли кругами ходили над нашей головой, будто благодарили нас за заботу. Они постепенно набирали высоту, пока не присоединились к летящему клину. Все жители нашей деревни махали руками, провожая друзей и желая им доброго пути.

Арап Хеджоян

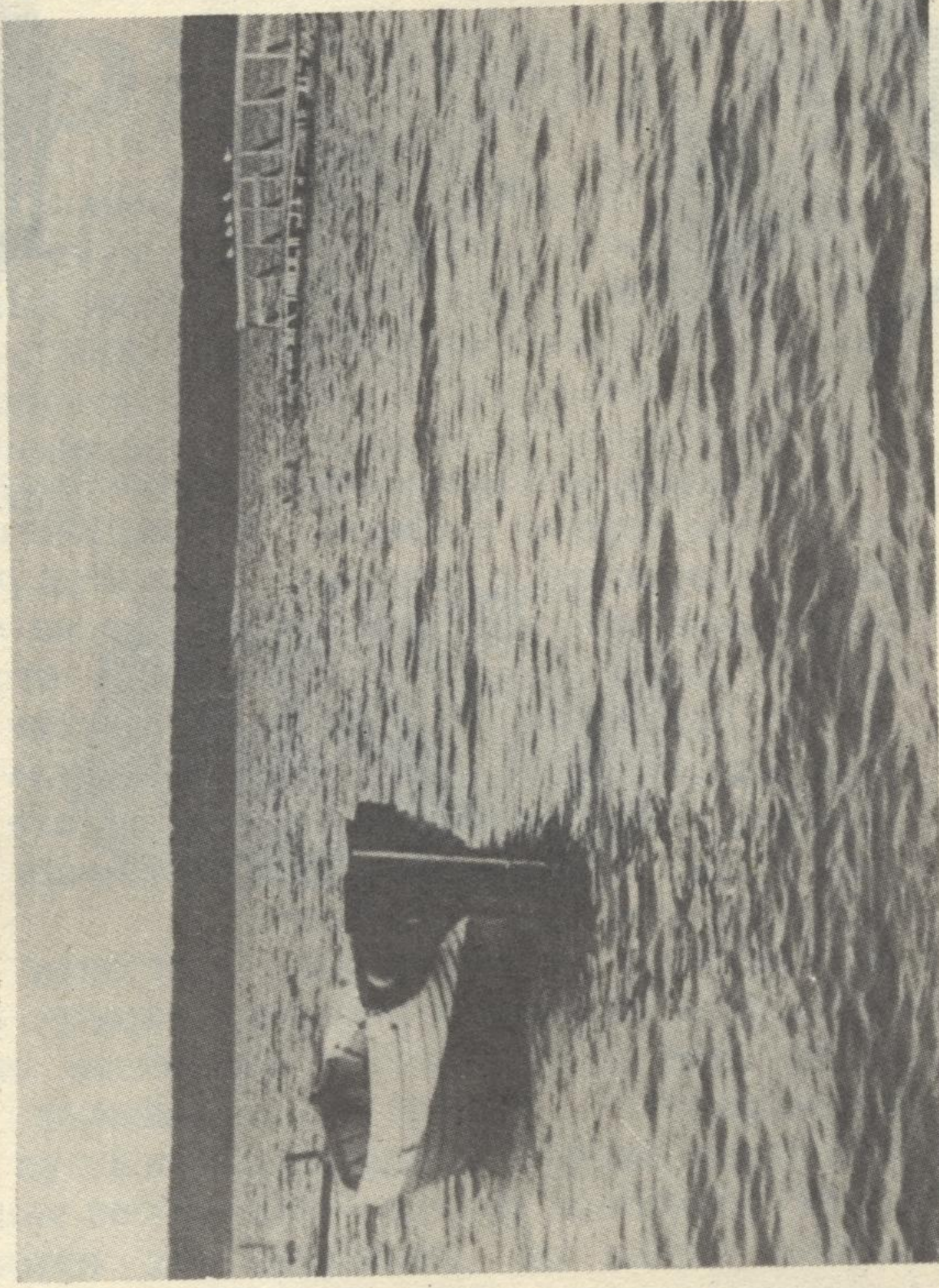

“ В ОБЪЕКТИВЕ ВСЯ СТРАНА ”

ФОТОКОНКУРС

„ХАРАКТЕР“, Коля Гажук, Кокчетав

„У ОЗЕРА“, Костя Пешеев, Ленинград

„ЗА СЮЖЕТОМ“, В. Пейков, Кокчетав

Логу посоветоваться

Прошлым летом наш отряд занял первое место в школе по сбору лекарственных трав. А потом выяснилось, что аптеке, куда мы сдали высушенные травы, они не пригодились. Почти все листья зверобоя оказались выжжены солнцем. То же случилось и с крапивой. Но ведь нас никто не учил, как сушить и собирать лекарственные растения. И книг об

этом в нашей школьной библиотеке нет. Как же нам быть? Будет очень обидно, если и этим летом наш труд окажется напрасным.

Володя Блинов,
Свердловск

Рассказ о лекарственных травах, о том, когда и как их собирать и сушить, вы можете прочесть в этом номере «Костра».

Наступили летние каникулы! Пришли школьные классы и кабинеты. А в опустевших учительских сочинения до сих пор не могут успокоиться и делиться между собой мудрыми мыслями своих авторов:

«Ученым удалось вычислить расстояние от земли до неба. Оно равно 60 000 км».

«В пустыне Каракумы в садах и огородах выращивают коз и овец».

«В больших зубах скапливается много вредных насекомых».

«В нашем городе выращивают цветы, овощи, телевизоры».

«Он пристально, с пониманием поглядел на меня, но не заметил».

«Матрос лежал, укрывшись картузом».

«Синица влетела в форточку, я открыла балкон и вылетела на улицу».

«Максим Петрович буксовал в глубокой колее».

«Девочка только что встала. Постель еще не убрана. Она делает зарядку».

Прислали

Зарема Мамукаева Мингечаур,

Слава Ременьяк Пятихатки,

Люда Артемьева Москва,

Таня Гурина Куйбышев,

Игорь Макаров Череповец,

Юля Даверас Куйбышев

ИЮНЬ

Леса и поля — полны веселой жизни. В гнездах — птенцы. У кого — много, у кого — мало. У большой синицы — целая дюжина. А у козодоя — всего два...

В июне зайчата, лисята, медвежата, барсучата, лосята, бельчата набираются сил и ума.

Цветут цветы, порхают бабочки, копошатся жуки...

Одно плохо — комары... Но любознательных путешественников и они не остановят! В поход, в поход! Уши — чтобы слышать, глаза, чтобы видеть, ноги — чтобы всюду пройти! И голова, чтобы все понять...

ЧЕКАН

— Пора луга косить — чекан косу чеканит!

Чекан — луговая птичка. Птичка как птичка: вострый носок, быстрый глазок, белая бровка. А чеканит — это кричит так: «Чек! Чек-чек!». Будто в деревне косарь косу отбивает, косить собирается.

«Чек-чек! Чек!»

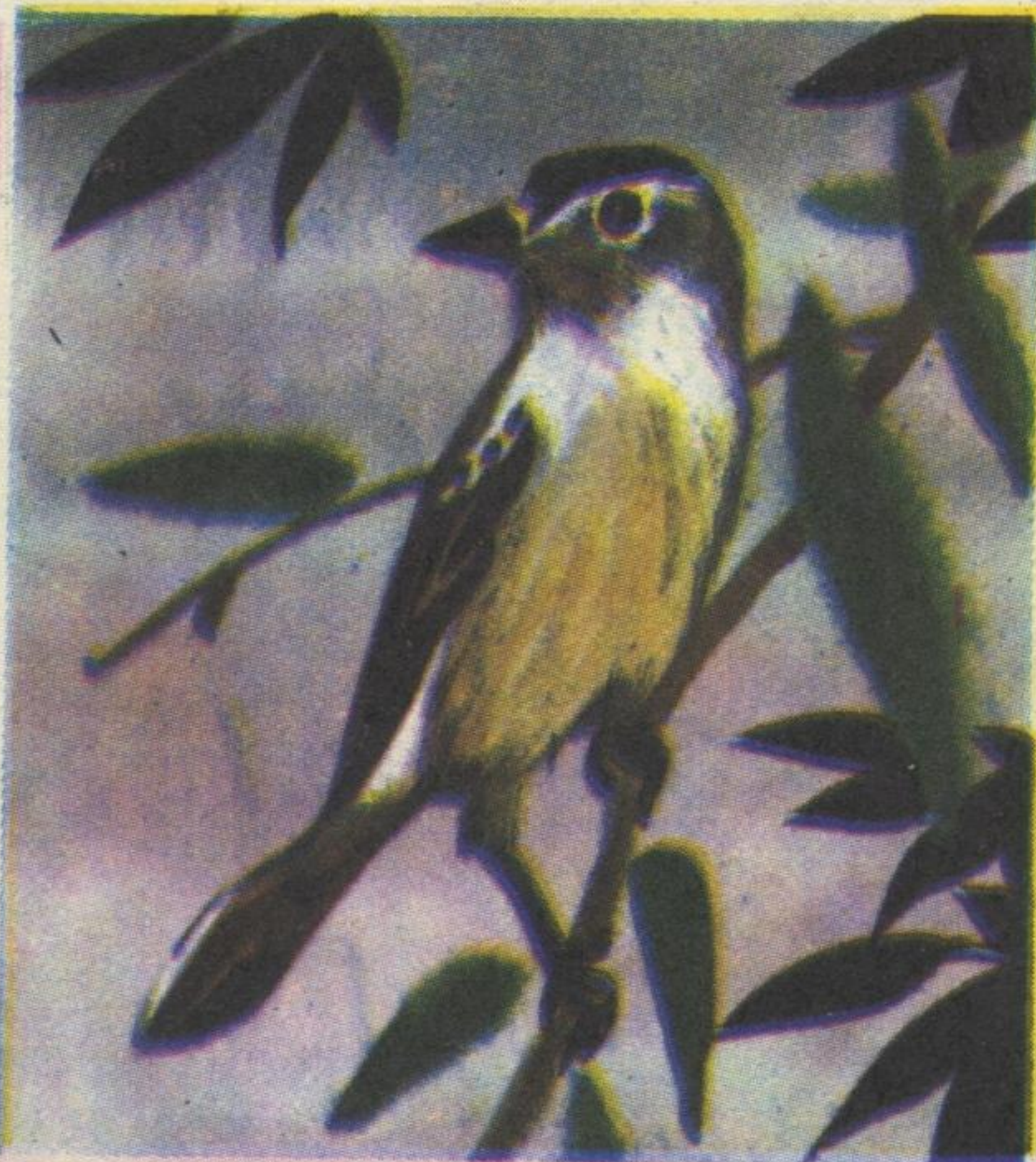
За это и чеканом назван.

Живет чекан в лугах тихо и малозаметно. Но когда поднимутся травы, затучнеют луга, вылетают у чеканов из гнезд птенцы. Тут уж не до тишины! Начинаются у чеканов тревоги, чеканят они целый день, каждого прохожего провожают. Всем становятся сразу слышны и видны.

«Чек! Чек-чек! Чек! Чек-чек!» — словно косу старательно отбивают.

— Пора! — прохожие говорят. — Пора косы к косьбе готовить. Налились травы, поспели луга. Косы пора отбивать. Сено косить — чекан уже зачеканил!

Н. СЛАДКОВ

КТО БЫСТРЕЕ?

Считается, что муха летает очень быстро. Оттого ее так трудно поймать... Но результаты измерения скоростей, с которыми движутся различные насекомые, поставили муху едва не на последнее место: шесть километров в час! А кто быстрее мухи? Бабочка пролетает в час десять километров, майский жук — двенадцать, шмель — четырнадцать. Скорость стрекозы — тридцать километров в час. А кто чемпион? Ястребиная моль! Ее скорость — целых пятьдесят!

КАК ПИОНЕРЫ С БРАКОНЬЕРАМИ БОРОЛИСЬ...

Нашу речку облюбовали браконьеры. Пудами вылавливали они заходящую на нерест рыбу. Ребята из поселка, что рядом с речкой, решили повести с халугами борьбу. Но толку было мало: пока голубой патруль шел вверх по реке, разворотливые браконьеры устанавливали сети в устье реки. Ребята к устью, а выше по течению, глядишь, уже орудуют другие браконьеры... Пионерам надоело гоняться и они разделили речку на пять участков. На

каждом участке — свой патруль. А для быстрой доставки донесений пионер Федя Дерюгин, заядлый голубевод, снабдил патрули корзинками с голубями. Заметят патрульные браконьера и — голубь летит к Феде с запиской. Федя — мигом в отделение милиции. Глядь, через минуту к месту происшествия мчится милиционер на мотоцикле... Вскоре ни один браконьер на нашу речку и носа не показывал!

П. МОЧАЛОВ

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ СТАРОГО ДЯТЛА

— Мне купили черепашку. Она небольшая, но я ее люблю. Она с мою ладошку. Только я не знаю, чем ее кормить и как ее поить... Много ли пьет черепаха? Если можно, расскажите, пожалуйста...

Лена Коренькова,
4 класс,
город Пушкин

Дорогая Лена! Черепахи едят капусту, свежие огурцы, помидоры, салат, репчатый лук, тертую морковь, яблоки, раз-

личные ягоды, листочки, стебельки и желтые цветки одуванчика, клевер, подорожник, белый хлеб, смоченный водой или молоком и рыбьим жиром.

Изредка черепашке надо давать яичную скорлупу, мел, мелкие кусочки мяса, воду, в которой растворены сахар, соль, аскорбиновая кислота и поливитамины.

Можешь сама предлагать черепашке разные корма, она выберет, что ей надо. А насчет питья, не беспокойся, черепашка знает, сколько ей пить...

ЧТО? ГДЕ? КТО? ПОЧЕМУ?

Это — вельвичия, растение пустыни. Возраст ее достигает двух тысяч лет! Вельвичия — загадка для ученых не только по возрасту. Почему у растения пустыни такие большие листья? Должно быть наоборот. А корень! У растений пустыни — корни длинющие. А у вельвичии — коротенький... Ученые ищут ответы на все эти вопросы...

Всем известны долгожители царства деревьев — секвойя, самшит, ливанский кедр... Они живут по нескольку тысяч лет! А есть ли на Земле долгожители — травы? Оказывается, есть... В пустыне Калахари, в Африке, встречается растение необычного вида: из короткого ствола поднимаются два огромных, до шести метров длиной, листа. Ширина их — метра полтора! Ветер треплет эти листья и превращает их в узкие полоски. Полоски скручиваются в клубок...

В ЗООПАРКЕ

— Эй, сосед! Давай знакомиться... Ты кто?

— Я-то? Я — слон...

— Слон? Быть не может!

— Может... А тот, что по-собачьи лает, — это лев... А во-он в бассейне ныряет — леопард... А тот, что рыбу доедает, так это — заяц...

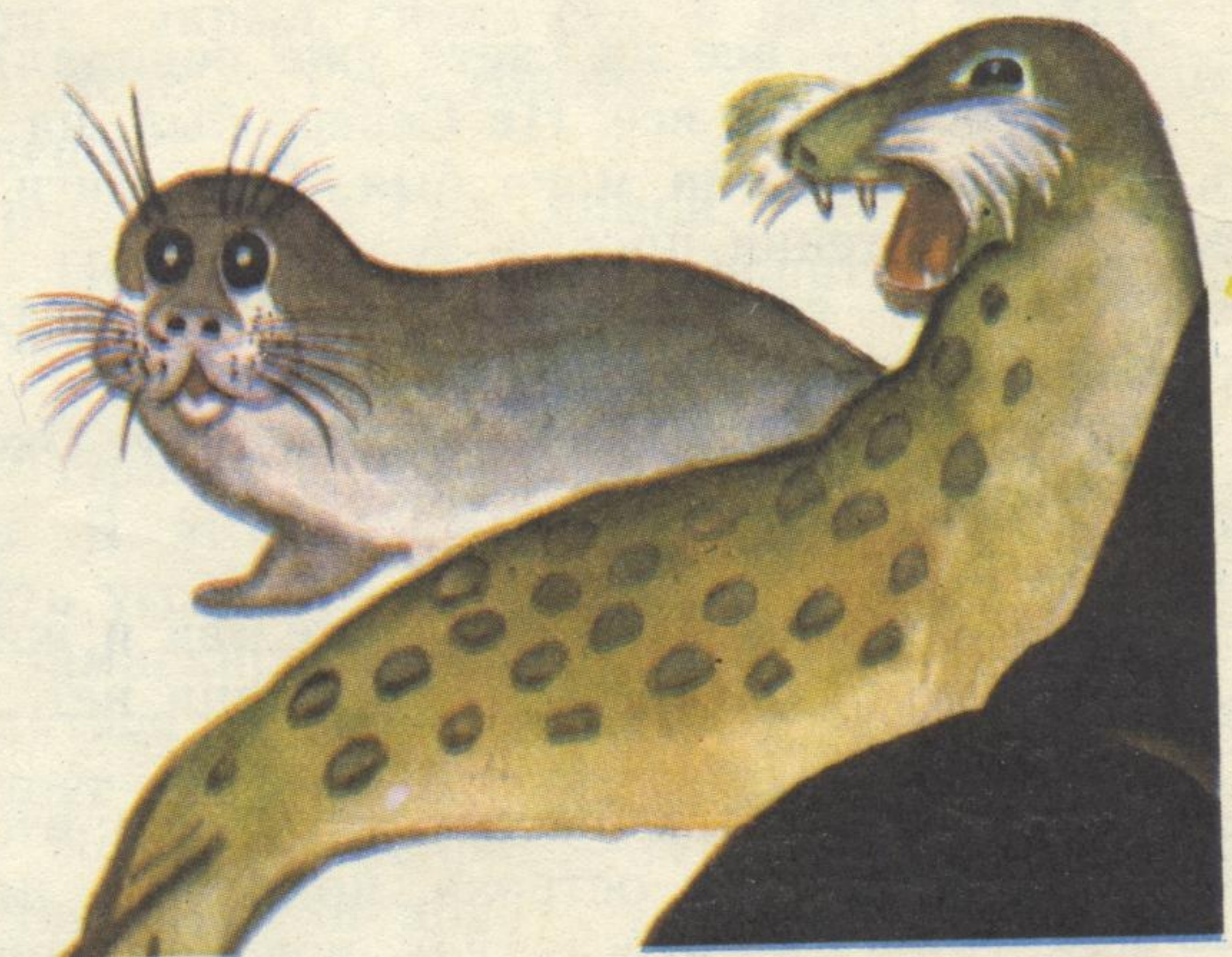
— Вот тебе и раз! Может быть, тогда и я — не медведь? Или я зайцев не знаю? Что это за лев, который по-собачьи лает? И леопард, что под водой плавает? И сам ты — слон без хобота? Голова кругом идет! А может, я не в своем уме?..

— Не беспокойся, медведь. Ты — медведь! Просто мы звери морские! Морской лев, морской слон, морской леопард и морской заяц...

Необычайные и разнообразные звуки имеются в коллекции новозеландского профессора зоологии Раймона. Он собирает... голоса лягушек со всего мира. Оказывается, лягушки могут лаять, смеяться, ворчать, свистеть, рокотать, передразнивать флейту, звенеть колокольчиком, реветь быком, а парагвайские лягушки — даже мяукать, как котята...

В Индии приняты новые правила уличного движения. Согласно этим правилам, на каждом слоне должна быть установлена электрическая лампочка, которую погонщик с наступлением темноты — зажигает. За нарушение — штраф! Делается это для безопасности слонов на дорогах!

Материалы подготовила Н. ЗАКАТОВА

Валерий ПОПОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Топкова

Как-то долго в тот год весна не наступала. Устал я! Нашло вдруг на меня какое-то безразличие ко всему.

После школы делал уроки, потом ложился на диван и лежал.

Однажды, это вечером в субботу было, лежал я, как всегда, на диване. Потом в комнату бабушка вошла. Радостная, оживленная, наверно, с кем-нибудь из подружек своих весело поговорила.

— Все так и лежишь? — спрашивает.

— Если тебя не устраивает так — могу на другой бок перевернуться.

— Так никуда и не сходил?

— А куда идти?

— Что ж ты — все на свете уже повидал?

— Да в общем-то все. На Севере был, на Юге был, в горах был, на море был. Все книги для внеклассного чтения прочел. А что еще?

— Что же, — спрашивает она, — теперь так и будешь все время лежать?!

— Ну почему? Завтра в школу пойду. Окончу школу — работать буду. Потом умру.

— Неужто это все?

— Ну, а что еще? По-моему, все так и живут, и ничего другого, необычного, в жизни нет.

— Неужели нет?

— Конечно, нет! Все уже изучено давно: атомы, планеты, необитаемые острова, подземные пещеры — все! Вряд ли что-нибудь новое появится.

Вдруг звонок в дверь раздался.

— Может, это что-то новое? — бабушка засмеялась.

Но оказалось — не слишком новое. Другок мой Гага пришел. Давно с ним, в общем-то, дружим, но последнее время я от него как-то уставать стал. Все время появляются у него какие-то идеи, безумные планы — от многих его затей волосы могут дыбом встать!

— Как, — говорит, — уроки сделал?

— Разумеется.

— И что делаешь?

— Ты что, плохо видишь? Лежу.

— Ясно... Нет у тебя батарейки для круглого фонарика?

— Нет. Зачем она тебе? А ты что, опять что-нибудь задумал?

— Да так. Небольшая экспедиция.

— И далеко?

— Нет, поблизости.

— Ну, желаю успеха.

— Всего! — Гага говорит. — ...Может, больше не увидимся.

Тут от злости я даже с дивана привстал.

— Опять какую-то чушь придумал? Куда собрался? Ведь все уже давно известно: атомы, необитаемые острова, подземные пещеры! Зачем дергаться зря, энергию расходовать!

— Думаешь, все известно? — Гага спрашивает.

— Конечно!

— Ну что, — говорит, — под нашим домом находится, знаешь?

— Под нашим домом? Разумеется! Кочегарка.

— И все?

— Конечно, все.

— И больше ни о чем не знаешь?
— И знать не хочу.
— Да. Небогато! — Гага говорит.
— А что, там еще что-нибудь есть?
— Ну, неважно! Так значит, круглой батареей-ки у тебя нет?

Как всегда, в самый интересный момент тему переменял! Жуткая у него эта привычка — никогда не договаривать до конца! Обрывать на самом интересном месте и уходить!

Тут бабушка нам с кухни чай принесла, поставила, сама ушла, но мне уже теперь не до чаю было.

— А что же еще, по-твоему, в подвале под нашим домом есть?

Посмотрел Гага на меня внимательно, словно решая, говорить или не говорить? Потом, не спеша, начал рассказывать.

— Недавно был я во втором дворе. Ну, где выход из кочегарки, ты знаешь... Испытывал там одну штуку. Ну, неважно, не в этом дело...

Умолк! Сейчас, как всегда, на какую-нибудь другую тему заговорит! Но нет, повезло мне! — снова к той же теме вернулся!

— ...Ну вот... И вдруг, открывается дверь из кочегарки, и выходит оттуда...

— Кочегар!

— Да нет, — Гага досадливо поморщился. — В том-то и дело, что какой-то абсолютно незнакомый человек!

— Ну и что? Мало ли по какому делу мог он в кочегарку зайти?

Замолчал Гага.

— Это верно, конечно, — кротко говорит. — Но только странно как-то он себя вел. Долго двор наш осматривал, дом...

— Ну и что?

— Такое впечатление было, что он впервые все это увидел!

— Ну и что?

— Такое впечатление было, что не входил он никогда в эту кочегарку, а только вышел!

— А где же он, по-твоему, вошел? Откуда пришел?

— Понятия не имею! — Гага с безразличным видом пожал плечами.

— То есть, ты хочешь сказать... что думаешь... что из нашего подвала какой-то ход есть, который в какое-то другое место ведет?

— Я не думаю, я знаю! Причем в какое-то такое место... где все иначе! Где все другое совсем, чем у нас. Видел бы ты, с каким удивлением он автомобиль рассматривал, который у нас во втором дворе стоит! Ясно было, что ни разу еще в жизни он автомобиля не видел!

— Да-а, — говорю. — Ты только сейчас это придумал?

Гага равнодушно плечом пожал: «Не хочешь — не верь!».

— Где же этот ход? — говорю. — Были мы в кочегарке много раз. И за мячом лазили, и так, вообще, и никакого хода оттуда нет!

— Я и сам случайно этот ход обнаружил, — небрежным тоном Гага говорит. — Там в углу кочегарки уголь навален, и под ним — ход. Од-

нажды, когда уголь кончался, я оказался там случайно, гляжу — в стене темный провал. Но тут кочегар вернулся, меня заметил, и на следующий день новый уголь привезли. А лаз этот в стене снова засыпали!

— Так думаешь... кочегар что-то знает?

— Конечно! — устало Гага говорит. — Уж я-то его знаю — как-никак в квартире нашей живет! Специально, чтобы за ходом этим присматривать, в кочегарку и поступил. Комнату в нашей квартире получил.

— Почему?

— ...Разговаривает не так, как кочегары обычные говорят, уж я-то знаю! И еще понял я — борода у него не настоящая! Вернее, может, и настоящая, но выращенная специально, чтобы лицо скрыть!

— Так ты думаешь, он кто?

— Этого я не знаю! Но что он к ходу этому отношение имеет — это ясно. Слышал — соседи на кухне говорили, что ему предлагали напарника взять, чтобы по очереди дежурить, а он отказался, сказал, что один справится? Понимаешь? Пойдем, может, посмотрим на него?

— А где он?

— На месте, где же еще!

Допили мы чай, я оделся во все худшее: знал уже, что если с Гагой иду — значит, тяжелые испытания предстоят!

Спустились мы по лестнице во двор, подползли на коленях к пролому в подвал, осторожно заглядывали по очереди, смотрели вниз: кочегар сидел на ватнике, с длинной бородой, освещаемый красными бликами из котла, держал на коленях тетрадь и что-то писал. Где это видано, чтобы кочегары в тетрадях писали что-нибудь, кроме: «Вахту сдал. Режим работы котла нормальный», — а этот минут двадцать, не отрываясь, писал! Потом вдруг словно почувствовал, что на него смотрят — решил временно обычного кочегара изобразить: встал, дверцу открыл, смотрел, сморщившись от жары, на огонь, потом взял в углу совковую лопату, с дребезжаньем ее в кучу угля вонзил, поднес лопату с углем к топке, швырнул, снова вернулся к куче, вонзил... несколько раз эту операцию повторил, потом дверцу закрыл, снова сел, и начал писать.

— Ясно! — Гага говорит. — При нем в ход не войдешь!

Пришли мы к Гаге домой.

— Ну, ничего! — Гага говорит. — Знаю, когда мы можем туда проникнуть!

— Когда?

— Примерно с часу до двух он уходит обедать. В этот момент мы должны туда войти, успеть уголь разобрать, проникнуть в ход, снова его замаскировать, и на безопасное расстояние удалиться — чтобы он догнать нас не смог, если б вдруг догадался!

— Ясно... — говорю. — И на сколько, по-твоему, тянется этот ход?

— Не знаю, — Гага говорит. — Во всяком случае, нам ко всему надо быть готовыми. Одеться попроще, но потеплее. Обязательно длинную веревку с собой взять. Фонарик у меня есть.

— Но куда же, ты думаешь, ведет этот ход?
— Знали бы, зачем нужно было бы туда лезть? — Гага говорит.

— Что ж... логично! — говорю. — Когда?

— Я думаю, завтра, — спокойно Гага говорит. — В час он обедать уходит. Приблизительно около часа будь готов, я зайду.

Вернулся я домой. Вечером сидели с бабушкой за столом, пили чай. Я долго, помню, на нее смотрел — все-таки очень хорошая она, бабушка! Рассказать, что ли, ей все?

Бабушка говорит:

— Что подлизываешься-то? Ну, говори уж, что натворил!

— Еще не натворил, — со вздохом отвечаю. — Но, видимо, вскоре натворю.

— Ну, когда натворишь, тогда и ответ держать будешь, — бабушка говорит. — А раньше времени не стоит и грустить!

Удивительно легкомысленные взгляды у нее!

Лег я спать, но почти не спал. Чуть засну — сразу вижу, что я в какой-то абсолютной темноте иду, ничего вокруг не видно, но страшно. Толчком каким-то проснусь, на кровати сяду, посижу — снова ложусь — и снова оказываюсь в абсолютной тьме.

Встал утром часов в семь, начал собираться. Достал из сундука старые ботинки, в которых с классом осенью на уборку капусты ездили, нашел старый лыжный костюм, уже в обтяжку, старую кепку достал, которой мы много раз в футбол играли. Веревку взял.

— Что это ты так вырядился? — бабушка спрашивает.

— Так... — говорю, — что-то зябко!

Сел в прихожей на стул, с веревкой через плечо, стал ждать. Наконец — звонок, появляется Гага, примерно в таком же оборванном виде, и тоже с веревкой.

Бабушка открыла ему, с удивлением на обоих нас посмотрела.

— ...В трубочисты, что ли, записались? — спрашивает.

— Что вы, Дарья Михайловна, — вежливо Гага говорит. — Так просто, небольшая экспедиция.

— Чтоб к пяти часам дома был! — бабушка говорит.

И все! И мы пошли.

Бабушка называется!! Ведь ясно же, если веревки, значит, с какой-то большой высоты предстоит нам спускаться! И упасть ничего не стоит, кости переломать. Но ей это, видимо, все равно. «Чтоб к пяти часам дома был!» — и больше ни слова!.. Я даже обиделся.

Вышли во двор, встали на корточки, осторожно посмотрели через пролом в подвал. Темно там было — видно кочегар, уходя на обед, выключил свет. Втиснулись ногами вперед в этот пролом, потом, повисев на руках, вниз прыгнули — сначала Гага, после я. Долго летел, как мне показалось! Упал, наконец, на колени, на цементный пол, чуть веревку свою не потерял, пошарил в темноте на полу — нашел. Потом вдруг на полутусклый рябой зайчик показался — это Гага фонарик включил. Прошел зайчик по полу, потом

быстро на стену вскочил, после — круг описал, — в большой круглый бок котла уперся. Уже апрель был, котел слабо топился, но все равно, волны жара в темноте от него шли. Потом Гага свет фонаря в угол перевел, где куча угля была, до самого потолка.

— Сюда, — отрывисто говорит.

Подошли к куче, положили фонарик, стоя на коленях, стали разгребать. Но, только выроем в угле яму, тут же сверху гора обвалится, яму засыпет! Пот уже едкий льется по лбу, — а хода никакого не видно.

Уголь поблескивает в свете фонарика, шуршит, осыпаясь, и я уже чувствую — на зубах и в горле осадок!

Тогда мы придумали: пошли вдоль стены, стали от нее куски перекладывать на другую сторону кучи, и вдруг слышим — какой-то звук новый — видно, несколько кусков угля куда-то не туда скатились, в какое-то другое пространство, за стеной. Потом Гага руку глубоко в уголь засунул, по самое ухо, лежал долго, с напряженным лицом, шевелил где-то там пальцами.

— Есть! — напряженно говорит. — Пустота!

Выдернул он руку, и стали мы уголь от этой стены откидывать, потом и моя рука в стену вошла, свободное пространство там оказалось. Пролезли туда: нормальный коридор! Цементный пол, стены, потолок — Гага все это быстро фонариком обегал.

Отряхнулись немного и вперед по этому коридору пошли. Станный какой-то звук был от наших шагов. Во рту сухо после жары в кочегарке и угля, едкий пот кожу ест.

Долго шли по коридору — зайчик от фонаря под ногами, чуть впереди, потом — прыжок зайчика вперед — свет растворяется в темноте. «Будет, — думаю, — конец этому коридору или нет?»

Потом чувствую вдруг: волосы на голове от чего-то зашевелились!

— Что это? — спрашиваю.

И чувствуем мы — прямо перед нами открылся какой-то большой темный объем. «Что это?» — совсем по-другому прозвучало, чем если бы я слова эти на секунду раньше, в глубине коридора сказал. А так стоим на краю чего-то, на краю какой-то темной бездны. Влево направили луч фонарика: растворяется в темноте, ничего не достигнув, вправо — тоже, впереди — ничего, и главное, — под ногами тоже пустота!

— Надо что-нибудь бросить вниз, посмотреть, какая тут высота! — Гага гулко произнес.

Стал я лихорадочно рыться в карманах, нашел неожиданно двадцатикопеечную монету. Жалко, конечно, но вряд ли на нее что-то здесь удастся купить!

Бросил. Секунду ждем... две... три... пять!.. десять секунд ждем!

Никакого звука.

— Ну что ж, — слышу Гагин голос, — надо лезть!

Связали мы вместе наши веревки, двойным морским, один конец вокруг меня обмотали, другим Гага обвязался.

— Ну все, — говорит, — я нырнул.

Как трудно было его держать! Не знал я, что он таким тяжелым окажется! Сначала, на краю обрыва лежа, я еще видел его внизу, светя фонариком, потом уже все: свет фонарика внизу есть, но Гаги в нем нет!

Потом уже и веревка вся кончилась. Висит Гага где-то там, далеко внизу, и почему-то молчит.

— Ну что... есть что-нибудь? — не выдержав, кричу.

— Нет. Пока ничего, — Гагин голос доносится снизу.

«Ужас, — думаю, — как же я его теперь вверх буду тащить?»

— Ну что? — кричу.

— Надо прыгать! — доносится Гагин голос.

— Куда прыгать-то? — говорю. — Ты знаешь хоть, сколько тебе метров еще лететь?

И чувствую вдруг — веревка ослабла!

Ну, все!

Зажмурился! Думаю, сейчас шмякнется!!

Секунду зажмурившись лежал... две... пять! И снова ничего — полная тишина!

— Эй! — кричу. — Ты как?

Долгая тишина, потом вдруг:

— Нормально! — спокойный Гагин голос.

— Что там? — спрашиваю.

— Вода. В воде оказался.

— Глубоко?

— Да нет, не очень. Примерно по шейку, — спокойный Гагин голос раздается. — Ну, спускайся, дальше нужно идти!

«Спускайся! — думаю. — Как же!»

— Ну ладно, — вдруг говорю, — сейчас спущусь.

Осветил фонариком стены, вижу вдруг сбоку — железный крюк вбит. Почему-то испугало это меня — значит, какие-то люди тут проходили?

Привязал я к крюку веревку, начал спускаться. Ладони об веревку разгорячились, а самому хо-

лодно, весь дрожу. И представляю еще, как в холодной воде окажусь!

Вот кончилась веревка, повисел я, ногами болтая, — и прыгнул.

Долго, мне показалось, летел, фонарик кверху поднимая, потом свет фонарика исчез — это я с головой в воду ушел. Вынырнул, отфыркиваясь, встал. Посветил — действительно вода: с фонарика каплет, расходятся круги.

— Ну что? — где-то рядом Гагин голос. — Удачно?

Стал я быстро шарить по сторонам фонариком, гляжу: стоит, вытянувшись, у самой стены, но лицо спокойное.

— Ну, что дальше? — говорю я, ладонью лицо вытирая.

— Ясно, что, — Гага говорит, — дальше пойдём.

— Пойдем! — говорю. — А вдруг глубже дальше будет?

— Тогда поплывем, — спокойно Гага говорит.

«Поплывем!» Но сколько придется плыть — вот вопрос! Конечно, мне приходилось ночью плавать, но там хоть было известно, что где-то точно есть берег, а тут неизвестно, есть ли что-нибудь там, в темноте!

— Ну, я уже отдохнул, — Гага говорит. — Догоняй!

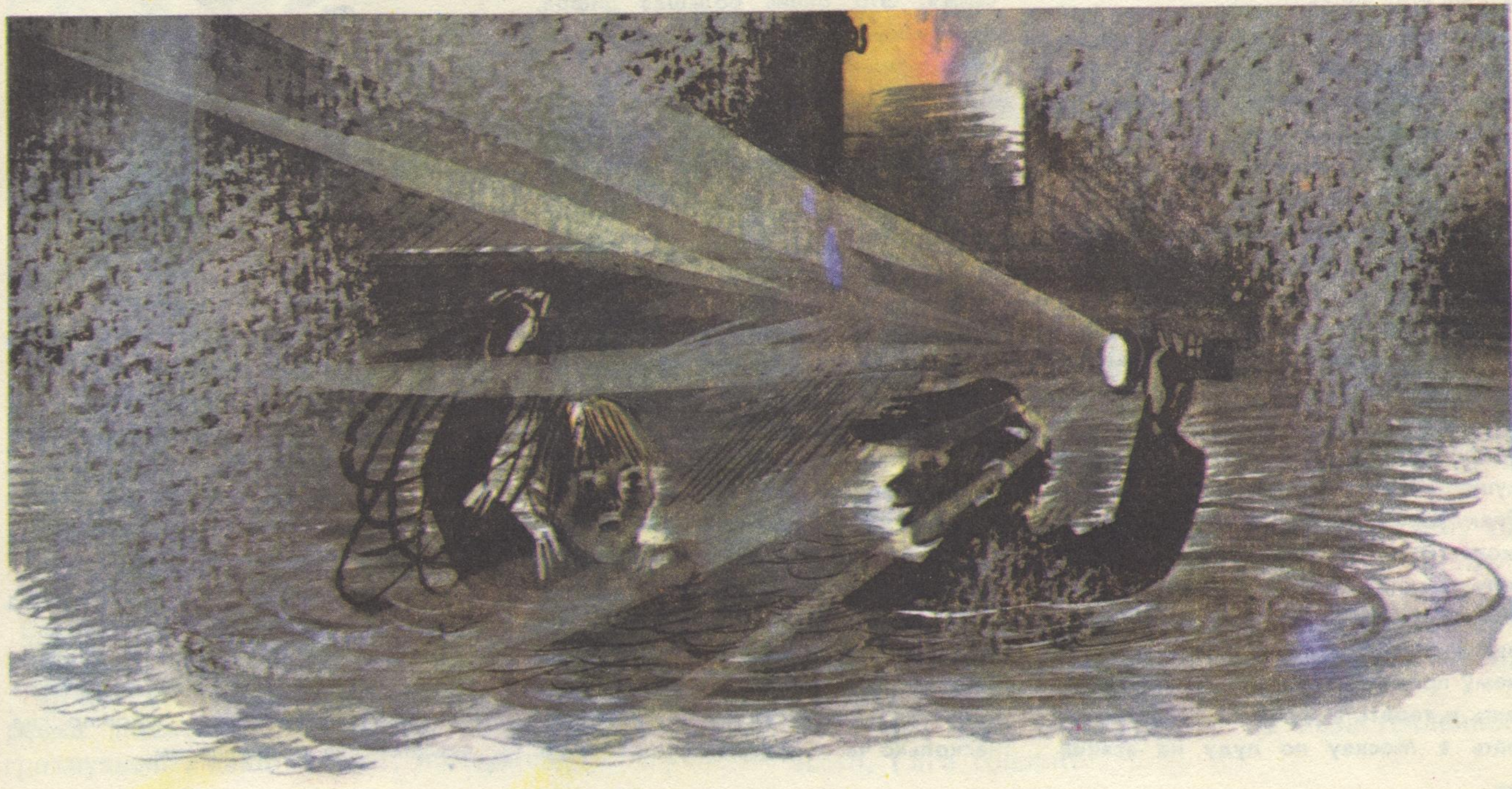
Взял у меня фонарик, с поднятым фонариком медленно вперед пошел, поднимая над водой подбородок.

Потрясающий все-таки он человек! Отдохнул! Замечательные здесь условия для отдыха!

И все — снова обступила темнота и тишина. Только впереди, окруженная светом, темная Гагина голова удаляется! Сначала спокойно двигалась, потом вижу — как-то странно дергаться стала!

— Ты что?! — кричу.

Тишина долгая, потом доносится оттуда:

- Нь мг грть!
- Почему?..
- Фнрк в рт!
- ...Ты что, плывешь, что ли?
- ...Д.
- Сейчас! — говорю.

Бросился за ним, пошел в воде, потом тоже поплыл. Догнал плывущего Гагу, посмотрел. Если бы он вдруг тут неожиданно мне навстречу попался — точно бы я от страха умер! Широко раскрытый рот — глаза от этого, как у ненормального — и изо рта яркий свет идет!

Повернулся ко мне, кивнул. Дальше поплыли.

Долго плыли. Иногда, незаметно для Гаги, ногу опускал — дна нет! И главное, какая-то страшная мысль подкрадывается: «Что это? Куда это мы так долго плывем?.. Неужели может быть такой большой подвал?!».

И главное — время здесь совершенно не ощущается: то ли пять минут плывем, то ли час! Гага вдруг поворачивается ко мне:

— Н мг блш — взм фнрь!

Поплыл я к нему из последних сил, чтобы

взять у него изо рта фонарь, вдруг боль почувствовал, коленом о что-то твердое ударился. Быстро схватил руками: что-то железное, круглое, ребристое, вроде люк, а вокруг по-прежнему глубоко. Встал я на этот люк — примерно по пояс из воды вылез. Гага ко мне подплыл, встал рядом, тяжело дыша. Вокруг — абсолютная тишина, только капли с нас падают, щелкают, и больше ни звука. Стали смотреть по сторонам — тьма!

— Ну что... вперед? — Гага говорит.

— Вперед! — говорю.

Какое-то вдруг ликование меня охватило! Все равно, думаю, — если даже утонем здесь — все равно не испугались, плыли, сколько могли!

Плюхнулся я в воду за Гагой, поплыл. Слезы текут по щекам, и одновременно — какое-то ликование!

Плыву с фонариком во рту, и если бы не фонарик, наверно, стал бы кричать что-нибудь!

Долго еще так плыли. Луч фонарика болтается по сторонам, иногда вдруг голову Гаги осветит, иногда затеряется в темноте.

ОПЕРАЦИЯ „ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА“

О замечательных свойствах лекарственных растений, о том, когда и как их собирать, рассказывает доктор биологических наук, профессор Ленинградского химико-фармацевтического института Н. А. БОРИСОВА.

Давным-давно заметил человек, что некоторые растения хворь и недуги изгоняют. К зверям присматривался. Ведь и они себя травами и кореньями лечат.

Из поколения в поколение передавались сведения о целебных свойствах растений. Древние сочинения по лечению травами так и назывались — травники. В них приводились описания растений с рисунками.

С давних времен на Руси волхвы, ведуны и знахари людей лечили травами. Во многих монастырях ученые монахи собирали и сушили лекарственные растения. Много целебных трав ввозилось в Россию из заморских стран.

Уже во времена Бориса Годунова существовал Аптекарский приказ. Размещался он в Кремле, у Чудова монастыря. Во главе приказа стоял аптекарский боярин. Следил он за тем, чтобы каждое время года составлялся список целебных растений. По нему предписывалось зверобой собирать и тереть в муку, «а оной присылать в Москву по пуду на всякий

НАШИ ПОМОЩНИКИ — ТРАВЫ

год». Воронеж и Саратов слали «солodковое коренье», а Казань «почечуйную траву».

Петр I приказал на крестьян наложить «ягодную повинность», куда был включен и сбор лекарственных трав.

Проходят века, люди из поколения в поколение передают сведения о лекарственных растениях. Многим больным людям они помогают вновь обрести здоровье.

Ежегодно в нашей стране заготавливают 80 тысяч тонн лекарственного сырья. Это очень большая цифра, ведь высушенные растения весят совсем немного.

Приходит лето. Все кругом покрывается свежей зеленью. Наступает пора охотников за целебными кладами.

ЖЕЛТЫЕ ВЫСКОЧКИ

Желтые соцветия мать-и-мачехи уже весной появляются на едва оттаявших пригорках, на южных склонах холмов и оврагов. Листья у растения плотные, круглые, снизу — бело-войлочные от обилия длинных перепутанных волосков, сверху — зеленые. Нижняя сторона листа — мягкая и теплая. Верхняя — жесткая и холодная. Поэтому и называли это растение мать-и-мачеха. Оно не нуждается в заботе. Плодики далеко разлетаются и могут прорасти уже через несколько часов. Ползучее корневище

и даже его обрывки дают самостоятельные побеги.

Растет мать-и-мачеха у нас всюду. Заготавливают ее листья. Они содержат слизь, яблочную кислоту, углеводы, дубильные вещества. Листья

мать-и-мачехи еще в глубокой древности применяли от кашля, а припарками лечили раны и язвы.

Собирают листья, когда они вполне распустились, но еще небольшие, с ярко-зеленой верхней стороной. Обрывают, почти не оставляя черешка — так они лучше сохнут. Листья с бурными пятнами поражены вредными грибами — не собирайте их.

Листья сушат, разложив тонким слоем на подстилке в хорошо проветриваемом помещении. Можно на чердаке или под навесом.

Вдруг вижу — в луче фонарика чьи-то ноги! Лег я на спину, поднял фонарик, стал светить. Вижу — Гага стоит над водой, на каком-то карнизе, рукой за стену держась. Протянул мне одну руку, я влез. Отдышался — потом только обернулся, во тьму посмотрел, которую мы преодолели...

Да-а-а... А говорил еще я совсем недавно, что ничего такого нет, что могло бы меня потрясти!

Стали светить фонарем вверх: высоко уходит стена! А вот и потолок, смутно виднеется в слабом свете. Повел я свет вдоль него, и вижу вдруг — темный квадрат в стене! Провал! Коридор! Примерно на той высоте, с которой мы спустились сюда. Только не добраться туда никак!

А если обратно поплыть, вряд ли мы из воды до веревки допрыгнем. Гага вдруг говорит:

— Хочешь конфетку?

— А у тебя разве есть? — я удивился.

— Конечно! — Гага говорит.

Взял я у него карамельку липкую. Стали нарочно громко чавкать, чтобы тишину эту нарушить.

— Ну... отдохнул? — неожиданно Гага спрашивает.

— Отдохнул!

— Тогда — вперед!

Пошел Гага по карнизу, встал так, чтобы как раз под тем темным коридором оказаться, потом вдруг достал из кармана зубило, стал стену крошить. Мягкая штукатурка оказалась: быстро выбил дыру. Под штукатуркой оказались скрещенные тонкие рейки. Гага засунул под них зубило, покачал, они немного отошли от стены, что-то вроде ручки получилось. Потом Гага влез одной ногой мне на плечо, другой в выдолбленную дыру уперся, и стал другую дыру бить, на полметра выше первой и чуть в стороне — для другой ноги. Потом — я его придерживал, и он уже обеими ногами в дырах стоя, третью дыру пробивал — для руки!

И так и пошли дыры зигзагом вверх! В двух дырах уперся ногами, в третьей держится рукой, а другой рукой долбит новую дыру, чуть выше. Потом передохнет немножечко, перелезет выше, и новое отверстие рубит!

Гляжу — он уже на половине стены висит!

— Слезай, — говорю, — давай я немного подолблю.

— ...Спасибо! — после долгой паузы отвечает. — Я не устал!

Снова, вижу, зубило в другую руку перекладывает, в ровное место стены начинает бить.

И вот совсем уже у черной дыры оказался, перелез туда наполовину, а ноги почему-то долго еще сюда свисали, видно, не было уже сил залезть!

Потом исчезли, наконец, ноги, появилась голова.

— Прошу! — Гулко с высоты Гага говорит. — Парадный трап подан.

Полез я, пальцами стараясь под скрещенные рейки подлезть, вцепиться, чтобы обратно не грохнуться. Рейки трещат, ломаются — еле успе-

ваешь за следующую перехватиться. Главное, — только стену перед собой увидеть, ни назад не смотреть, ни вверх.

Потом, чувствую, рука меня за шиворот схватила. Ввалился я в дыру, лег.

— Я в центральной библиотеке был, — где-то рядом Гага говорит. — Все книги читал про наш город — даже старинные... Нигде про этот ход ничего не сказано. Ясно?

— Но кто-то, видимо, про него знает и в наши дни? — вежливо стараюсь поддержать разговор.

— Вряд ли! — Гага говорит. — Не думаю.

— А помнишь, ты говорил, — какой-то странный человек этим ходом прошел, в наш двор вышел?

— Помню. — Гага кивнул. — Ну что, отдохнул? Вперед!

Встали мы на дрожащие ноги, пошли. Примерно такой же коридор, каким мы от кочегарки к темному залу пришли, но только запах в нем совершенно другой, холодом пахнет, запустением, пылью, чувствуется, давно здесь никого не было!

Но было такое чувство, что по нему мы куда-то выйти должны! И вдруг действительно, показался впереди маленький прямоугольник, по краям обведенный тонким светом! Дверь! Добежали до нее, подергали, дребезжит, но не открывается! Разбежались оба сразу, ударили плечами и вывалились наружу. Сначала зажмурились от ярчайшего света, ничего не могли рассмотреть.

Потом глаза начали привыкать, смотрим: находимся мы у высокой кирпичной стены, старинного типа: высокая, отвесная, даже немного нависает над нами, и в этой стене маленькая дверца, из которой мы только что вывалились. Сидим мы на узенькой полоске земли, ивовые кусты вокруг растут, постепенно уходят в воду. Дальше — широкая полоса воды, за водой снова берег, заросший высокими кустами.

— Ну... вперед! — Гага говорит.

Подошли мы к воде, видим: в ивовых зарослях плавает плот с четырьмя толстыми столбами по краям. Подошли ближе, увидели: это не плот, а перевернутый стол с толстыми круглыми ножками. Встали мы на стол, гребя палками, через пролив переплыли. Влезли с трудом в высокие густые кусты. Тень, сырость. Черный широкий пенек, обсыпанный сиренью. Потом кончились, наконец, кусты, мы выбрались на поляну. Неподвижная солнечная тишина. Ржавая голая кровать стоит на краю. Подальше старый фундамент дома, пригорок с обломками кирпичей, заросший фиолетовыми цветами. Гага быстро пошел дальше, в тот конец поляны, и вдруг с хрустом куда-то провалился. Подбежал я к нему, гляжу, часть поляны застеклена, стекла в рамах, местами просто рамы, стекла уже выбиты.

— Окна внутрь земли, понял? — почему-то торжествующе Гага говорит, выбираясь из проломленного им стекла.

— Да это не окна! — говорю ему, — это теплицы! Раньше, видно, в них овощи выращивали, а потом забросили почему-то.

— Так. Ясно! — выбираясь на незастекленное место, Гага говорит.

Пошли дальше — снова в зарослях оказались. Лезли через заросли минут, наверно, сорок, и снова потом на берегу оказались. Вода, заросшая деревьями, высокие деревья — за ними ничего больше не видно.

— Смотри! — шепотом вдруг Гага мне говорит.

Посмотрел я, куда он показывал, вижу: кошка! Но очень странная, — никогда раньше не видел я таких кошек: вся черная, а голова, начиная от шеи, ярко-белая! Стоит у воды: лапой трогает воду, тронет, и быстро отдернет, тронет, и быстро отдернет.

Потом услышала нас, повернула свою белую голову, и так изумленно застыла с поднятой лапой. Потом шаркнула быстро в кусты, все! — будто ее и не было!

— Понял? — Гага многозначительно говорит.

— Что?

— Видел, как она себя вела?

— Как?

— Видел, как изумилась? Ясно, что человека здесь ни разу еще не видела. В общем, ясно! — торжествующе говорит.

— Что ясно-то?

— Что этот остров соединяется с остальной землей только тем ходом, через который мы пришли — больше никак! Раньше люди, может, и помнили этот ход, а теперь уже забыли, только мы теперь по нему можем пройти.

— Да как это может быть, — говорю. — В нашем веке?

— В нашем веке, — Гага говорит, — много еще загадочного существует!

Хотел было я сказать ему, что он ошибается, но вижу, он кулаки сжал, лицо дрожит, бесполезно сейчас с ним спорить! Конечно, — раз добрались сюда, с таким трудом, то — ясное дело, открыли новую землю!!

— А как же, — только сказал я, — ты говоришь, что люди этот ход забыли, а сам говорил, что видел, как человек из этого хода в наш двор выбрался?

— Ну и что? — Гага упрямо говорит. — Он отсюда ушел, а мы — пришли!

— Ну и что теперь будем делать? — спрашиваю.

— Вернемся, — Гага говорит, — возьмем все необходимое и начнем освоение!

Что обратно пойдем — это я обрадовался. Только оказалось вдруг, что обратно Гага тем же путем хочет добираться. Страшно не хотелось мне в эту сырую черную дыру лезть, снова огромный темный зал переплывать — и так мы уже мокрые были, дрожали! Но с Гагой бесполезно спорить — уверен, что только тот путь сюда ведет, поэтому и остров никому не известен! Хотел я было сказать ему, что наверняка до нашего дома отсюда поверху минут за десять можно добраться, но посмотрел на его лицо, и молча, ни слова не говоря, первый в темноту пошел.

Неохота рассказывать, как мы обратно через весь этот ужас пробирались, только скажу, что еще тяжелее было, чем в первый раз. Наконец, от усталости падая, мокрые, естественно, насквозь, оказались мы в теплом коридоре, который

к кочегарке вел. После темноты и холода он уже мне замечательным местом показался: жарко, сухо, и красные отблески от котла доходят — значит, близко уже жизнь, люди! Но Гага выглянул через прорытый нами канал в угле, и быстро обратно отшатнулся.

— Нельзя выходить! — шепчет.

— Это почему это? — я совсем уже терпение потерял.

— Там кочегар сидит! — Гага шепчет. — Нельзя, чтобы он узнал, что мы через этот ход прошли!

— Почему нельзя-то? — тут я уже совсем возмутился.

— Ты что же думаешь — он просто так здесь сидит? — Гага говорит.

— Конечно, просто так! Обычный кочегар! — я чуть было уже не кричал.

— Обыкновенный! А почему он, интересно, что-то все время пишет? — Гага говорит.

— Ну ладно! Если ты считаешь, что все так необыкновенно, — лягу прямо здесь и буду спать!

Устал я, действительно, очень сильно. Разровнял немного уголь, который мы сюда протолкнули, лег, руки под голову положил, и вправду, неожиданно заснул.

Проснулся, не знаю уж через сколько — Гага меня разбудил.

— Давай, — говорит, — выбираемся потихоньку — он ушел.

Выбрались мы во двор. Я, с Гагой не прощаясь, домой пошел. И бабушка к тому же — хороша бабушка! — вместо того чтобы выругать меня как следует, говорит спокойно:

— Где же ты так изгваздался, родной! Ну — снимай быстро, я в тазу замочу! Но молодец, что к пяти поспел, как я велела, за это я тебя оладьями угощу.

Посмотрел я на часы — действительно, всего пять часов — всего четыре часа это путешествие продолжалось, а казалось — год!

Поел я, потом телевизор посмотрел, после спать лег — здорово я в тот день устал.

Ночью вдруг приснился мне темный зал, как мы в нем плывем — во сне все это страшнее еще казалось.

Проснулся я, весь в поту, лежал, не двигаясь. Потом вдруг горячая вода из уха вылилась — наверно, в темном зале мне в ухо набралась. Почему-то испугался я, на кровати сел. Сказал себе, что никогда больше с Гагой никаких дел не имею. Хватит! Все!

Но утром встал, по двору поболтался, и неожиданно к Гаге пошел.

Он кивнул деловито, видно, и не помнил того, что я, не прощаясь с ним вчера, ушел.

— Посмотри, — в сторону стола кивнул. — Я там набросал кое-что... по-моему неплохо.

На столе лежит листок, на нем были нарисованы квадратики, и в них написано: кочегарка — коридор — Темный зал — коридор — Остров.

— Ну как? — спрашивает.

— Замечательно! — говорю. — Даже лучше, чем в действительности!

Тут Гага обиделся, злобно на меня посмотрел:
— Знаешь, как называется человек, который ни во что не верит? Циник! И в тебе уже много этого, ты ко всему уже с усмешкой относишься! И это еще в молодом возрасте, — а что потом с тобой будет — представляешь?

— А с тобой? — говорю ему.

— Ладно, — Гага говорит. — Так будешь участвовать в освоении или нет?

— Ладно, буду — не бойся! А то ты без меня вообще голову себе сломишь!

— Тогда так, — Гага говорит. — Я тут набросал список, что нам надлежит в первую очередь на остров взять. Значит так. 10 банок тушенки. Два спальных мешка. 10 инкубаторных цыплят. Две буханки хлеба. Полкило конфет. Топор. Транзисторный приемник.

— Так, — говорю, — а зачем нам десять цыплят?

— Как зачем? — Гага говорит. — Жить на острове будут. Яйца нести.

— А кошка та их не сожрет?

— А мы ограду для них сделаем.

— Так... А где мы два спальных мешка возьмем?

— В прокате.

— Так, а зачем транзисторный приемник с собой брать?

Представил я, как мы со всем этим грузом через темный зал плывем, а потом еще взбираемся по вертикальной стене!

— Может, — говорю, — телевизор с собой взять, чтобы там программу «Время» смотреть?!

Ничего не ответил на это Гага, даже голову от своего дурацкого списка не поднял! Потом только произнес:

— Так... За хлебом и конфетами ты сходишь, или мне нужно идти?

— Схожу!

— Деньги нужны?

— Есть!

Вышел я от него, пошел в булочную. Ладно, думаю, — сделаем все так, как он хочет. Посмотрим!

Вошел я в булочную, взял на руки две буханки, схватил кулек с конфетами, шел уже к выходу — потом посмотрел вдруг почему-то вниз, себе под ноги. И чуть было не упал от ужаса: гляжу, на полу около кассы, свернувшись и мурлыча, та самая кошка лежит — черная, с белой головой, которую мы на нашем необитаемом острове видели!

«Как же она тут оказалась?» — мелькнула мысль.

Почему-то в тот момент не подумал, что спокойно она оттуда пришла сюда, по обычной дороге, и ни по каким катакомбам не лезла! Но посмотрел я потом на кошку, как лежит она, спокойно мурлыча, и понял вдруг: никакого острова нет, есть просто какой-то заброшенный участок в десяти минутах ходьбы от нашего двора!

Положил я почему-то буханки и конфеты на место, обратно к Гаге побрел.

Он так и подскочил, когда про эту кошку услышал. Выскочили мы от него, к булочной помчались.

— Но мокрая ведь она? — на бегу спросил Гага.

Но нет — абсолютно сухая кошка оказалась!

Открыла снисходительно глаза, когда Гага ее рукой тронул — и снова зажмурилась.

— Так, — Гага тихо сказал и из булочной вышел.

Я догнал его. Молча шли с ним по улице.

Вошли во двор, дошли до парадной, поднялись.

— Ну, я пойду? — робко спрашиваю.

Гага только убито рукой махнул — так расстроился.

...Недели через две после этого ехал я с родителями в гости на такси. Переезжали мы какой-то мостик, через какой-то промышленный ручей — в него со всех сторон сточные трубы впадали, по берегам деревья росли, и вдруг мелькнула за деревьями та красная стена, из которой мы вылезли тогда к нашему «необитаемому острову»! И над стеной этой — высокая труба, и на трубе этой выложено было белым кирпичом: «1924». То есть работает там обычный завод, и ничего таинственного ни за этой стеною, ни рядом — нет.

Наутро встретились мы с Гагой в школе, и я рассказал ему об этом.

И долго после этого мы не вспоминали о нашей экспедиции.

Пока однажды...

Продолжение следует

Марина БОРОДИЦКАЯ

ШТОРМ

*Что сегодня с морем случилось?
Все оно перемешалось!
И вскипает, и клокочет
В глубине и наверху —
Будто кто-то сделать хочет
Великанскую уху.
Поварешкою
мешает,
Накипь белую
снимает,
Тут подсыпал,
там подлил...
Так и есть!
Пересолил!*

ЕЛОЧНЫЙ ШАР

*На пыльной дачной полке
В предавгустовский зной
Нашелся шарик с елки,
Забывтый и чудной.*

*А помните, зимою —
Как гордо он царил:
Мерцал в подсохшей хвое,
Позванивал, парил!*

*В нем все плыло, сливалось,
Он был главней всего,
И сердце разрывалось
От хрупкости его!*

*Теперь — блестит нелепо
Под солнцем на столе...
Так сдутый мячик лета
Найдется в феврале.*

ЗЕЛЕНЫЙ КОВЕР

Наташа Федорова сидела над композицией. Никак не могла поставить белую розу так, как хотелось. То веточка торчит не в ту сторону, то вся композиция не нравится. Наконец, все стало на свои места. «Солнечное утро» — назвала она свою работу.

У Иры Петровой композиция другая: камень и несколько сухих травинок. Ира их так расположила, что получилась картина — осенний суровый пейзаж. «Суховей» — назвала Ира свою композицию.

...Шел урок цветоводства в 113-м ленинградском ПТУ.

— Дальше фантазия должна подсказывать, — говорит Инна Оленьева. Ей поручено оформить фойе кинотеатра.

Инна говорит, в кинотеатр люди приходят отдыхать, им хочется спокойно посидеть, поэтому для озеленения лучше всего тема — «Лесное озеро». В бассейн можно пустить рыбок. Вокруг посадим папоротник. Его длинные нежные листья создают настроение покоя. Рядом будут хороши каллы. В лесных озерах цветы

растут часто на воде, поэтому и мы в наше искусственное озеро посадим водяной гиацинт.

Можно сделать и другой пейзаж — пустыню. На гальке и песке — кактусы. Диковинные колючие цереусы, которые бывают высотой до десяти метров. Маленькие зеленые шарики — эхинокактусы, похожие на лепешки — опунции.

Почти все растения любят свет, но есть такие, которые любят жить в тени, в густом лесу. Это кливия и традескан-

ция зеленая, их мы посадим там, где мало света. А бегонию нельзя сажать у двери — она боится сквозняков...

...Инна смотрит на преподавателя. Она давно мечтает украсить растениями детский сад, поэтому неожиданно заканчивает:

— А вот алоказия или фикус никак не подойдут для оформления детского сада. Малыши могут попробовать их на вкус и отравиться, потому что эти растения ядовитые.

А практика у девочек была вот такая. Поручили им озеленить новую улицу.

На улице было очень уныло. Сиротливо, одиноко торчат дома, всюду кучи песка, вязкой земли, пыль...

Рано утром девочки принялись за работу. Сначала они вскопали землю, разрыхлили и разровняли ее граблями. Наметили, где посадят кусты и сделают цветник. На машине из питомника привезли кусты и быстро их посадили. Плотной притоптали землю у корней и хорошо полили. Земля стала сочной и тяжелой.

Затем приготовили почву для цветника. Разобрали рассаду. Крупную — в центр, мелкую — ближе к краю. Цветы сажали вечером, чтобы не было ожогов от солнца. Оставшиеся места засеяли травой, здесь через несколько дней появится зеленый ковер.

Улица оживила. Новоселы смотрели на первые кустики и улыбались. Улица стала зеленой, ласковой.

Е. ГУСЕВА
Фото С. Леонова

КРУЖКА ГОРНОЙ ПРОСТОКВАШИ

Т. ОРЛОВСКАЯ

Рисунки О. Пономаренко

УСТУПИ ДОРОГУ!

Каждую весну, едва отшумят в горах снежные лавины и в долинах проклюнется первая травка, по древней дороге вдоль реки Большой Зеленчук идут стада. Мычит, блеет дорога — стадо коров сменяется овечьей отарой. И те и другие цветом совсем как прибрежная галька, как каменистые откосы, как стертая в пыль дорога. Оттого и кажется, будто сама земля движется. Ошалевшие от апрельского воздуха, от солнца, коровы и овцы норовят разбрестись, пощипать свежую зелень, пошлепать языком по ледяной зеленчукской воде. И тогда разно-

сится над землей быстрая, мягкая дробь — то чабаны на легких конях сгоняют стадо. Им помогают собаки. Кудлатые, черные «венгерки» с лаем скачут перед отбившейся скотиной, в желтых глазах — неутомимое усердие. У кавказских овчарок подход иной — в два прыжка оказывается огромная собака возле отбившегося животного, удар массивной лапой — и корова идет, куда велено.

Вот так и бредут они на летние пастбища. Путь долог. Километров двадцать—тридцать. Раза два заночуют на изумрудных полянах. И скроются в горах. Теперь уж на полгода.

Осенью стада спускались с гор на фермы. Через каждые полчаса натывалась наша машина на стадо или отару. Тут уж хочешь — не хочешь, а сворачивай на обочину — уступай дорогу: иначе станешь причиной срыва графика движения. Да-да, графика!.. Мы ехали-то по территории ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени Ленина — одного из крупнейших в Карачаево-Черкесской автономной области животноводческих хозяйств.

Про колхоз имени Ленина иначе не скажешь — универсальное хозяйство. Хотя главное направление у него животноводческое, это верно. А из

молока, которое сдает колхоз государству, изготавливают сыры, брынзу или простоквашу, получают молочную кислоту, которая применяется в медицине, кожевенной и текстильной промышленности.

От овец мясо и шерсть, от коров — мясо и молоко.

Я еду в гости. В семью Кубановых. Живет эта семья-бригада в Архызском урочище, недалеко от мемориала воинам — защитникам Кавказских перевалов. Адрес этот — летний, пастбищный. И мы спешим, потому что через несколько дней — точно по графику — свернут Кубановы свой пастуший лагерь и двинут свои стада по желтеющей долине обратно, на фермы.

ВАШ ПРОПУСК!

Поселок Архыз, как солнечный зайчик на дне ущелья. Вокруг — вздыбленный лес, над ним — вершины в белых клочках облаков и голубые тени ледника.

И вдруг наша машина резко остановилась. Шлагбаум. Пожилой горец смотрит сурово. Но узнав Николая Волобуева, председателя профкома, расплывается в улыбке.

— Вы уж извините, — кивает мне Волобуев, — надо побеседовать, новостями обменяться.

И вылезает из машины.

Я уже знаю, что шлагбаум здесь не случайно. Дальше — въезд и вход только по пропуску. Дальше — первозданные горные леса и пастбища, охраняемые лесхозом. Только колхозные стада нарушают дикость здешней природы. В лесах зубры, кабаны, медведи, а выше — горные бараны. Охота на них запрещена. А вот звери, случается, охотятся за овцами. И собаки, бывает, вступают в схватки с волками. Так что чабаны — вооруженные.

Пока Волобуев разговаривает со смотрителем, с другой стороны шлагбаума — из заповедных мест! — подъехал... молоковоз. Николай бежит назад к машине, его собеседник спешно поднимает шлагбаум, и молоковоз, буквально

сорвавшись с места, исчезает за нашим газиком.

— А вот и молоко от кубановской бригады, — говорит мне Николай. — Вечерняя дойка.

— А куда же это он так помчал?

— На молокоприемный пункт. Если молоко везти прямо на завод, не довезешь, скиснет. Его охлаждают в специальных холодильных установках, и оно может храниться долго, не теряя своих вкусовых качеств. А уж охлажденное молоко переправляем на завод в больших молоковозах. И потому — никаких потерь.

АЙРАН

За крутым поворотом большая поляна. У высокой ели оседланные лошади. А поодаль — небольшое каменное сооружение с пристроечками. Перед ним — два ряда металлических стоек... И две избушки в сторонке.

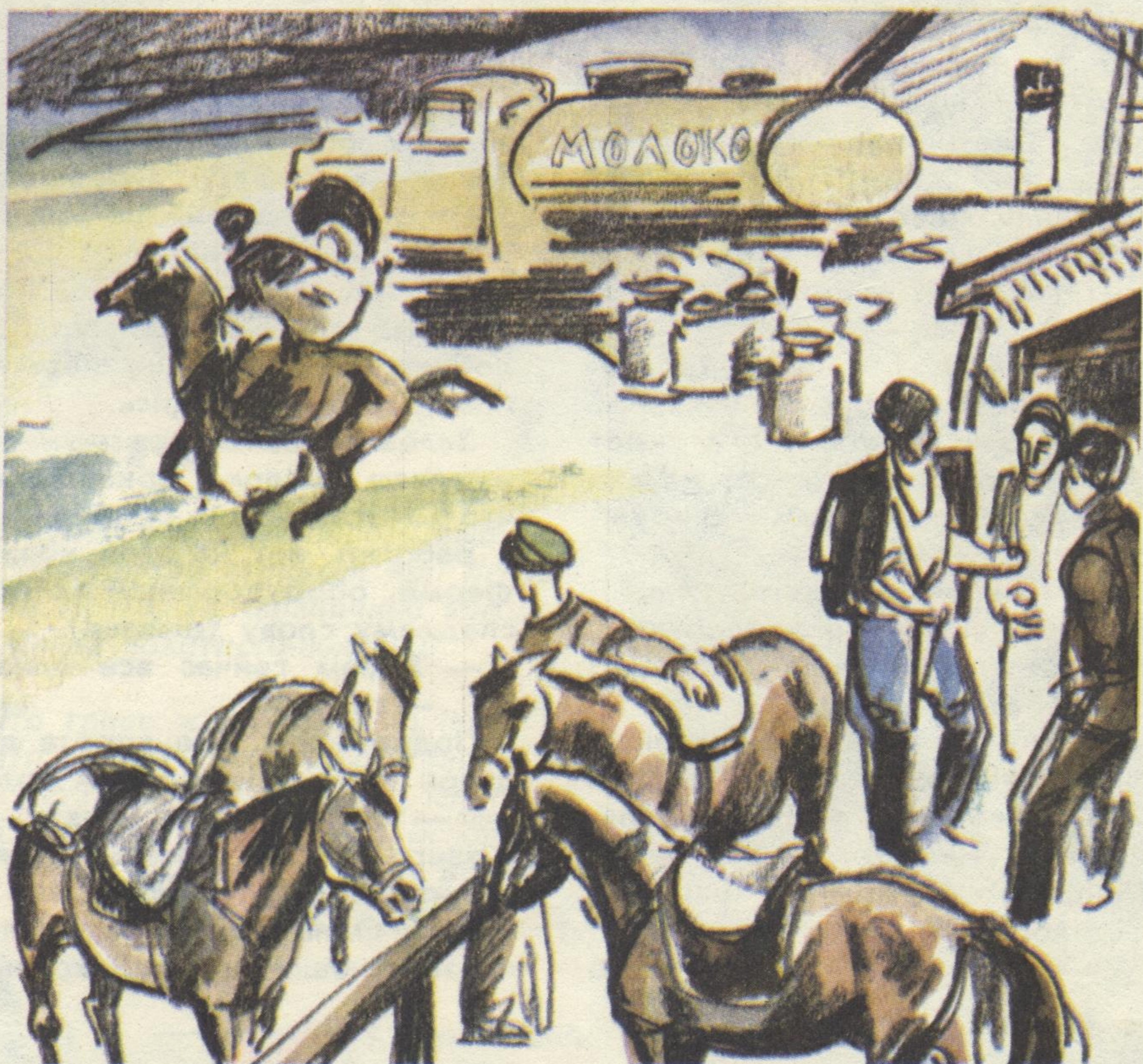
— Приехали, — говорит Волобуев...

Вот и хозяева — Магомет

Исмаилович — заведующий фермой, Исхак Исмаилович — учетчик, Марзият Хусейновна, Айшат Магометовна, Асият Магометовна, Нурсият Ахматовна, Гтан Гопаевна, Хаджат Хасановна — доярки, Рамазан Ильясович — оператор механической дойки, Ислам Исхакович — тоже оператор, Хусейн Хасанович, Расул Хасанович — скотники... У меня рука устала здороваться с членами этой семьи-бригады. Ведь все они — Кубановы. А вместе с ними трудится еще одна семья — Олейников Иван Иванович — скотник, жена его Валентина Игнатовна, сыновья Александр и Владимир — дояры. Вот такой коллектив.

На ферме в пору летних выпасов два стада — по 160 голов. За девять месяцев Кубановы с Олейниковыми сдали 4222 центнера молока — намного больше плана.

— Идем, дочка, хозяйство наше покажу, — приглашает Исхак Исмаилович. И ведет меня к тому зданию, возле которого стойки установлены. Гляжу — стойла с аппаратами для механической дойки! Прямо

с поляны ведет к ним огороженный загон.

Сзади раздался топот копыт. Оборачиваемся: скотники помчались догонять стадо. Скотник — это и пастух, только забот у него побольше. Он не только пасет и охраняет стадо, но и обслуживает скот на ферме. Скотник — универсал, он должен знать современную технику животноводческих хозяйств, а в летнее время и сумеет оказать ветеринарную помощь.

— А вот это выпей обязательно. Без этого нельзя...

Марзият Хусейновна идет мне навстречу и несет на вытянутых руках огромную кружку.

— Айран, — шепчет она, и от этого шелкового шепота кажется, что в кружке что-то особое, волшебное.

Беру, пробую... Простокваша? Нет. Ряженка? Нет. Сметана? Тоже нет... АЙРАН! Заглядываю на дно кружки — нет айрана. Как же это в меня вместились-то?

— До утра теперь есть не

захочешь, — говорит тетушка Марзият. — Айран — это айран. Деды наши придумали...

НАША ЗАБОТА

— Стоп! — крикнул Волобуев, и машина наша затормозила. У обочины стояла девочка — смуглая, зеленоглазая, с оранжевой челкой. — Тебе куда? В станицу?

Молчит.

— Ты что, — спрашивает Волобуев, — на седьмую ферму? Мы тоже туда. Садись.

Залезла девочка в машину и, слово за слово, призналась, что хочет она быть телятницей и работать вот на этой новой ферме, оборудованной по последнему слову техники.

— Я вам сейчас все покажу... — говорит.

Подъезжаем. Все ворота да двери заперты напрочь. А Ходжат — так девочку зовут — у дверей и не останавливается: «Идите сюда!». И ведет нас к окнам. Окна высоки, с земли не заглянешь. Но и тут хозяй-

ка наша не теряется: «За мной идите». И ступает на камни, что тут и там вдоль стены лежат. Это «ее дорожка», она ее выложила, чтобы ходить по ней на работу.

— В каждом корпусе, — говорит Ходжат, — по 250 коров. И все операции автоматизированы, и дойка, и кормление, и уборка. Видите трос? Это для подвоза корма. Доярка только следит, а управляет механик. Даже вода по команде поступает, для питья. Здесь будет чисто, ну, как... как в санатории! Только молоком будет пахнуть...

Мы шагали с нею от окна к окну по камушкам.

У третьего корпуса Ходжат остановилась.

— А здесь я буду работать. Здесь — самые маленькие... Телята такие пушистые рождаются! Тут тоже многое механизировано. Но я, знаете, против. — Она вдруг посмотрела на нас очень серьезно и закончила: — Малышам нужна доброта.

А когда я встретилась с ребятами из Зеленчукской средней школы № 2, над которой шефствует колхоз имени Ленина, то разговор был об овощеводстве. Ребята первым делом похвастались, что их Зеленчукский район поставляет стране 40 процентов семян лучших сортов моркови, редиса, свеклы. Летом школьники ухаживают за посевами. Ученическая производственная бригада колхоза — лучшая в Ставропольском крае.

На прибыли от хозяйства колхоз построил свой кирпичный завод, высокомеханизированные животноводческие фермы. Крахмальный завод, колбасный...

— Новые профессии появляются, — говорят в правлении. — Надо новые специальности изучать в производственной ученической бригаде.

— Надо-то надо, — откликаются старики. — Вот только чтоб старого дела не забывали. Наша забота, чтобы стада и поля попали в надежные руки...

СОСНЫ

Тихо-тихо на закате
Сосны шелестят.
Двести лет они встречают
Солнышка закат.
Двести лет они встречают
Солнышка восход,
Двести лет как подпирают
Синий небосвод...
Вот уже темнеет небо,
Догорел закат.
Было так и пусть так будет
Много лет подряд.
Те же сосны-великаны
Будут здесь стоять
И восходы и закаты
Каждый день встречать.

Таня Лямина,
село Армизонское,
Тюменская область

РАДУГА

Дождь стучит по крыше
Все тише, тише, тише...
Наконец совсем устал —
Барабанить перестал.
Вдруг над мокрым лесом
Радуга взметнулась,
Заиграла, изогнулась,
Будто небо улыбнулось.

Эля Щербакова,
Тульская область

КАНИКУЛЫ

Каникулы настали —
Веселая пора.
Поехал я в деревню,
Гуляю там с утра.

Грибы я собираю,
На речке рыб ловлю,
С ребятами играю
И очень мало сплю!

Леня Насвет,
Липецк

СВЕТЛЯЧОК

Летний вечер на дорогу вышел,
Дым костра струится над рекой.
За селом, за черепичной крышей,
Месяц золотисто-золотой.

На траве жемчужины сияют,
На земле — узорчатый ковер.
Светлячок фонарик зажигает,
Совершая свой ночной дозор.

Элла Вайсман,
поселок Шолоховский,
Ростовская область

Рисунок Н. Куликовой

МАЛЬЧИК С УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ

А. ЛИСНЯК

РАССКАЗ

Рисунок Н. Котляревского

Он сидел у стены на корточках и любовался находкой. Увеличительное стекло было гладкое, прохладное, словно прилипшее к ладони плоской своей стороной. Казалось, в нем просвечивает жемчужина.

Взял двумя пальцами за края, осторожно, как берут жука, — на асфальте всплыло колечко света. А стекло налилось тяжелой асфальтовой серостью.

То опускал, то приподнимал стекло, пока колечко света не сжалось в щемящую глаза, бледную точку. Клочок бумаги сунул — точка просияла на бумаге! Сгусточек света, невыносимый зрению узелок...

Он представил, как проходят сквозь стекло лучи, и, сомкнувшись, острием впиваются в бумагу.

Приоткрыв рот, смотрел — точка сделалась коричневой, потом черной, и вдруг — дырой,

медленно разжимающейся, ползущей во все стороны зыбким пламенем... Миг, и только черные хлопья. А точка сияет на прежнем месте!

Направил стекло на руку. Руку ужалило так, что слезы выступили, и он отдернул ее, улыбнулся. Вот это сила!

Провел по оштукатуренной стене, и словно закипала она внутри стекла, словно крохотный родник выбивался там! Стена, казалось, всеми неровностями так и увертывается от разглядывания. Замыкается в себе. Будто боится безжалостного стеклянного глазка!

Ну, теперь он уловит в свое стекло всех этих притворщиков — камни, цветы, лопухи, жуков, бабочек! Какие они на самом деле? Каждая песчинка казалась янтарной шкатулкой.

Крепко сжав стекло в кулаке, помчался вдоль стены, перелетая красневшие в купах крапивы битые кирпичи.

От стекла в ладонь вращался холод.

— Эй, Колосок, куда! Ко-ло-сов!

Неловко махнул рукой и помчался дальше, туда, где двор размыкается пустырем...

В его руке — круглый радужный город.

Горячая духота тонко звенела.

Колосок поймал двух стрекоз, сцепившихся прямо перед ним в воздухе. Одна улетела, другая застыла между пальцев. Он поднес к ней свое увеличительное стекло.

Крыло, прозрачное и радужное, было недвижимым, словно погруженным в воду. Там разветвлялись светящиеся жилы. Это крыло, значит, устроено, как лист! А еще в камне бывают жилы — все так сплелось меж собою тайным сходством, и у человека под кожей синяя веточка, вот, на руке... На самом деле все не такое, как мы видим, совсем не такое, думал мальчик, почему же так много утаено от меня, от нас?! Стекло поймало цветок, и мальчик словно нырнул вглубь цветка, приник к его сердцевине, огромной, будто замшелый валун.

Глубоко в груди билась бабочка. Из руки, разветвляясь синим в синеву, прорастала ветка. И все его тело струилось и колыхалось в знойном воздухе, теряя очертания.

И тут же увидел себя со страшной высоты маленьким, сплюснутым, едва различимым посреди выпуклого, окруженного радугой пустыря...

Стрекоза изогнулась в руке. Отвлекла. Ее зеленые замшевые глаза — как они видят? И вот чудится, он видит мир изнутри стрекозы, мир смешной и страшный, не преобразенный человеческим зрением. Разноцветные существа, пляшущие, летящие и ползущие, сталкивающиеся и опрокидывающиеся, как автомобили; перекусывающие друг друга пополам; вереницей проглотившие друг друга, словно складные стаканчики...

Вспомнился учитель биологии. Любимый его учитель, насмешливый, в черной косоворотке, борода седым взрывом клубящаяся, блеск указки в огромной корявой крестьянской руке — самый старый в их школе учитель.

— Вы любите масло?

— Да-а...

— А корову?

Так начиналось когда-то их знакомство.

Это биолог сказал, что если в чашку с водой положить сено, через три дня там заведутся инфузории, тысячи! И заживут в чашке...

— А вдруг бы они узнали, что они в чашке?

— Исключено, друг мой, ведь для этого нужно себя со стороны видеть! И родина только у человека бывает! А у живности среда обитания. Так же и любовь только у человека, а у живности слепое влечение. Вопросы же у тебя, друг мой, не по возрасту... Что я на сегодня-то задавал?

Биолог не любил схем, как, например, физик. Объясняя схему цветка, так колот ее указкой, словно хотел убить, и частенько надорванная, с прибитой внизу реечкой таблица, падала с нарастающим шумом, и судорожно сворачивалась

на полу в трубочку, открывая за собой другую таблицу, со схемой опыления или кровеносной системой человека, или мозгом в разрезе...

Таблицы висели одна за другой. Самой дальней была темная, засаленная таблица с динозаврами, они стояли среди сумрачной равнины, прижав слабые ручки к груди, и самодовольно улыбались, не замечая первого млекопитающего, отмеченного красным кружком. Крысенка, что ли.

Иногда все таблицы падали одна за другой, открывая пустую доску.

— А вот это, друзья мои, уже грустно, — говорил биолог, указывая на пустую доску.

В кабинете биологии прямо на учительском столе стоял аквариум, и здесь Колосок всегда норовил занять первое место.

Положив голову на руки, он слушал голос учителя и смотрел в аквариум. Рыб там не было. Там жил одинокий тритон. Сидел, растопырившись, на пушистом дне. Предшественник динозавров. Вдруг, подернув хвостом, медленно всплывал головою, оставляя внизу лишь завиток дыма, и утыкался носом в непроницаемо зеркальный потолок; внезапно раздвоившись, чуть прогибал дрогнувшую гладь, протыкал головой мнимую ее непроницаемость, и, слегка вздувшись, устремлялся вниз, роняя вверх зеркальный пузырь, и снова цепенел.

— Вот и думай, друг мой, — сказал как-то биолог, проследив взгляд Колоска и улыбнувшись, — какая жизнь бывает!

Еще там жила, словно проясняя эту мысль, улитка в колпачке гнома. Она ползала по мутным стенам, проедая призрачные дорожки. Она напоминала присосавшийся к стеклу самостоятельный ротик, силившийся что-то сказать.

— Высший учитель — Природа, а я только переводчик! — любил говорить биолог.

В пионерлагерь! В пионерлагерь!

Брусчатка лоснится после дождя, мокрый автобус отражается в ней свежим блеском.

Колосок в тесном костюме, в больших рыжих сандалиях. В одной руке чемодан, в другой крепко зажато стеклышко.

— Интересно, далеко этот лагерь?!

Мама хочет поцеловать его, но он увертывается.

— Смотри там! — говорит отец.

В автобусе душно, пахнет резиной. Ребята теснятся, напирают, сталкиваются чемоданами, высматривая себе места.

Кто-то толкает в плечо, но Колосок не оборачивается.

Припав к окну, он смотрит на родителей сквозь увеличительное стекло. Но вот махнул им — двум, тонущим в радуге, — автобус тронулся.

Отвернувшись от окна, покосился на соседа.

— Попугай его зовут! — сказали сзади сквозь сдавленное хихиканье. Сосед, не оборачиваясь, побагровел. Сзади сидели девочки.

— А меня Колосов! — быстро сказал Колосок, оборачиваясь.

Две матрешки.

— Вот тебя Попугай и склюнет! — сказала одна из них. И они опять захихикали.

Попугай важно сморгнул карими выпученными глазами, важно оттопырил нижнюю губу. Блеск ее отвлек Колоска. Он приблизил к губе увеличительное стекло, но различил лишь обветренные ущелья. Он повел стеклышком выше, и увидел край чужого глаза, толстые, металлически блестящие ресницы, и слезу, мешковато ползущую по щеке...

Колосок быстро отвернулся, припечатал стеклышко к окну, околованный мир завертелся, как пестрый шарик...

В боковом зеркале он заметил водителя, вытянул шею, приоткрыв рот, забыл обо всем.

Водитель был грузный, он сидел в серебристой впадине, в центре мира, он плавно покачивался, баюкал взгляд... Зеркальная картина висела прямо в небе, над стремительно утекающим шоссе, бьющим, как серый водомет, в неподвижную синеву.

В лагере, вдоль аллей, цвели розы. Розы жгли глаза.

Корпус, где поселили Колоска, к его великому облегчению, стоял среди сосен.

Полы, недавно вымытые, еще не просохли в щелях, окно широко распахнуто навстречу вихрастой зелени, слышно гулкое кукование кукушки. Графин на столе полон свежей воды по горло.

А край шерстяного одеяла в увеличительном стекле похож на лесистый холм.

Попугай сидел на кровати, смотрел в зеркало шкафа, изо рта его торчал карандаш.

— Ты чего? — спросил Колосок.

— Сочиняю, — веско сказал Попугай, кончик карандаша подпрыгнул у него во рту.

— Да?! Стихи, что ли? А ну, прочти!

— Сейчас. Разбегусь.

В комнату заглянул вожатый.

Попугай встал с кровати.

Тут вломились ребята с отставшего автобуса, и комната сразу наполнилась пестрыми сумками, разгоряченными лицами, выкриками. Плавно пролетела подушка.

— А ну, потише!

На столах уже стояли стаканы с компотом, хотя суп еще не разносили. Он ощутил под скулами едко копящийся голод. Выпил компот, вытряхнул в рот сухофрукты. Сидел, глядя сквозь всех, навывлет.

«Зачем мне это стекло? Откуда оно взялось, кто его потерял? Ведь ничего не меняет оно в моей жизни, а вначале показалось... почти волшебным!

Как случилось, что живу я не в том мире, который оно показывает, а в этом, привычном? Ведь разница какая! Как же так?! Неужели просто игрушка? А микроскоп, а телескоп?..»

Он глядел сквозь стеклышко на руку, растопырив пальцы, и вся рука была очерчена острой, как лезвие, радугой, слабым желтым сиянием...

И стало жаль радужно-дутого мира мелочей, этих невыносимо скрытых от него значений каждой травинки, каждого жука, каждого камня...

Их повели купаться на реку через морковное поле.

Все было полупрозрачным от зноя. Они шли и пели. Жухлые кружева моркови торчали из серой земли. Он выдернул морковку, внезапно тонкую и желтую.

Он шел, как все, в середине всех и пел. Можно было закрыть глаза и идти.

Река казалась рыжей, свирепой, быстрой.

Все прыгали по очереди с низкого обрыва, и, плывя, продолжали петь.

Обрыв густо порос сельдереем. Вожатый стоял, на груди у него висел красный судейский свисток.

А он стоял рядом с вожатым, теперь уже последний в строю, и не мог прыгнуть. Несколько раз приседал, но опять выпрямлялся. Земля осыпалась из-под ног, булькая.

— Ну, что ты?! — закричал вожатый. — Ты чего?

Он неловко улыбнулся.

— Боишься, что ли? Да отсюда малыши прыгают!

Колосок был бледен, рот поджат.

— Ну!

Все смеялись из воды, девочки брызгали в него, он оцепенел с жалкой улыбкой. Какой-то малыш подбежал сзади и легонько толкнул.

— Не надо, он сам! — сказал вожатый. — Ну! Раз, два, три... Преодолей себя!

Вожатый не смеялся над ним, голос был ласковый. Вожатый сел рядом на корточки.

Красный свисток раскачивался перед глазами.

— Да здесь высота чуть больше метра! Ну?! — сказал вожатый.

Тогда Колосок закрыл глаза, и рухнул в теплую, несущуюся воду. К остальным, судорожно сжимая в руке пучок сельдерея.

Потом стремительно вскарабкался неподалеку на крутой высокий обрыв и крикнул им что-то дерзкое, веселое.

Вожатый изо всех сил дунул в свисток.

Колосок косо влетел в воду, разбил ее кипением, исчез. И возник уже далеко, где вода обрывалась небом.

«Они стояли на высоком берегу только двое — отец и сын, не зная, что видят друг друга последний раз» — так начинается повесть Василия Лебедева «Его позвал Гиппократ».

Отец ушел на войну, а двенадцатилетний Андрей остался с дедом, деревенским лекарем.

Потом, когда деревню заняли фашисты, а дед погиб, мальчик стал партизанским врачом. Он, двенадцатилетний, вспоминая наставления мудрого деда, сумел спасти жизнь тяжелораненого героя-летчика, перевязывал возвращавшихся с боевых заданий.

И как он ждал победу!

Верность мечте, крепкий характер и чуткие отзывчивые люди помогали Андрею преодо-

леть все трудности, помогли стать настоящим врачом.

В одном из последних сборников Василия Лебедева несколько повестей. Сборник поэтому и называется просто: «Повести». Героям их — столько же лет, сколько и вам сейчас. Только растут они в дни войны и в голодные послевоенные годы. И детство героев книги похоже на детство ваших матерей и отцов, а было оно нелегким... Но у них тоже были и крепкий характер и верность мечте — а это помогает победить любые трудности.

Мы больше никогда не прочитаем новых книг Василия Лебедева. Он — трагически погиб. Повести Василия Лебедева: «Его позвал Гиппократ», «Второе воскресенье», «Высокое поле» ты сможешь найти в библиотеке. Прочти их. Герои этих книг станут твоими друзьями, и быть может, помогут тебе в трудную минуту жизни.

* * *

...Люди редко удивляются привычным вещам. И, пожалуй, самое привычное, обыкновенное — это звуки и слова родного русского языка. Казалось бы, что в них удивительного? Но если ты откроешь страницы этой книги, то вместе с ее авторами обязательно поразишься и обрадуешься бо-

гатству языка. Каждое слово, как загадочный кристалл, может неожиданно засверкать новой гранью. Возьмем хотя бы обыкновенное слово «идет». Как много, оказывается, у него смыслов:

«Он мне сказал: «В кино? Идет!».

Но не спросил: «А что идет?» — Мол, это к делу не идет.

Даю билет — и он идет.

(Ах, как костюм ему идет!)

Вдаль наша улица идет.

Трамвай по улице идет.

И дождь на улице идет.

А он пешком себе идет.

Упорно к цели он идет.

Идет! — о том и речь идет...»

Каждая страница этой книги — веселая и умная игра со звуками и словами родного языка. Познакомившись с нею, ты к тому же станешь говорить ярче и грамотней. И, возможно, вслед за поэтом Александром Шibaевым с гордостью скажешь:

«И в радости, и в грусти —

Он всякий час со мной,

Родной язык мой русский,

Как Родина родной!»

Книга называется «Язык родной, дружи со мной». Она вышла в издательстве «Детская литература» в 1981 году. Эту красивую книгу поэта Александра Шibaева и художника Вадима Гусева с радостью берешь в руки.

В. ВОСКОВОЙНИКОВ

ОПЕРАЦИЯ „ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА“

ЧУДО-ТРАВА

В июне—июле, если побродить по лесным опушкам, полянкам, склонам холмов, можно встретить растение с золотисто-желтыми звездочками цветков. Это зверобой. Чудо-трава, которая лечит от 99 болезней. У него тонкое ветвистое корневище с небольшими гладкими стеблями, которые состоят из двух ребрышек. Прямо на стеблях сидят продолговатые овальные листочки.

Отличить зверобой от других растений очень просто. Надо лист его на свет посмотреть. По всей его пластине рассеяны просвечивающие точки желёзок, а по краю идут черные пятнышки. Растереть такой лист пальцами — они желтыми станут. Это из точек — желёзок выделится едкое эфирное масло.

Зверобой — самое популярное растение в народной медицине. Из него готовят различные лекарственные

препараты: «Иманин» и «Новоиманин», их используют для лечения ран, ожогов, язв и при ангине.

Собирают зверобой в период его цветения, срезая только верхушку растения длиной 15—20 см. Сушат на чердаках, разостлав тонким слоем, или даже на открытом воздухе — связав в пучки и предохраняя от дождя.

У зверобоя есть таинственная особенность. Когда пьешь настой из этой травы, нельзя загорать на солнце, идти на рентген — обожжешься. Он повышает восприимчивость кожи к действию лучей. Некоторые виды зверобоя ядовиты для сельскохозяйственных животных — овец, лошадей. Вероятно, отсюда и происходит название этой травы — зверобой.

Недавно в редакции один писатель пожаловался:

— Мало, ох, как мало осталось художников, рисующих животных, мастеров этого дела! Ведь еще недавно — возьмешь книжку — какие великолепные рисунки! Ленинградцы Валентин Курдов, Евгений Чарушин, москвичи Ватагин, Никольский. А сейчас...

И он назвал две-три фамилии, среди них Татьяна Капустину.

Встретиться с Татьяной Порфирьевной Капустиной оказалось не так-то просто. То телефон молчал, то люди, которые снимали трубку, отвечали:

— Уехала в лес, рисовать.

— На охоте.

— Судит состязания собак.

Последнее оказалось вовсе неожиданным: ну, ладно, раз художница — значит в лесу делает эскизы, дальше — про нее все говорят — она опытный охотник, но чтобы женщина, художник, и — судья по собакам! Оказалось именно так, — судья, да еще один из самых строгих, а специальность у нее — охотничьи собаки, никаких болонок, той-терьеров и прочей мелочи, только легавые, лайки, сеттеры...

Наконец, однажды к телефону подошла сама хозяйка. Из-

МОИ ЛЮБИМЫЕ КРАСКИ —

винилась, только что из-за города, не успела снять сапоги. Но ответила весело:

— Приезжайте хоть сейчас, ставлю чай, буду ждать...

В небольшой квартире на южной окраине Ленинграда на стенах охотничьи трофеи — рога, шкуры и рисунки, рисунки, рисунки. Эскизы и готовые, но по каким-либо причинам не пошедшие в книги. (Ну, у кого же это сразу получается то, что надо? Иной рисунок и хорош, а в ряду с другими, уже готовыми, не смотрится, не лежит...)

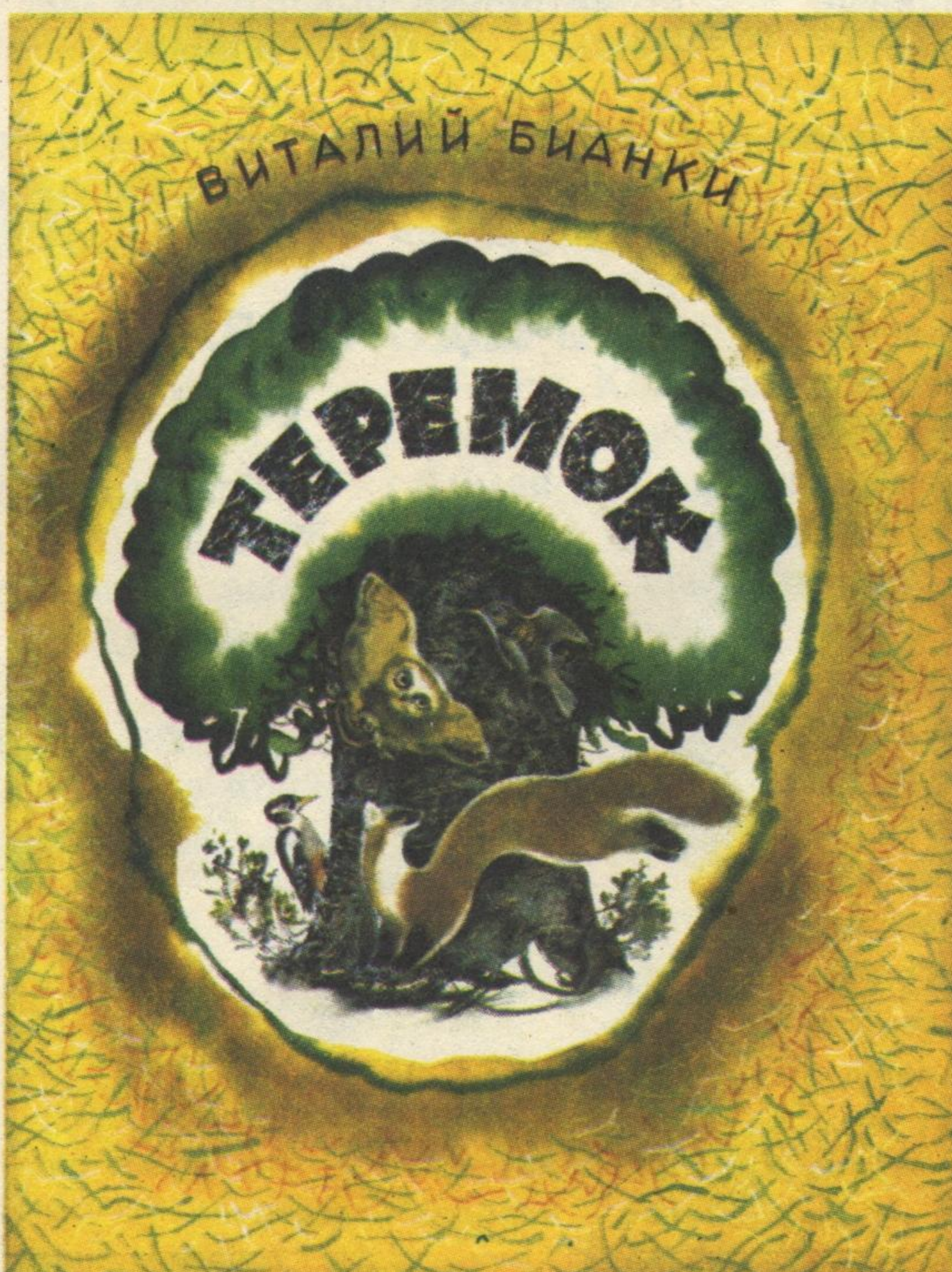
Завязался разговор.

— Наши читатели, мальчишки и девчонки, пишут, что они очень рады, когда им случается быть в лесу. Что, по-вашему, значит для человека лес?

— Ой, про это можно столько говорить! Люблю наши леса, в них такой простор для наблюдений, для воображения. Идешь ранней осенью, солнце холодное, а листики все сияют. Идешь, смотришь по сторонам и на собаку поглядываешь, в лесу ведь полно хитрецов, кто спрятался и так трудно заметить, а моя Охта всех чует, идем — она мне

кто где подсказывает. Конечно для ребят лес — это прежде всего птицы — их увидеть легче, да и ярче они, голосистее. Зверя теперь увидишь редко — промелькнет мышкой и нет его. Правда, если умеешь читать следы, то прогулка по лесу сразу делается интереснее: тут лось копытом мох ранил, тут зайцы осинку погрызли...

Потом еще — лес всегда дарит неожиданности. Как-то зимой под Вырицей шла на лыжах, вдруг навстречу след медведя! Хотела обойти его — опять пересекает мой путь. Остановилась, зарисовала, пошла дальше — вижу два следа, лось идет, за ним медведь, след медведя иногда ложится поверх. Так интересно стало, аж дух захватило — думаю, медведь голодный преследует лося, пойду дальше и наткнусь на картину — мишка сохатого завалил. Только прошла шагов тридцать, а впереди и верно медведь стоит, здоровенный — с обеденный стол. И не он меня первый заметил, а я его — под ним ветка хрустнула. Я развернулася, и что было сил — домой! На другой день,

КРАСКИ ОСЕНИ...

чувствую, не усидеть: дай, думаю, проверю моего медведя, заметил ли меня и долго ли шел за мной по следу? Пришла в лес, нашла это место — вот и мой поворот. Мишка сперва пошел за мной, потом как метнется в сторону! Кто его испугал — не знаю. Сошел с тропы, залез на елку. Что он там высматривал?.. И на третий день опять пошла в лес на то же место, взяла с собой мешочек с сухарями — оставлю ему, думаю. Оставила, но теперь в лесу было много лосиных следов. Что ему мои сухари!

— Целый рассказ. Хоть печатай. А кто вас научил любить лес? Ведь вы горожанка, коренная ленинградка.

— Отец. Он был у меня охотником, часто брал с собой и меня. Сперва шла за ним, собирала цветы, красивые веточки, потом стала ко всему присматриваться. У меня и отец, и мать были ярославские. Отца уже в 13 лет семья отослала в город работать, помогать. А родилась я здесь, в городе, в 1935 году, потом были война, эвакуация, вернулась в 1945-м, смотрю — все соседние дома разрушены, а наш дом стоит,

цел. Ну, значит, подумала — жизнь продолжается.

— Как вы стали художником?

— У меня к краскам уже в детстве было какое-то особое отношение. Когда меня спрашивали: «Кем ты будешь?», я отвечала: «Буду делать краски». В третьем классе меня отдали в художественную школу, кончила ее, приняли в Академию художеств. Помню, тогда же сделала первую книжку. Киевское издательство заказало рисунки к рассказу А. Чехова «Белолобый». А я еще студентка, живу в общежитии, стола нет, половину рисунков сделала у себя на коленях. Второй книгой был Борис Житков «Что я видел». Студенткой же начала рисовать и для «Костра».

— Обязательно разыщем эти ваши первые рисунки. А вот последние — к повести Юрия Коваля «Недопесок» мы все в редакции хорошо помним. Бежит по голубому снегу платиновый песец Наполеон Третий и держит в зубах мотоциклетную рукавицу. Или — идет следом за недопеском прямо на север дошкольник

Серпокрылов, прямо на Северный полюс... Смотришь на песка и кажется — подует ветер и шерсть его закачается. Очень он у вас получился везде пушистый!

— Ваши любимые краски?

— Есть они у меня, есть, это сразу видно по книжкам — желтая, красная, черная гуашь. Когда работаешь с ней аккуратно, получается почти как акварель — рисунок нежный, прозрачный. Иногда добавляю белила — для мутности, это когда рисунок должен быть чуть-чуть в тумане. Поэтому осенью люблю ходить, собирать листья — они ведь тоже желтые, красные, черные.

Книжки для работы не выбираю — делаю, что дают. Но меня уже знают — дают все про животных. Торопиться быстро не умею. Делать цветную детскую книжку — всегда радость. Делая — всегда помню: очень важна обложка, ее цвет, чтобы было, например, какое-то неожиданное оранжевое, синее или другое яркое пятнышко, чтобы книжка еще издали на магазинной полке бросилась бы в глаза. И на обложке важно не просто пятнышко, а чтобы была картинка. Чтобы обложка уже говорила — о чем эта книжка, о ее содержании.

Продолжение на стр. 42

САПОЖНИК ДЖУЗЕППЕ

Джузеппе БОНАВИРИ

СКАЗКА

Рисунок К. Почтенной

Лавка с гипсовой ступенькой выходила на главную улицу селения и мастер Джузеппе жил здесь уже больше двадцати лет. Спал он в крохотной задней комнатке с маленьким оконцем-фонарем прямо на крыше. Утром, и часто совсем не ранним, когда уже не слышно было даже ослиного рева и на улице кудахтали лишь глупая наседка тетушки Марасанты, его будил соседский паренек Джакомо Беллино.

— О, мастер Джузеппе, — кричал мальчуган, колотя кулачками в серую деревянную дверь. — Неужто еще спите?!

Но мастер Джузеппе Казаччо имел право не вставать спозаранку, когда на тихое селение волнами накатывался гул колоколов церкви Санта Мария. Потому что работы у него теперь было мало, ведь почти все жители селения эмигрировали.

— Плохие времена, — говорил он Джакомино, когда они, низко согнувшись на табуретках, пришивали подошвы к башмакам крестьян и к стоптанным ботинкам крестьянок, — скоро в Минео и вовсе никого не останется. Все уезжают, кто в Швейцарию, кто в Австрию. Остались одни богачи, а они, дружище, покупают ботинки в городе, в Катании.

— Чиччо Терранова и Антонио Райя на той неделе тоже уезжают в Швейцарию. А Пеппи Монако вчера уехал, — с озабоченным видом отвечал мальчуган.

— И эти двое! — восклицал мастер Джузеппе. — Антонио Райя почти моих лет. Ему уже за пятьдесят. Видишь, Джакомино, что творится кругом? Все идет прахом. Если так и дальше будет, в Минео скоро одни пустые дома останутся. Урожайи скудные и крестьяне бросают свои клочки земли. Да и внизу, в долине, работы почти никакой. Сады чахнут и уж разбогатеть тут у нас никому не удастся.

Еду мастер Джузеппе готовил себе сам — его сестра Винченца тоже уехала с мужем и детьми в Австралию. Там они все будут работать на ферме и надеются со временем даже домик себе купить. Они и ему предлагали: «Поедем с нами, Пеппи. Что тебе делать в селении? Не видишь разве, оно умирает. А там наймешься работать на обувную фабрику и, глядишь, заживешь по-человечески».

А он все не решался. Слишком уж он прикипел сердцем к селению своему, где ему с детства знаком каждый закоулок, каждое поле. По одному лишь цокоту копыт по булыжной мостовой сразу может сказать, чей осел возвращается вечером домой, а по грохоту определяет, чей мотоцикл, а в Минео их осталось раз, два и обчелся, катит к дому или к окраине.

— Это мотоцикл Чиччо Нольфо, — рано утром говорил он сам себе, лежа в теплой постели. — Едет в долину на работу. Там насыпь у дороги

делают. А это мотоцикл Тури Сколло. Он всегда едет медленно-медленно, словно думает о чем-то важном. Говорят, и Тури скоро уедет, в Бельгию на шахту. Как же он будет там работать под землей в кромешной-то тьме?!

Нередко мастер Джузеппе просыпался среди ночи и долго глядел через оконце в небо. И часто ему удавалось увидеть звезды. Он принимался их считать — две, пять, шесть, семь. Узнавал он их сразу и вскоре дал каждой свое имя.

— Ты — щегленок, — говорил он одной звездочке. — У тебя по краям тоненькие лучики, совсем как крылышки. А вот ты звезда большущая, яркая — настоящий фонарище. Небось, задаешься перед другими, когда по небу шагаешь. А ты, донна Рузидда, — обращался он к светлой, округлой звездочке, — на танцы что ли собралась? Смотри, как принарядилась, умылась!

Однажды, когда они надраивали до блеска починенные башмаки крестьянина, Джакомино вдруг спросил:

— А верно, мастер Джузеппе, что вы в молодости играли в оркестре?

— Все-то ты, сорванец, знаешь, — ответил сапожник, подняв свое худое лицо с ниспадавшими на лоб белыми волосами. Такими белыми, будто их жидкой известью обрызгали. — Твоя правда, играл. А потом и оркестр распался, остались лишь несколько бедолаг, да и те музыканты никудышные.

Он встал, пошел во вторую комнату и стал искать кларнет в ящике, где лежали колодки, старые подошвы, гвозди. Нашел и принес в мастерскую:

— Видишь, играл! — воскликнул он, радостно улыбаясь. — Вот послушай один веселенький марш.

Но вначале ему никак не удавалось подобрать нужный мотив, и из кларнета вырывались лишь хриплые, отрывистые звуки.

— Вот незадача-то, или я заржавел или кларнет.

С того дня он прочистил и хорошенько надраил свой кларнет и стал на нем играть. Ребятишки, а их осталось в Минео совсем немного, приходили, садились рядышком и слушали, широко раскрыв глаза. Джакомино с важным видом им говорил:

— Не мешайте мастеру. Думаете, он такой же бездельник, как вы?

И все же месяц спустя мастер Джузеппе снова спрятал кларнет в ящик — Антонио Райя уговорил и его уехать в Швейцарию.

— Ты еще вовсе не стар, — убеждал он Джузеппе. — Так и будешь гнить в Минео? Ведь годика через два здесь только ты да бродячие собаки останутся. Не видишь разве, тебе уже сейчас даже на хлеб не хватает?

Джакомино печально глядел, как мастер Джу-

зеппе, готовясь к отъезду, укладывает в ящики шила, молотки, куски кожи, и ему хотелось плакать.

— Вы меня и вправду бросите, мастер? — то и дело спрашивал он.

— А ты думал, я шучу? — отвечал ему мастер Джузеппе Казаччо. — Дай бог и ты скоро уедешь. Твой отец вернется и заберет тебя с собой в Венесуэлу.

Настал конец апреля. Вечерами мастер Джузеппе выходил из дому и шел в поля по усаженной акациями улочке, а с долины Фадда доносился терпкий запах трав, и фиговые деревья у окраины в закатном солнце казались вначале зелеными, а потом черно-розовыми. И мастеру Джузеппе становилось так грустно.

Ничего этого в Швейцарии уже не будет, думал он. И мастеру Джузеппе чудилось, что и полевые фиалки, такие маленькие, ну совсем крохотные, и веточки дикой мяты с красивыми фиолетовыми цветами, говорят ему с обочины дороги: «Мастер Джузеппе, вы и вправду нас бросаете? Верите, что в Швейцарии вас ждут удача, счастье и тьма денег? Э, сказки одни».

А потом ночью, когда он в свою дыру-окошко на крыше увидел, как звезды медленно плывут по небу, окутанные темным облачком, он прошептал:

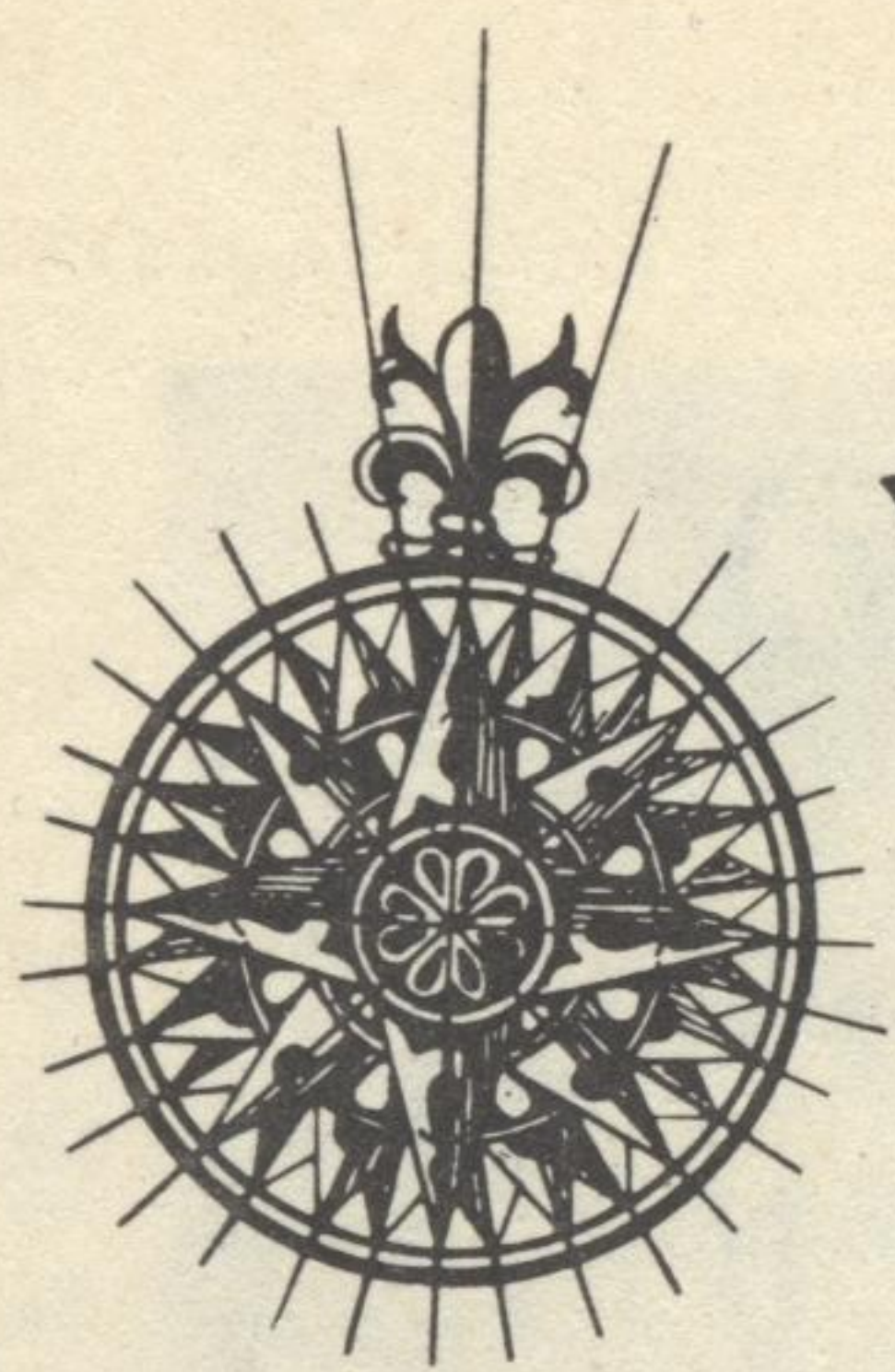
— Тоже загрустили, да? Думаете, не найдете

другого мастера Джузеппе, который будет говорить с вами по ночам? Еще как найдете.

Но все-таки он не уехал. Не мог он оставить родное селение и все, что окружало: деревья, цветы, звезды.

В полдень, когда уехали из Минео его односельчане Антонио Райя, Чиччо Терранова и Никола Джостри, он вернулся к старому замку, от которого уцелели лишь огромный бассейн да остатки могучих стен, сел на камень, и... вдруг нащупал в сумке кларнет. А когда он его туда положил, мастер Джузеппе и сам не помнил. Он смотрел на улочки селения, сбегające вниз по склону, поросшему травой и желтыми маргаритками, и отыскивал грустными глазами черепичные, замшелые крыши домов, где еще недавно жили его друзья, навсегда уехавшие в дальние края. Он весь вдруг словно обмяк, а ноги точно онемели. Вынул кларнет и заиграл, а что играл, он и сам не знал, звуки были печальными, как прерывистая песнь одинокой ночной птицы. Мастер Джузеппе смотрел сверху на свое Минео и думал, как много домов опустели и окна их больше уже не светятся, и ему казалось, что скоро и селение погибнет. Внезапно он перестал играть. Стало совсем темно. И в наступившей тьме ему почудилось, будто грустный мотив повторяют теперь кустики маргариток, серые эвкалипты и даже сам неразличимый вдали вулкан Этна.

Перевел с итальянского
Л. ВЕРШИНИН

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
Б. Аникина
Год издания — 27-й

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

поль. Оборона Севастополя длилась 349 дней.

Это — старинная листовка. На гравюре дети-герои, защитники Севастополя в Крымской войне. Текст листовки такой: «Когда в 1854 году Севастополь осадили союзники, то с кораблей Черноморского флота спешно свозили орудия, снаряды, припасы, и матросы сделали пехотинцами. Дети работали наравне со взрослыми. Юнги Черноморского флота 11 месяцев юной грудью отстаивали родную твердыню. Наиболее отличились: Рипицин, Бобер, Фарасюк и Новиков...» Этих-то юнг и изобразил художник на гравюре.

1905 год. Красный флаг был поднят на крейсере «Очаков», который стоял в Севастопольской бухте. Командовал восставшими П. П. Шмидт.

В удобную бухту на Черном море вошли большие парусные корабли.

С кораблей на берег сошли моряки и солдаты и начали строить город. И назвали его Севастополь... Было

это 200 лет тому назад, в 1783 году.

1853 год. Началась Крымская война. Соединенные эскадры Турции, Англии и Франции осадили Севастополь.

1941 год. 30 октября начались бои с фашистами на дальних подступах к Севастополю. Фашисты хотели взять город с ходу. Вторая героическая оборона Севастополя продолжалась 250 дней...

Подвиг Ивана Голубца

Туже и туже сжималось вражеское кольцо вокруг Севастополя. Но город держался. И одной из главных его сил был Черноморский флот. Корабельные зенитчики отбивали атаки фашистских самолетов, корабли подвозили боеприпасы и увозили раненых...

В Стрелецкой бухте, прижимаясь к берегу, стояло несколько наших кораблей. Вдруг дальнобойный фашистский снаряд ударил в сторожевой катер. Катер невелик, но на борту его запас глубинных бомб! Борт о борт — стоят другие наши корабли...

Пожар заметил комсомолец Иван Голубец. Бросился по палубе к бомбам, нажал рычаги бомбосбрасывателей: бухта глубокая, пусть бомбы рванут на дне ее — все меньше будет потерь от взрывов...

Только бомбы — ни с места... Что такое? Должно быть от взрыва снаряда заело механизмы... Схватился Иван за бомбу руками. Приподнял — аж спина трещит... Но дотащил до борта. Плюхнулась бомба в воду... Иван за следующей. Пот слепит глаза. Пожар разгорается. Вторая бомба полетела в воду, третья, четвертая, пятая... Уже и счет потерял Иван. Рук не чувствует, ни о чем не думает, только о кораблях, которые рядом, которые надо спасти во что бы то ни стало... И спас. Почти все бомбы сбросил в воду, последняя рванула в руках...

Идут пионеры по берегу Стрелецкой бухты — и отдают салют памятнику. А на памятнике — в бронзе, навечно с бомбой в руках, — старший матрос, комсомолец Иван Голубец.

Это — герой-юнга обороны Севастополя в Великой Отечественной войне Боря Кулешин. В бою он был ранен, но не покинул боевой пост. Боря Кулешин был награжден орденом Красной Звезды.

Я ЛЮБЛЮ СВОЙ ГОРОД

Я люблю свой город. Дома в городе — из белого камня. А бухта — то голубая, то сиреневая... В нашем городе много памятников. Есть памятник брига «Меркурий», который сразился с двумя турецкими линейными многопушечными кораблями и победил их. Есть памятник затопленным кораблям, есть Нахимову и Корнилову. Еще я люблю ходить в наши музеи. В музей Черноморского флота и еще в музей-панораму Севастополя, посвященную Крымской войне. Ее нарисовали давно и в прошлую войну спасли военные моряки, но частично все-таки панорама сгорела от фашистских бомб. А сейчас все восстановлено так, как было.

*Вова Горчук,
5 класс,
Севастополь*

Этой медалью награждались защитники города-героя

ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ

Было это в Крымскую войну. Русский пароход-фрегат «Владимир» атаковал турецкий пароход «Перваз-Бахри» («Владыка морей»).

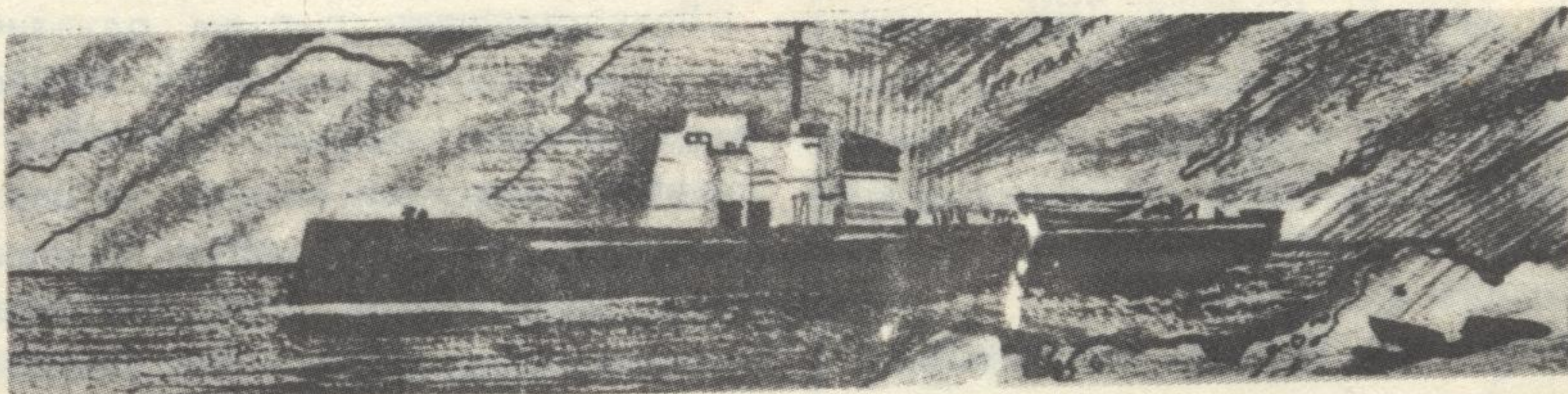
На турецком пароходе было больше пушек, чем на «Владимире», и неподалеку виднелась турецкая парусная эскадра. Но командир русского корабля капитан-лейтенант Бутаков не побоялся и напал на «Перваз-Бахри». Бутаков воспользовался тем, что у турецкого парохода все пушки были по бортам, а на «Владимире» были еще и носовые и кормовые пушки. Бутаков приказал маневрировать и не давать туркам возможности использовать бортовые пушки... А когда корабли все-таки поворачивались борт против борта, русские артиллеристы стреляли точнее... Они даже сбили флаг на турецком пароходе. Потеряв многих людей из команды, «Перваз-Бахри» сдался.

Это был первый в мировой истории бой паровых кораблей, и русские вышли победителями.

ПИОНЕРСКИЙ КОРАБЛЬ

Этот корабль — большой морской охотник — принадлежит пионерам, юным морякам Севастополя. Корабль настоящий. Ходит в настоящие морские походы. На корабле проходят практику и мальчишки, и девчонки. А потом многие из них на всю жизнь связывают себя с морем и кораблями...

МОИ ЛЮБИМЫЕ КРАСКИ — КРАСКИ ОСЕНИ

Начало смотри на стр. 36

— Вам приходится много ездить?

— А как же. За рисунками на Памир ездила — рисовала горных козлов, на Командорские острова — котиков. В Норильск — к обитателям тундры: песцам, полярным совам, пуночкам. В Аскании-Нова рисовала зубров. Возвращаешься — еле тянешь чемодан с эскизами.

Но не гнушаюсь посидеть и в зоопарке, хотя мне работать там тяжелее, звери какие-то неестественные, никак не поймешь у них легкой, обычной при охоте или при беге, позы.

— Вы рисовали зверей и «сухопутных» (в книжках Сладкова, Акимовской), и «морских» (Сахарнова). Каких рисовать труднее?

— «Сухопутных» рисовать легче. Во-первых, их я почти всех видела в лесу, в поле своими глазами. «Морского» попробуй увидеть! Надо надевать водолазный костюм, опускаться под воду... А потом, «сухопутные» приятнее к руке, они пушистые, теплые. Рисуешь, а рука с кисточкой словно это чувствует. Вот поэтому и насекомых я рисовать люблю не очень.

А кого именно вы особенно любите рисовать?

— Собак. Они мои друзья, вон и дома со мной Охта уже столько лет живет.

В комнату вошла большая белая лайка, хвост бубликом.

— Дай я тебя поглажу. Вон какая сильная, добрая лапа, а морда — умная, мы говорим, а она все понимает. Ну, разве можно такого зверя плохо нарисовать? Удивительный он, удивительный...

Полсотни книжек иллюстрировала Татьяна Порфирьевна. И во всех русский лес, звери, красные сосны, белоствольные березы, зеленое разнотравье — ее мир, который она полюбила однажды и навсегда.

М. ВЕРХОВСКАЯ

КЛАД ВИТАМИНОВ

Кто не знает крапивы? Русские врачи уже в XVII веке использовали ее для лечения ран.

Крапива разрастается всюду, где побывал человек.

Издревле на Руси известны лечебные свойства крапивы. Свежей крапивой лечили ревматизм. Соком из листьев — раны. Современная медицина применяет настой или экстракт из нее при кровотечениях и как витаминное средство.

Листья крапивы собирают, надев рукавицы, в июне — августе, в сухую погоду, без стеблей и цветов. Сушат на чердаке или просто в тени, на сквозняке, разостлав тонким слоем на чистой подстилке. Сушку заканчивают, когда центральные жилки и черешки легко ломаются.

ОДУВАНЧИК, РОМАШКА

Это также одни из самых распространенных трав в операции «Зеленая аптека».

Лекарственным сырьем одуванчика служат корни с листьями. Заготавливают корни осенью (сентябрь — октябрь) или рано весной, до цветения (конец апреля — первая половина мая). Собирать их летом не стоит, так как они дряблые и для лечебных

целей не годны. Выкапывают корни лопатами, отряхивают землю, обрезают ножом наземные части с корневой шейкой и тонкие боковые корни, затем моют в холодной воде. После провяливания в течение нескольких дней на открытом воздухе, сушат на чердаках или под навесами с хорошей вентиляцией, разложив тонким слоем (3—5 см) на бумаге или ткани.

У ромашек собирают цветочные корзинки (без стеблей, с остатками цветоножек не длиннее 3 см) в начале цветения (июнь) и в те часы, когда лепестки расположены горизонтально. Корзинки собирают вручную ощипыванием, иногда пользуются специальными ножницами с мешочками. Сушат на открытом воздухе, осторожно рассыпав тонким слоем (до 3-х см) на бумаге или ткани, периодически перемешивая.

СОВЕТЫ УЧАСТНИКАМ ОПЕРАЦИИ „ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА“

1. Если для приготовления лекарства используется целиком все растение — тогда собирают его в начале цветения. В это время в нем накапливается наибольшая целебная сила.

Листья собирают перед цветением. Плоды и семена — когда полностью созреют. Корни и корневища — поздней осенью, после того, как растение завянет. Или совсем ранней весной, еще до движения соков.

2. Как выкапывать корни? Лопату нужно вонзать в землю на расстоянии 10—12 см от корня, немного пошатать из стороны в сторону. И только тогда поднять ком с корнями. Промывают корни только холодной водой (горячая уносит многие питательные вещества).

3. Собирать траву, листья и цветы можно только в сухую погоду, лучше утром, когда спадет роса. Собранные в сырую погоду растения быстро чернеют и портятся.

4. Листья, траву и цветы нельзя сушить на солнце. Оно убивает в них целебные свойства.

5. Растениям тоже надо давать отдых и набираться сил. Поэтому не следует собирать травы из года в год на одних и тех же местах. Иначе запасы их могут истощиться.

6. Нужно твердо помнить, что во время работы нельзя прикасаться руками к глазам, лицу, принимать пищу. После сбора необходимо вымыть руки и лицо мылом.

Е. ИВАНОВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ВНИМАНИЕ!

За успешную работу по сдаче пионерами и школьниками норм ГТО и активное участие в конкурсе Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик» «На лучшую школьную команду по прыжкам в длину и высоту и команду юных спринтеров» Совет спортклуба награждает Почетными дипломами школу № 32 Омска и школу № 2 города Вихоревка Иркутской области.

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

Когда я приехал в лагерь, у меня появились новые друзья. И оказалось, что почти никто из них ничего не слышал о нашем клубе, хотя многие любят бегать и прыгать. Тогда я стал рассказывать ребятам о «Кузнечике», потом повел в библиотеку, где была подшив-ка «Костра».

На следующий день мы начали тренироваться. А через две недели на лагерной спар-

такиаде наш 5-й отряд занял первое место. Но лучше всех выступал Толя Малявин — он стал чемпионом в беге на 60 метров.

Сергея Свирин,
п/л «Адмиралтеец»,
поселок Сиверский
Ленинградской области

Если бы не ты, я бы, наверное, не занимался легкой атлетикой и не стал бы студентом тренерского факультета института физкультуры.

Благодаря помощи тренеров спортклуба мне удалось улучшить результаты в беге и прыжках в длину. В прошлом году стал чемпионом области, прыгнув на 660 сантиметров. И хотя я ни разу не попал в число участников главного финала «Кузнечика», я не огорчаюсь. Надеюсь, что это удастся моим подопечным — Саше Луневу и Вите Волощук — мальчишкам с нашей улицы.

Еще раз большое спасибо за все.

Сергей Булгаков,
Рыльск
Курской области

НАШИ ЧЕМПИОНЫ

Сергей Ковалев.

Ученик 8-а класса школы № 120 Волгограда.

Участник трех Всесоюзных финалов спортклуба.

Дважды чемпион «Кузнечика»: в 1981 году по прыжкам в дли-

ну (среди подростков) и в 1983 году по прыжкам в высоту (среди мальчиков младшего возраста).

— Сережа, твои товарищи говорят, что у тебя железные нервы и на соревнованиях ты никогда не волнуешься...

— Почему не волнуюсь? Это только равнодушные люди не волнуются. А в спорте равнодушных нет — каждому хочется показать все, на что он способен.

— Значит, волнение тебе не мешает показывать хорошие результаты?

— Не всегда. Помню, два года назад, когда я приехал в Ленинград на Второй финал, то прыгнул в высоту только на 135 сантиметров, хотя был готов на 150. Но ничего не мог с собой поделать, ноги были как ватные.

— А потом тебе удавалось побеждать на многих соревнованиях. Какая из этих побед для тебя самая памятная?

— Таких побед две. Самая первая, это когда я понял, что если хочу чего-то добиться, то обязательно должен делать по утрам зарядку. И с этого все началось. А вторая, когда на своих первых международных соревнованиях я занял первое место по прыжкам в высоту. Там я тоже здорово волновался. Но это было уже совсем другое волнение. Одно дело — выступать на районных, областных и даже всесоюзных соревнованиях, и совсем другое — на международных, когда защищаешь честь своей страны. Тогда я установил личный рекорд — 192 сантиметра.

— Ты уже был участником международных соревнований?

— Да, когда был в Монголии, в международном пионерском лагере. Это была спортивная смена. И в лагерь приехали юные спортсмены из многих стран мира. Со многими из них я теперь переписываюсь. А Стоян Гордев из Болгарии и Мариус Булок из Румынии стали моими друзьями. В лагере было очень интересно. Особенно запомнились экскурсии. Помню, когда мы пришли на Черепашью гору посмотреть на редкие экзотические деревья и цветы, там шла съемка фильма про индейцев. Фильм снимали режиссеры из Германской Демократической Республики и Югославии. Представляете? Мы все это видели своими глазами. Правда, я так и не знаю, как называется этот фильм. Названия у него еще не было. Но, когда он выйдет на экраны, я сразу узнаю эту Черепашью гору.

Н. МИХАЙЛОВА

А КОГДА ТРЕНИРОВАТЬСЯ?

В прошлом году по заданию Совета спортклуба я побывал в нескольких пионерских лагерях. И вот что удивило. Планируя проведение спортивных мероприятий, советы дружин почему-то забывают, что спортсмены должны не только соревноваться, но и тренироваться. А как проводить тренировки, если время на работу спортивных секций даже не предусмотрено?

Владимир РЕКШАН,
мастер спорта СССР

Веселый ЗВОНОК

РАССКАЗ

— Ну, прыгай, Сережка, прыгай! — кричал на весь бассейн плотный мужчина лет сорока. Он блаженно растянулся в воде, зацепившись обеими руками за дорожку. Над водой была видна только голова и время от времени всплывал круглым островком живот.

— Сережка! Ну, не трусь! Прыгай же, наконец!

А Сережка, маленький мальчуган в голубых, цвета незабудки, плавках, стоял на трехметровой вышке, беспомощно заложив руки за голову, периодически наклонялся вперед и снова возвращался в прежнее положение.

— Падай, ну, падай же теперь! — закричал папа, когда Сережа в очередной раз наклонился. — Войдешь в воду, как иголочка! Да ты не бойся, не бойся!

Мальчик повертел головой из стороны в сторону и сделал шаг назад.

— Сережа! — не своим голосом закричал отец. — Сереженька, вернись! Встань в позу! В позу встань, говорю! Главное — не бойся! Руки за голову, наклонись чуть вперед! А теперь падай! Падай, а позу сохраняй! И все! И ничего страшного! Остальное получится само собой!

Фигурка виновато попятилась к лестнице.

— Куда? — сердито закричал отец. — Неужели это так трудно? Ну, ладно, смотри, как надо... — Отец переплыл бассейн и, досадливо крикнув, вылез на бортик. Он поднялся на вышку, подошел к сыну и нравоучительно сказал:

— Вот, смотри, как это делается. Главное, прими положение и падай, падай вперед. А там — все само собой! Вот так...

И мужчина, тяжело вздохнув, подошел к краю помоста. Он принял наклонную позу и медленно стал креститься вперед...

Его тело плашмя, с невероятным шумом, плюнулось в воду, подняв целый фонтан брызг. Из воды долго вскипали пузыри, вода бурлила и пе-

нилась. Наконец папа тяжело вылез из бассейна, незаметно потирая ушибленный живот.

— Ну, вот... примерно так. Сережка, ты где?

Сережа лежал на помосте. Держась за живот, он хохотал во все горло. Потом встал, вытер кулаками слезы и неожиданно прыгнул в воду. Его стройная фигурка бесшумно пронзила гладкую поверхность бассейна и через несколько секунд вынырнула у бортика.

— Ну ты и артист!.. — укоризненно сказал папа, когда они выходили из раздевалки. — Откуда я мог знать, что ты меня разыгрываешь? Да и зачем?

— Мне просто хотелось посмотреть, как ты прыгаешь, — засмеялся Сережа. — А я еще в прошлом году в пионерлагере научился!..

Кирилл Коктыш,

Минск,

участник юнкорской смены в Артеке

Техника-мужское ДЕЛО

Маме я сказал:

— Не буду

Убирать и мыть посуду,

Потому что надоело!

Это — не мужское дело!

Мама мне тогда сказала:

— В доме техники немало.

Если ты у нас мужчина,

И до техники дорос —

Вот — стиральная машина,

Полотер и пылесос!

Техника — мужское дело,

Приступай к работе смело!

Говорит сестренка Любка:

— Есть у нас и мясорубка,

Кофемолка и сбивалка...

Тут себя мне стало жалко.

Я решил, что лучше буду

Убирать и мыть посуду!..

Ирина ПЛАКСИНА

Конкурс и все "засмеялись"

Злополучная тарелка

В пионерлагере прозвучал сигнал: «На завтрак!». Первым в столовую влетел Саша Зайцев. Пробегая, он случайно столкнул локтем со стола тарелку с гречневой кашей.

Подбежали дежурные.

— Как, как ты это сделал? — наперебой закричали они.

— Да вот так... — хотел показать Саша и нечаянно столкнул еще одну тарелку, правда пустую.

И все засмеялись.

*Алеша Грановский,
6 класс,
Москва*

Неожиданный вопрос

Однажды в пионерском лагере мы собирались идти в поход. Старший педагог сказал:

— Предупреждаю, в походе соблюдать строжайшую дисциплину. Когда подойдем к речке, чтобы никто не лез в воду! Есть вопросы?

— А купаться можно? — спросил кто-то.

И все засмеялись.

*Лариса Демиденко,
6 класс,
Соколовское,
Краснодарский край*

Слугай на зарядке

Солнечным утром все отряды выстроились для утренней зарядки.

Физорг Дима вышел вперед.

— Первое упражнение! — громко объявил Дима. — Исходное положение: руки на ширине плеч, а ноги — на поясе!

И все засмеялись.

*Катя Степанова,
4 класс,
Нижевартовск*

В последний раз

Наш третий отряд выстроился на отрядную линейку. Вожатый, увидев подбегающего к отряду Толю Синичкина, иронически сказал:

— Удивительно, Синичкин! Ты впервые не опоздал на линейку! Как это тебе удалось?

Толя сконфуженно ответил:

— Больше этого не будет, это в последний раз.

И все засмеялись.

*Алексей Харланов,
5 класс,
Ленинград*

На экскурсии

Как-то наш вожатый повел нас на экскурсию в соседний с лагерем колхоз. Мы побывали на животноводческой ферме. Миша Рыбин впервые увидел так близко коров. Он некоторое время внимательно наблюдал, как они жуют, а потом спросил:

— Неужели каждой корове отдельную жвачку покупают?

И все засмеялись.

*Наталья Шешукова,
поселок Луговой,
Тюменская область*

Смешные диалоги

— Кто назовет книгу о великих путешественниках?

— Сказка «Лягушка-путешественница»!

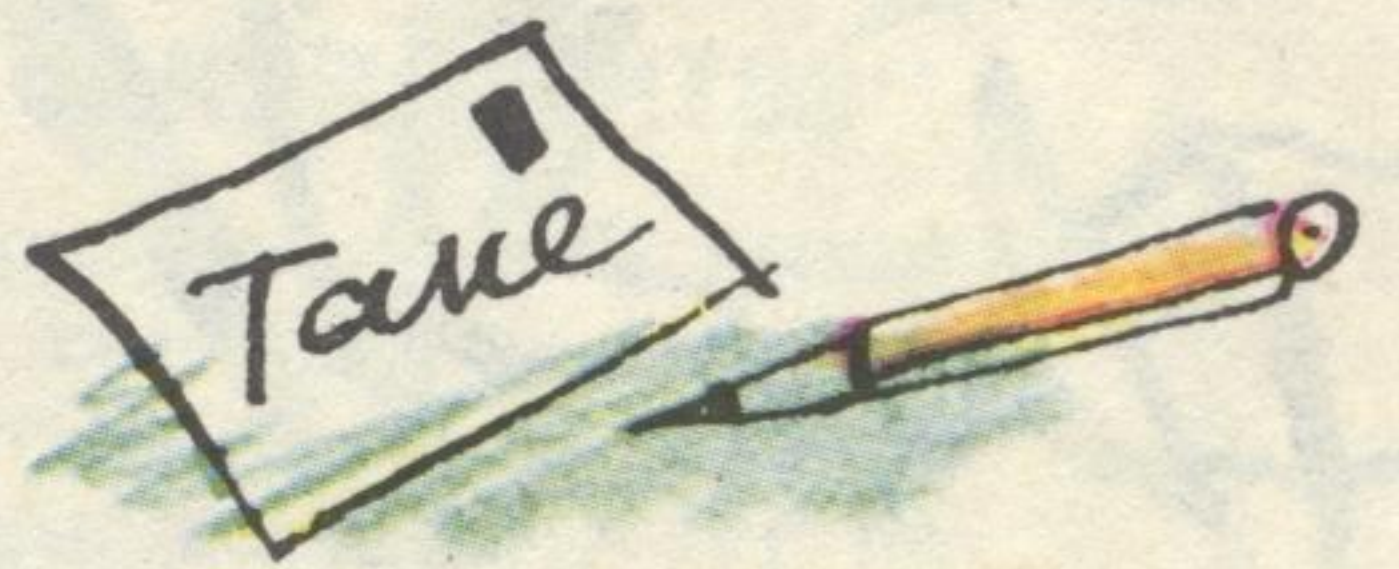

— Кому ты письмо пишешь?

В пионерлагерь, подруге Тане.

— А почему на конверте фамилию не написала?

— А мы друг дружку по именам называем!

— Зачем, к нам приходила тетя Маша?

— Так просто, посидеть.

— А что, у них своих стульев нету?

— Я прочитал два рассказа Гайдара.

— Какие?

— «Чук» и «Гек».

ДИАЛОГИ ЗАПИСАЛИ:

Наталья Писарцова
(пос. Степное, Саратовская обл.),
Таня Лебедева (г. Истра),
О. Чеботарев (Волгоградская обл.),
Сергея Субботин (г. Южно-Уральск)

ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!
Даю вам на время каникул задание: запомните веселые слухи! Пишите рассказы! Самые лучшие будут (как вы уже догадались) напечатаны в конкурсе «И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ!» Желаю всем юмористам успеха. Жду ваших писем.
УЧИТЕЛЬ СМЕХА

Михаил СУВОРОВ

СОСНА

Я — сосна,
я, как струна,
Звонкая, прямая.
Отовсюду всем видна
Вечно золотая.
Я за кромкою Земли
В море, пене белой,
Побываю в той дали
Мачтой корабельной?
Нет, захочется домой,
Чтобы жить с друзьями.
Хорошо к земле родной
Прирастать корнями.

Н. ИЩУК

ГОРЫ В ПУСТЫНЕ

Кто встречался
В пустыне — с горою?
Не спеши говорить:
Гор там нет!
Караваны верблюдов
Порою
Превращаются
В горный хребет.
Эти горы,
Готовясь ко сну,
На горбах покачали луну
И грядую послушной легли...
Отдохнули —
И дальше пошли!

Николай ЕГОРОВ

ЛЕСНЫЕ ТРЕЛИ

В лес вошел я,
Сел под елью.
Загремел
транзистор
трелью.
Всполошились птицы вдруг
Угрожающе вокруг.
Наседают остроклювы.
Не отбиться от пичуг.
Что мне делать —
Я смекнул:
Рот транзистору заткнул.
И легко вздохнули ели,
Стало тише возле пня,
И совсем другие трели
Зазвучали для меня.

ЧЕМПИОНАТ-83

Доблестные разведчики! Вас ждет новое боевое задание!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кра4, Лб6, Сс2; черные: Кра2, п.а3.

Б. Белые: Крh5, Лd1, Ле1; черные: Крh7, Лd8, Лg8.

Цель разведки: установить, могут ли белые в А объявить мат в 4 хода, а в Б — одержать победу.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: Д. f6, пр. b2, e7, g5; черные: пр. b4, b6, f2, h4.

Б. Белые: Д. f2, f8, пр. h6; черные: Д. h8, пр. a7, g7.

Цель разведки: определить, есть ли у белых в этих позициях (Д. Калинин, Ленинград) пути к победе.

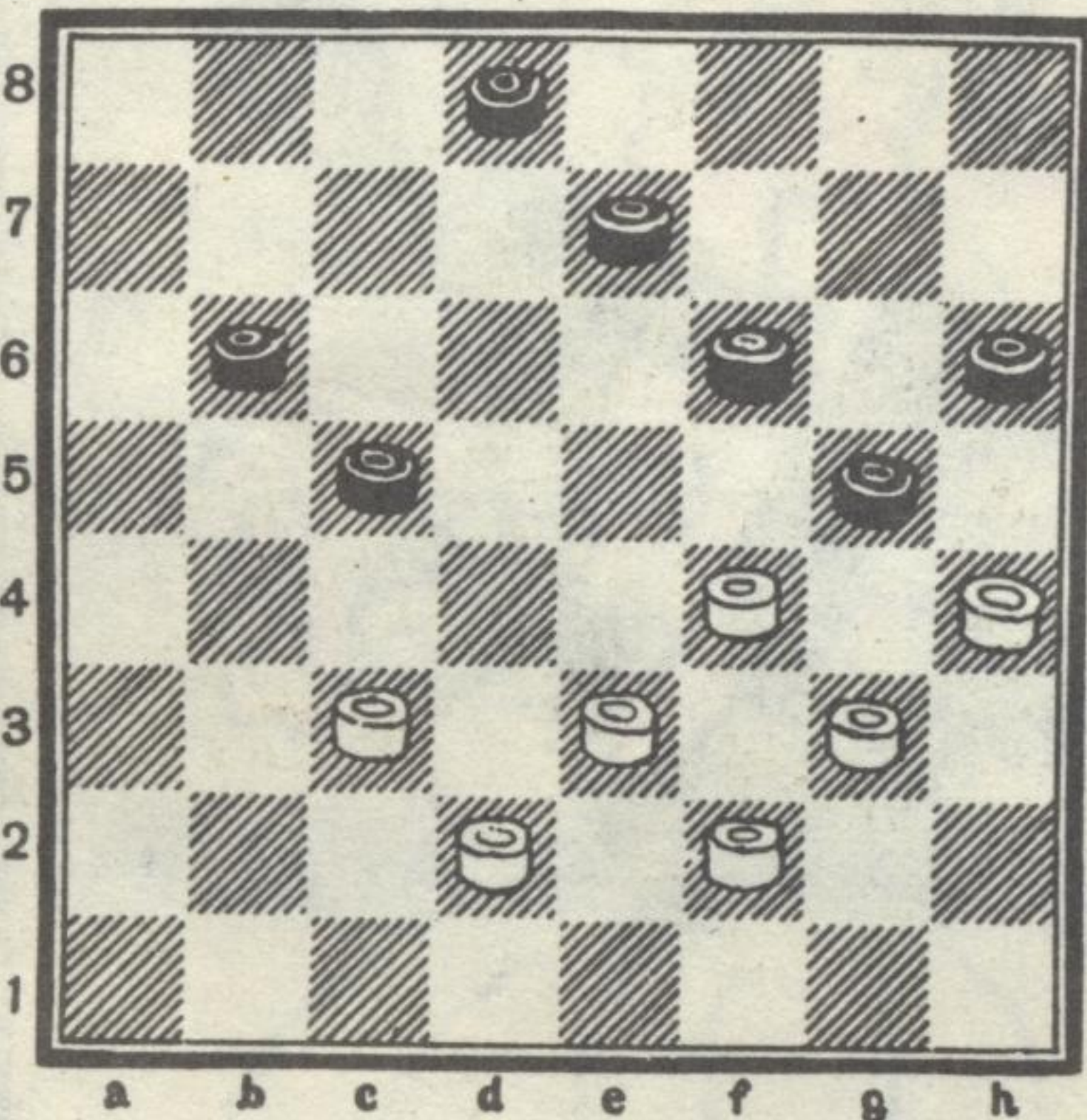
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 19, 24, 29, 31, 34, 39, 42; черные: 9, 15, 16, 22, 25, 26, 32.

Б. Белые: 25, 31, 35, 41, 42, 43, 44; черные: 8, 11, 15, 16, 18, 19, 40.

Цель разведки: и в А и в Б (автор концовок В. Степанов, Абаза), командуя белыми, штурмом заставить противника сдаться.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда была доставлена шифровка с двумя шашечными позициями — одна на диаграмме, а другая вот — белые: a3, b4, c3, e3, f4, h6; черные: a5, d6, e5, f8, g7, h4.

Расшифровать фамилию автора удалось: Сергей Кургуз из Минска. А как белыми выиграть, еще предстоит выяснить. Кто за это возьмется?

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Фигуры стояли так — белые: Крд6, Лd1, пп. b4, f4; черные: Крд8.

— Во сколько ходов белые смогут дать мат? — спросил Ферзьбери проходивших мимо Полузная и Незная.

— Если подумаю хорошенько, то в четыре или в пять дам, — сказал Полузная.

— Ничего себе — в четыре или в пять! — вскрикнул Незная. Вот я, если захочу, дам в один, ну, в крайнем случае, в два.

Так как Знай отсутствовал, то за него ответь ты.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер» № 12, 1982 г.) верны решения —

ШХМ. А. Знай сказал о ничьей. И доказал так: 1. Сb2 Крf7 2. С:f6 Кре6! 3. a5 Крд7 4. a6 Крс7! (но не Крс6? и не Крс8?). Б. Знай сказал о мате в три хода. И показал так: 1. Фg3! и теперь: если Краб (или Са4, или Сb3), то 2. Ф:c7; если Кра4, то 2. Фc3; если Сс2 (или Cf3), то 2. Фg8!

РШ. А. Выигрыш: 1. e5! 2. c3X. Б. Выигрыш: 1. fg7! c1 2. b2!X.

МШ. А. Победа: 1. 48! 31 2. 43! 32—37 3. 48!X. Б. Лишь ничья, так как, если 1. 5, то 36 2. 46 (или 2. 10 42!) 31! 3. 23 37! =.

Кто же награждается? ШХМ — Сережа Изаков (п. Ирба), А. Мешков (Запорожье), Лена Загоруйко (ст. Егорлыкская).

РШ — Тимур Хусаинов (Орск), Оксана Верстюк (с. Берново), Сережа Климов (с. Хмелевое). **МШ** — Лена Денисенко (Харьков), Лада Митрофанова (Курган), П. Гимельберг (Новосибирск).

Отличные донесения прислали также разведчики: М. Лукошкин (Челябинск), Инна Брандина (Минск), Женя Микаков (д. Чодраял), Улвия Бабаева (Шуша), Гена Киселев (Воркута), Гена Сердюков (Пятигорск), Саша Чуприна (с. Жорнице), Ира Устинова (Зарофшан), Ира Лень (ст. Илеза), Алексей Ким (Каражал), Ваня Дурягин (д. Исады), Андрей Зеленский (г. Куйбышев) и многие другие.

КОНКУРС „Я — КОМПОЗИТОР“

Доблестные разведчики! Испытайте свои силы в составлении шахматных задач! Вступайте в борьбу за призы и дипломы, которые ждут победителей!

Кто допускается? Все арчебековцы (и этого и прошлых лет).

Какие задачи? На мат в 2 хода; неопубликованные.

Как присылать? На листке размером 14×21 см. Задачу нужно изобразить на диаграмме и повторить в нотации. Ниже написать полное решение, а также фамилию, имя, возраст, адрес. Каждую задачу — в двух экземплярах. Участник может прислать не больше пяти задач. Срок — до 1 января.

Два совета. 1. Первый ход решения не должен быть грубым (шах, взятие, лишение черного короля доступных ему в начальной позиции полей). 2. На доске не должно быть фигур и пешек, не участвующих в решении.

Судить соревнование будет судья всесоюзной категории **Юрий Георгиевич Фокин.**

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Сс6! Крд4 2. Крд2 и теперь: если Кр:c5, то 3. Фb5+, а если Кр:e5, то 3. Фf7! Б. 1. Ле4! Крh4 2. Кр:g2 Крг5 3. Ле6.

РШ. А. 1. h4! 2. f2! 3. g7 4. g3! 5. f8X. Б. 1. b4! 2. d2 3. h4 4. b8 c3 5. g5 6. e5X.

МШ. А. 1. 37—32! 2. 41! 3. 27!X. Б. 1. 43! 2. 10! 3. 27!X.

Резерву. 1. Лd8+!

Кто? Кто? Кто? Расставь, например, шашки так — белые: Д. a5, d8, пр. c3; черные: Д. c5, пр. f2. После ходов 1... e1 2. db6 e:b4 возникает забавная позиция, изображенная на диаграмме.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отослать рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

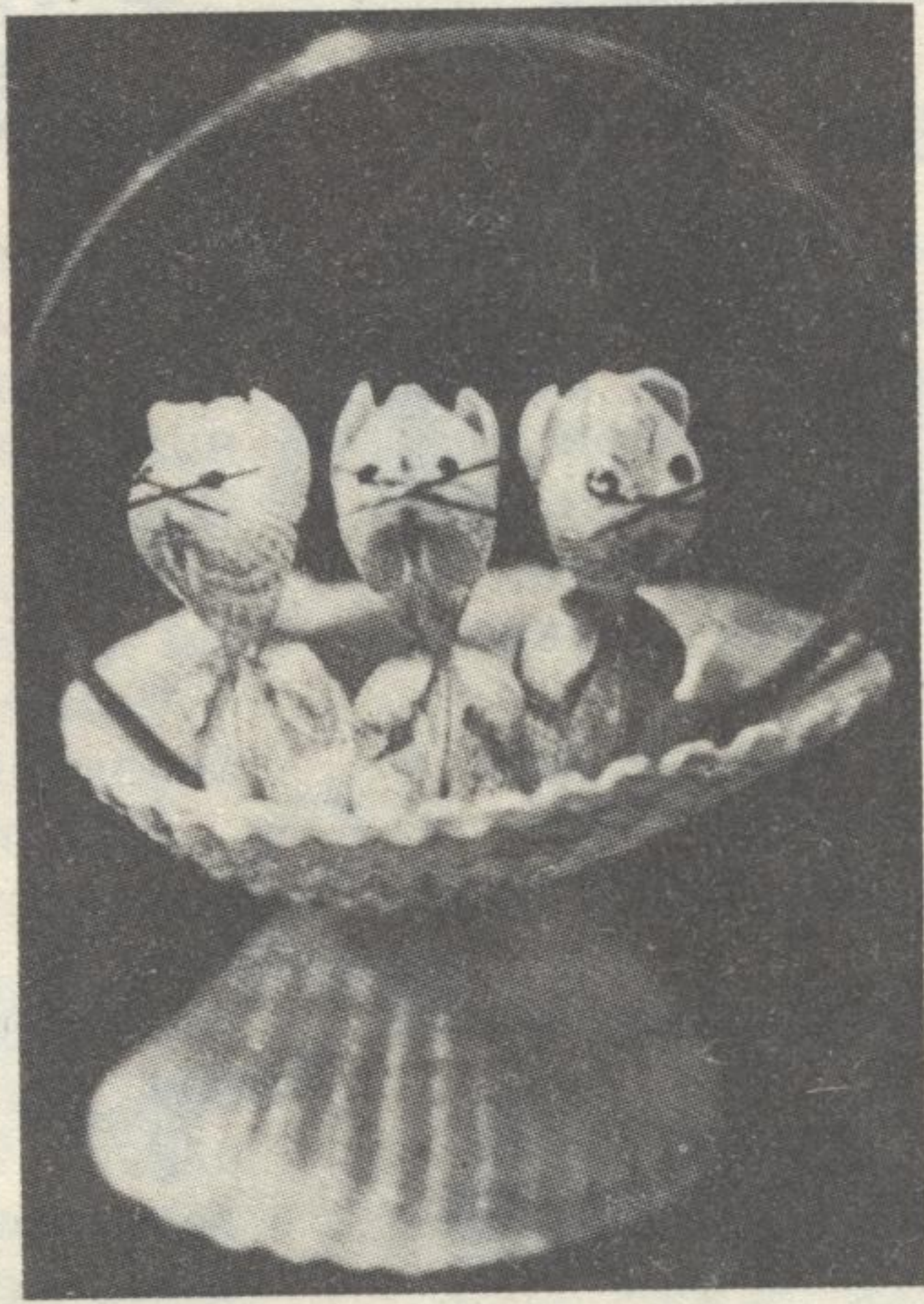

СОВЕТЫ МАШИ ИСКУСНИЦЫ

Рисунки Т. Петуховой

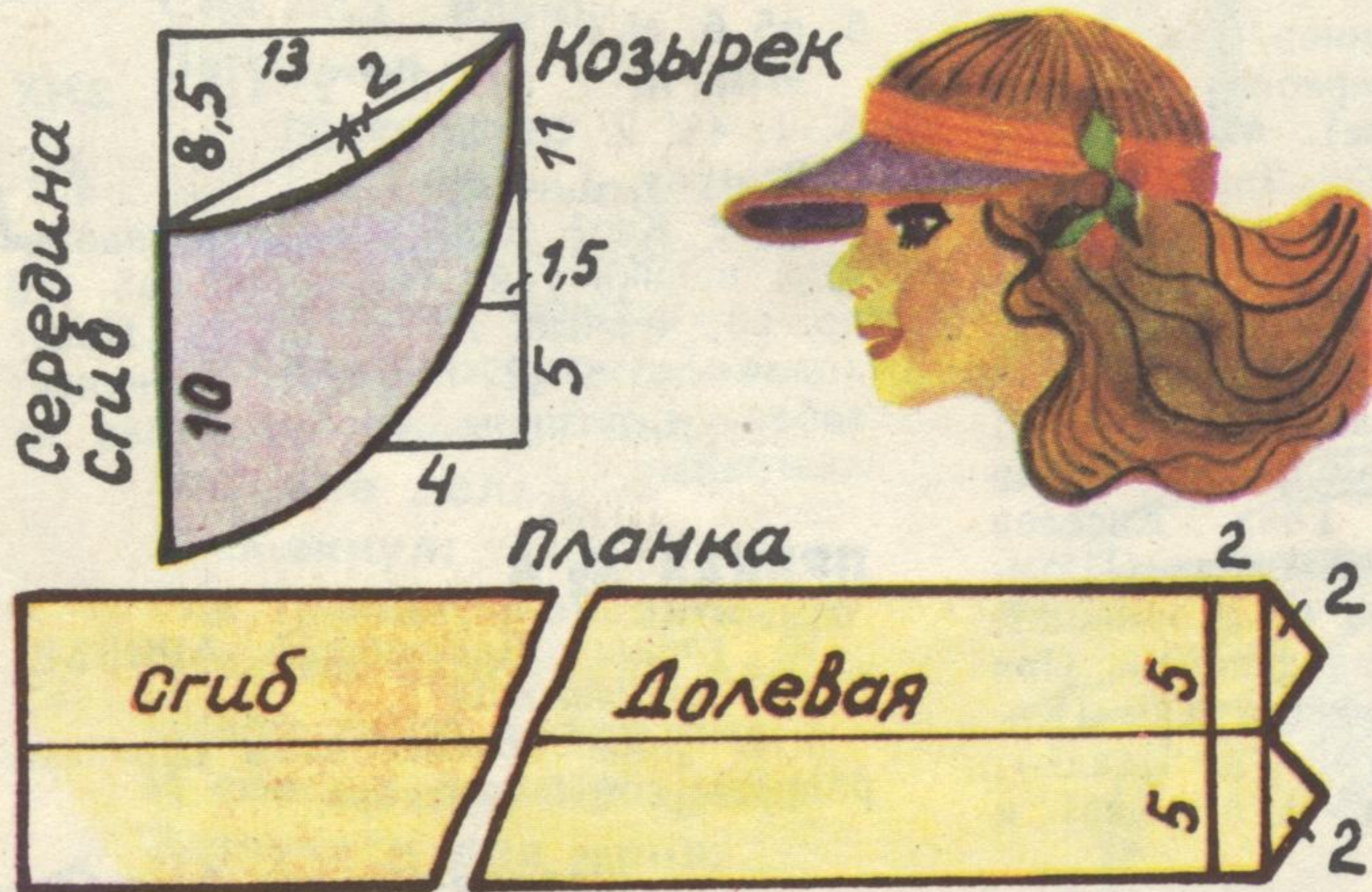
МАРИНА ЭКЕЛОВА учится в 111-й ленинградской школе. Но познакомилась я с ней в Ялте, на летних каникулах. Мне очень понравились забавные фигурки, которые Марина делает из ракушек. Среди них лягушки, зайцы, медведи, павлин, пингвин и Змей Горыныч с тремя головами. Есть у Марины хоровод зверей, хор котят, щенков, бельчат с дирижером, черепаха с тележ-

кой, в которую забрался заяц и карабкаются два щенка. Котята и два задумчивых чертика, которых вы видите на фотографии, меньше спичечного коробка. Работа «ювелирная». Но Марина говорит: «Не бойся взять их в руки, они только на вид хрупкие. Я склеиваю их клеем «Момент», раскрашиваю акварелью и покрываю лаком».

КУЛЕШ НА КОСТРЕ. Положите в котелок 3—4 нарезанные луковицы, маленькие кусочки сала (100—150 г) и поджарьте, влейте воды и доведите до кипения. В кипящую воду положите 2—3 стакана хорошо промытого пшена, 8—10 нарезанных крупных картофелин, посолите и сварите. Помешивайте в котелке, чтобы не пригорело. Кулеш постепенно делается очень густым. Хорошо приправьте его лавровым листом и укропом. Кулеш будет вкуснее, если после варки немного постоит. Нет человека, который бы привередничал над тарелкой настоящего полевого кулеша, вкусно пахнущего дымком.

По просьбе Нины Роевой из Силламяэ, Люды и Ани Головки из Кара-Балты, Светы Сушковой из Куйбышева даю выкройку **КОЗЫРЬКА ОТ СОЛНЦА.** Козырек с плотной прокладкой отстрочен частой строчкой. Можно его выкроить и из старой соломенной шляпы. Планка-околыш, к которой пришивается козырек, застегивается сзади на крючки или пуговицы, а длина его равняется окружности головы.

Ю. Беломлинской

Рисунки
Ю. Беломлинской

В **ОДНОМ** европейском справочнике „Знаменитые люди“, изданном в начале века, читаем: „Ломоносов Михаил — великий русский ученый, не путать с Ломоносовым Михаилом — великим русским поэтом“.

ОДИН фабрикант галантереи послал писателю Хемингуэю галстук с запиской: „Наши изделия пользуются известностью. Надеюсь, что вы пришлете за этот галстук 2 доллара“. На что получил ответ: „Мои книги тоже пользуются известностью. Посылаю свою книгу, она стоит 2 доллара 80 центов. За вами 80 центов“.

ПРЕЗИДЕНТ США Теодор Рузвельт был очень самолюбив и в любой компании всегда хотел быть в центре внимания.

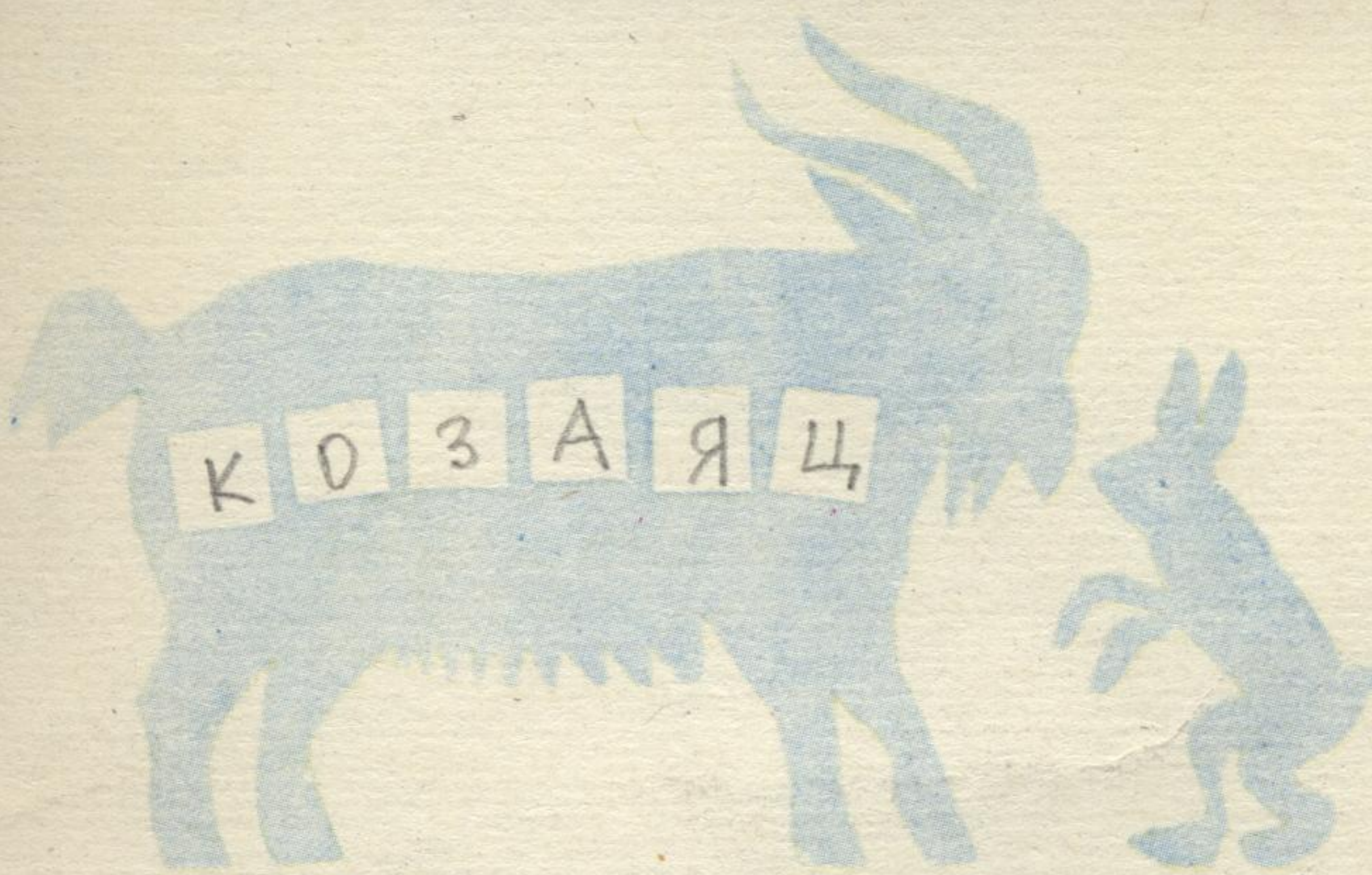
— Отец не любит ходить на свадьбы и на похороны, — сказал как-то его сын, — так как не может быть там ни невестой, ни покойником.

— В предыдущий раз мы узнали, что такое кроссворд, — сказал кот Ангенс. — А есть еще более сложные головоломки?

— Есть, — ответил Чайнвордыч. — Это — кроссчайнворды. В них цепочка слов пересекает сама себя в нескольких местах.

Чайнвордыч составил для членов клуба «За семью печатями» кроссчайнворд. Решите его!

1. ТУ-134.
2. Гимнастический снаряд.
3. Инструмент для ручного сверления.
4. Знак препинания.
5. Столица Армянской ССР.
6. Ре.
7. Поэт-импровизатор и певец у казахов и киргизов.
8. Древнеримский император.
9. Противительный союз.
10. Мальчик-подросток.
11. Напиток.
12. Главная часть дерева.
13. Станок, на котором закрепляется ствол орудия.
14. Русская народная сказка.
15. Дерево.
16. Повесть Н. В. Гоголя.

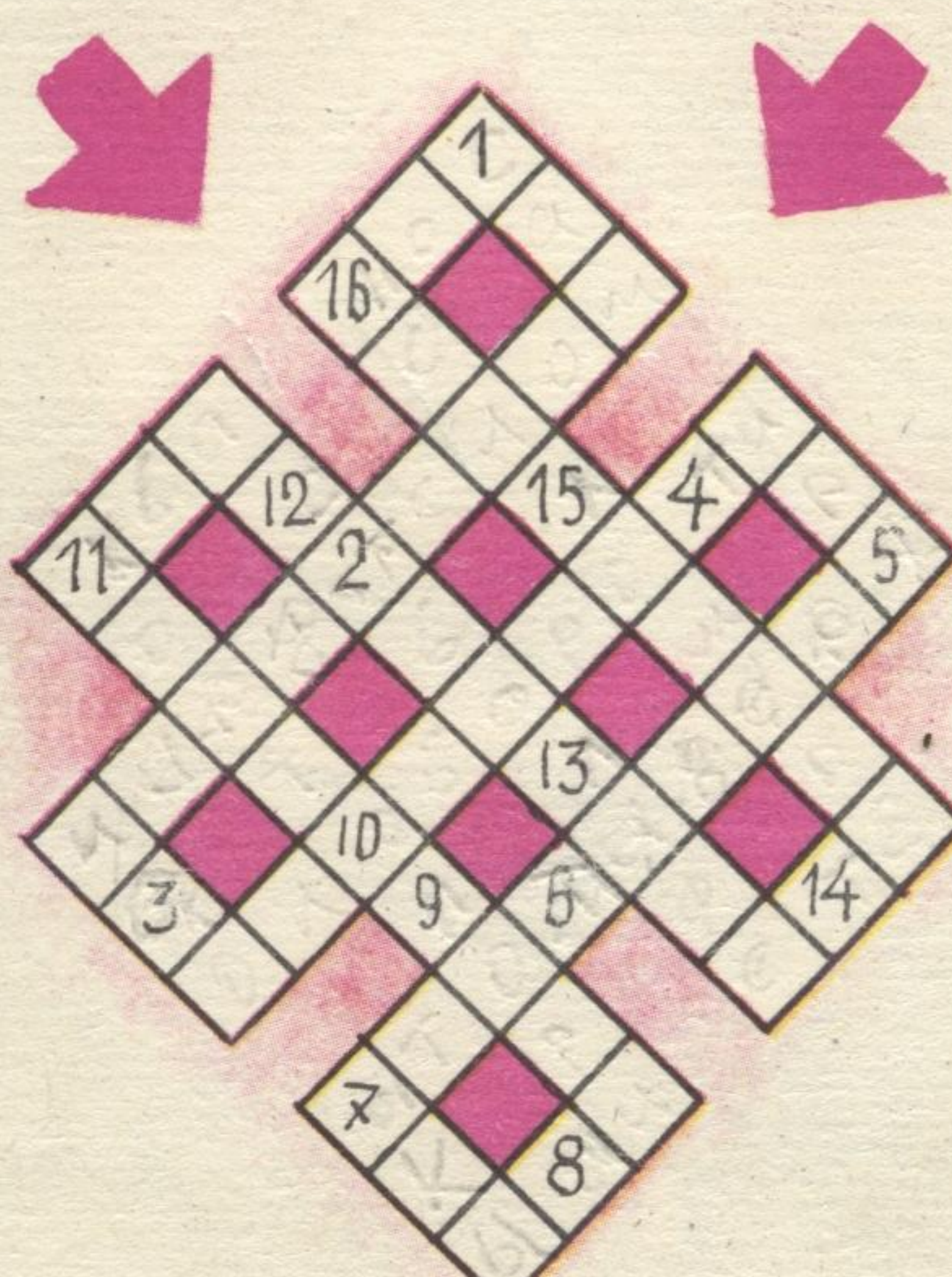
— Я придумал необычный чайнворд! — воскликнул Дваждыдва. И показал членам клуба «За семью печатями» рисунок. — Спрячьте в этих шести клетках слова «коза» и «заяц».

— О, это довольно просто, — заметил Разгадайка. Но существуют более сложные двойные чайнворды, где смежные слова связаны не одной буквой, а двумя. Например: руКАравелЛАрец...

И Разгадайка показал друзьям зоологический двойной чайнворд. 1. Хищник из семейства кошачьих. 2. Серый медведь. 3. Хищное млекопитающее семейства псовых. 4. Птица. 5. Земноводное. 6. Деревенская ласточка. 7. Морская рыба с несимметричным строением головы. 8. Насекомоядная перелетная птица. 9. Вепрь. 10. Парнокопытное животное семейства полорогих. 11. Птица из семейства фазановых с пышным, нарядным оперением. 12. Домашняя птица. 13. Крокодил. 14. Удав.

Попробуйте расшифровать чайнворд.

1	И	2	1			3	2
	8	7					С
	12	11	Ц	Е	Й	9	Ж
	Л	К	О	Н	13	8	4
6	В	А	14	Д	12	Б	3
7	12	13	14	М	И	10	Т
	11	О	Л	И	Т	9	5
		5	6	Ш	У	Г	4

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5

КРОССВОРД. По горизонтали: 8. Кутузов. 9. Пирогов. 10. Гидроплан. 13. Плов. 16. Клиника. 17. Лада. 19. Квас. 20. Зонт. 22. Капри. 25. Астра. 27. Такса. 29. Точка. 32. Нота. 34. Трал. 36. Банк. 38. Феномен. 40. Стул. 43. Красильня. 46. Тартини. 47. Бородин.

По вертикали: 1. Леггорн. 2. Скаल्प. 3. Стекло. 4. Гори. 5. Лира. 6. Игарка. 7. Кварт. 11. Доллар. 12. Лакмус. 14. Лев. 15. Воск. 17. Лиза. 18. Дон. 19. Кордон. 21. Тантал. 23. Паук. 24. Игра. 25. Агат. 26. Ткач. 27. Танк. 28. Сирена. 30. Отмель. 31. Атос. 33. Ода. 35. Азу. 36. Болото. 37. Негоро. 39. Орисабо. 41. Тирада. 42. Лавина. 44. Рант. 45. Неон.

КРУГЛЫЙ КРОССВОРД. По часовой стрелке: 1. Ноль. 2. Пыль. 3. Мель. 4. Цирк. 5. Кола. 6. Кора. 7. Пена. 8. Муза. 9. Лира. 10. Вера. 11. Горе. 12. Поло.

Против часовой стрелки: 1. Нора. 2. Поле. 3. Мыло. 4. Цель. 5. Киль. 6. Корь. 7. Полк. 8. Мера. 9. Луна. 10. Виза. 11. Гера. 12. Пора.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

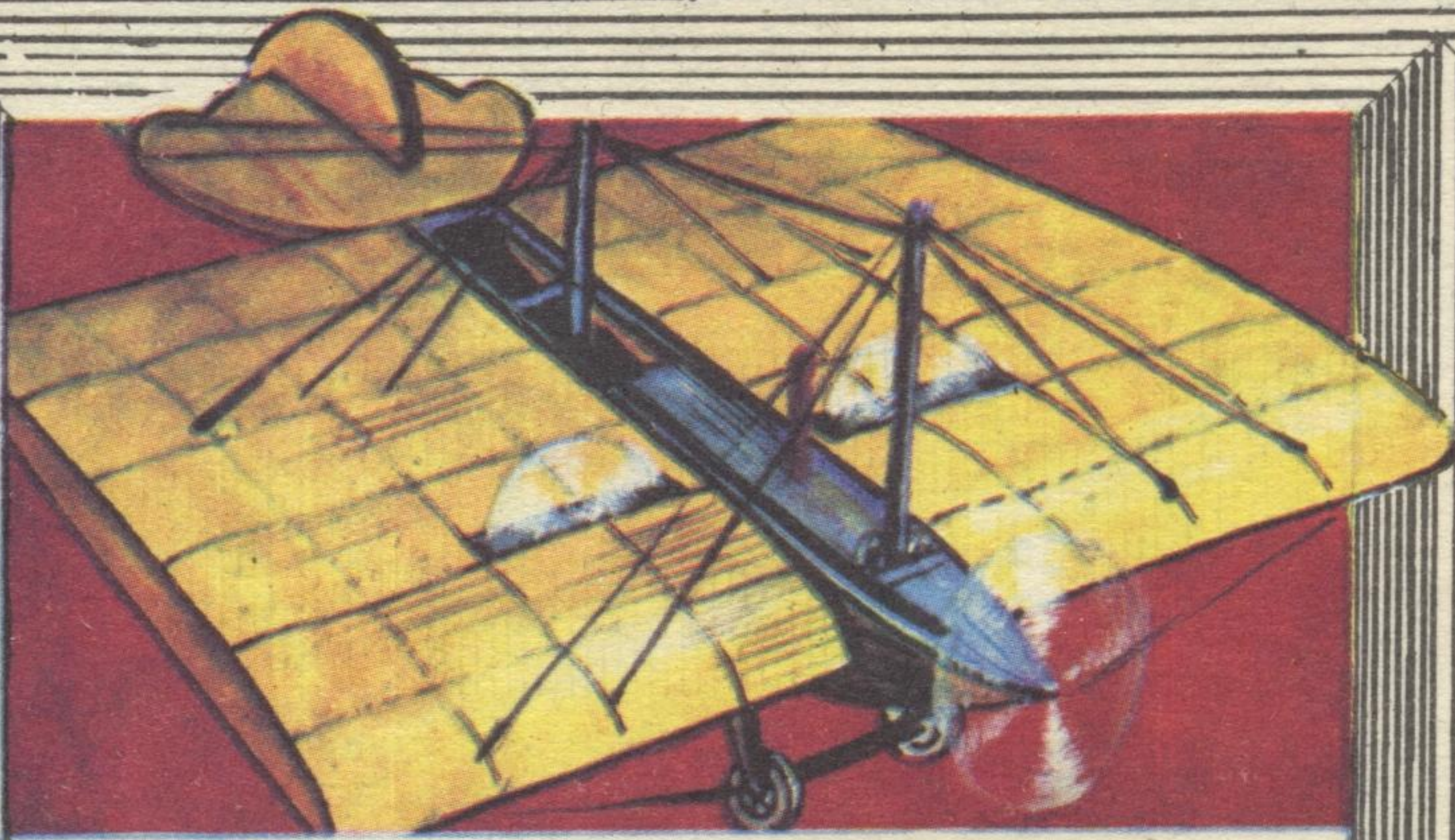
Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

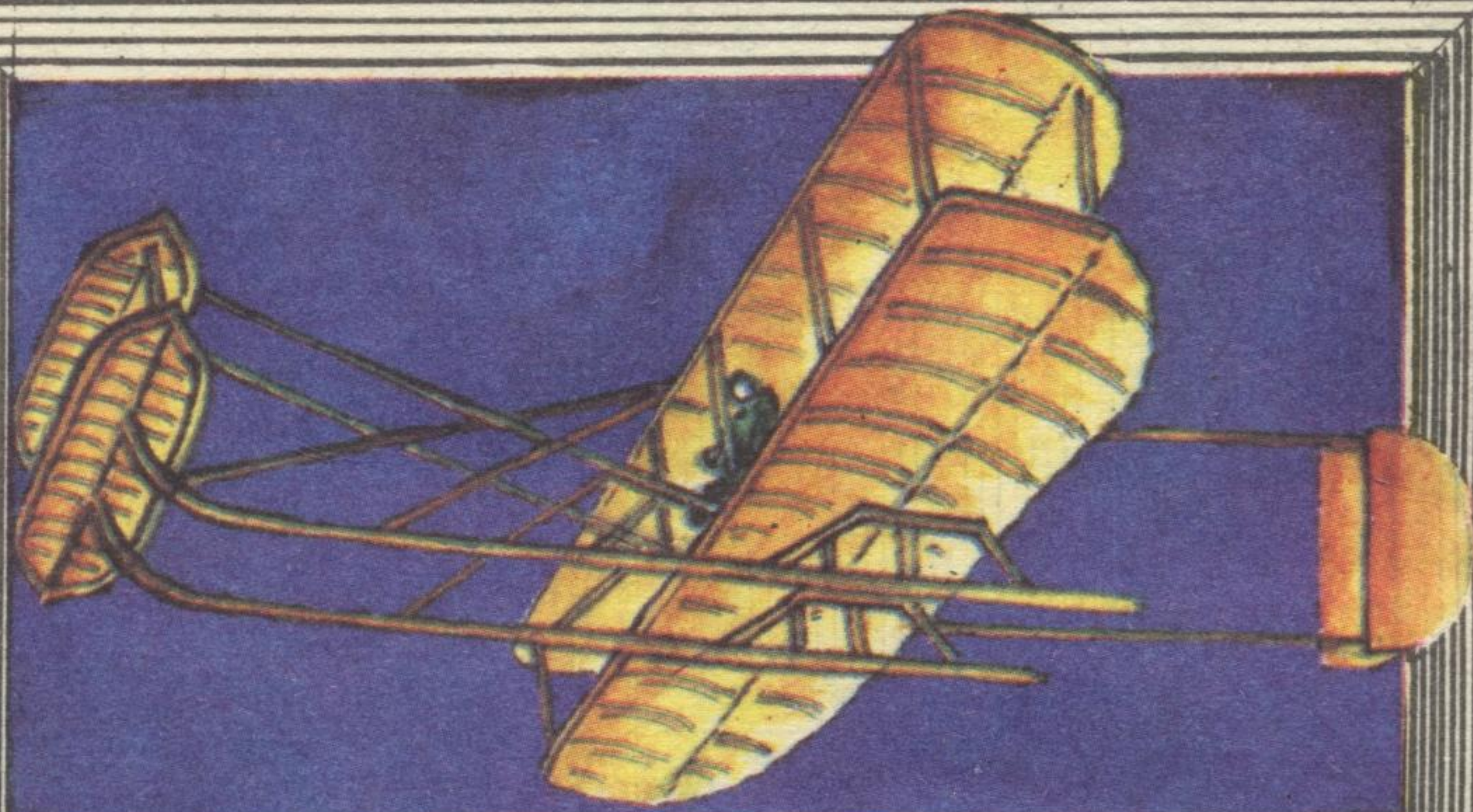
М-34172. Сдано в набор 04.03.83. Подписано к печати 25.05.83. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 791 000 экз. Заказ 366. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

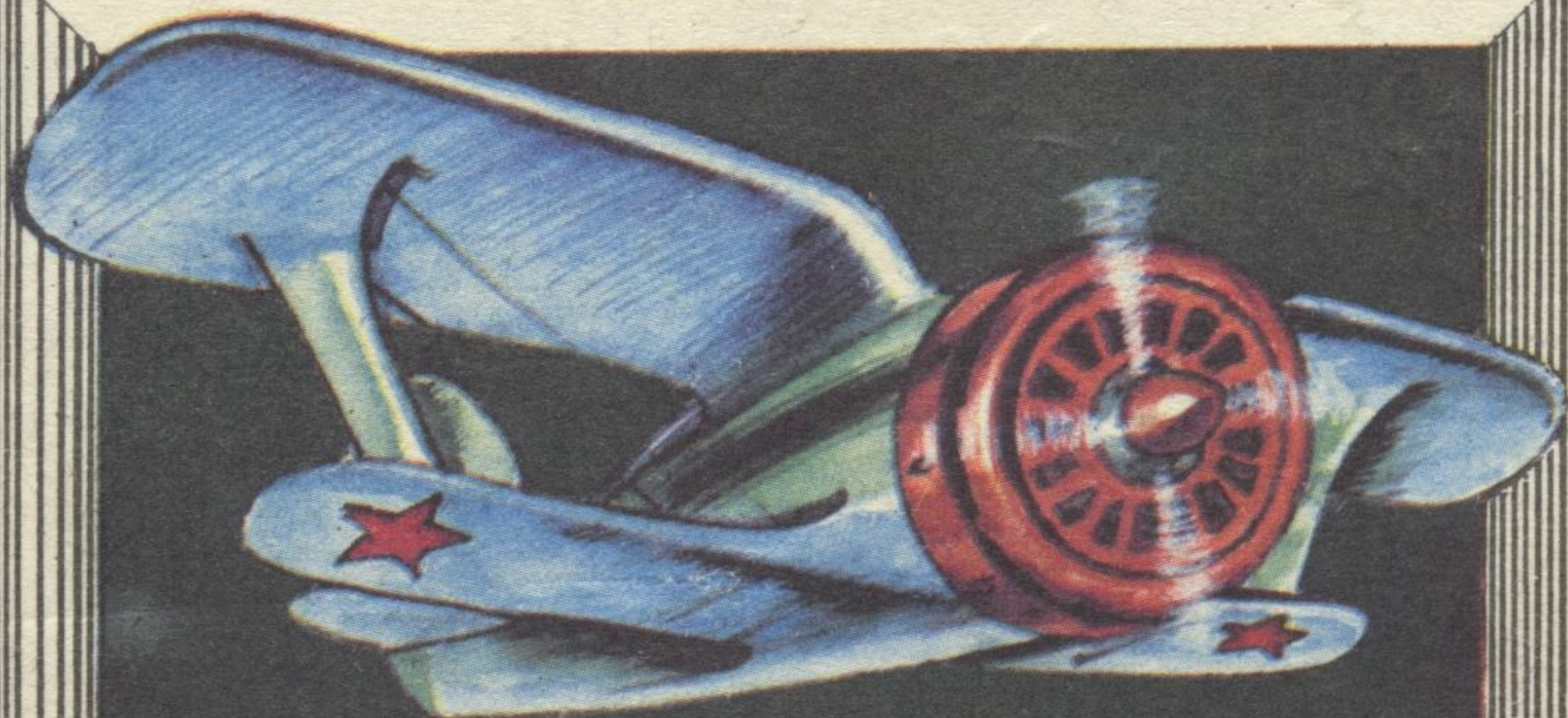

Аппарат, построенный в 1885 году
русским изобретателем
По числу крыльев он был

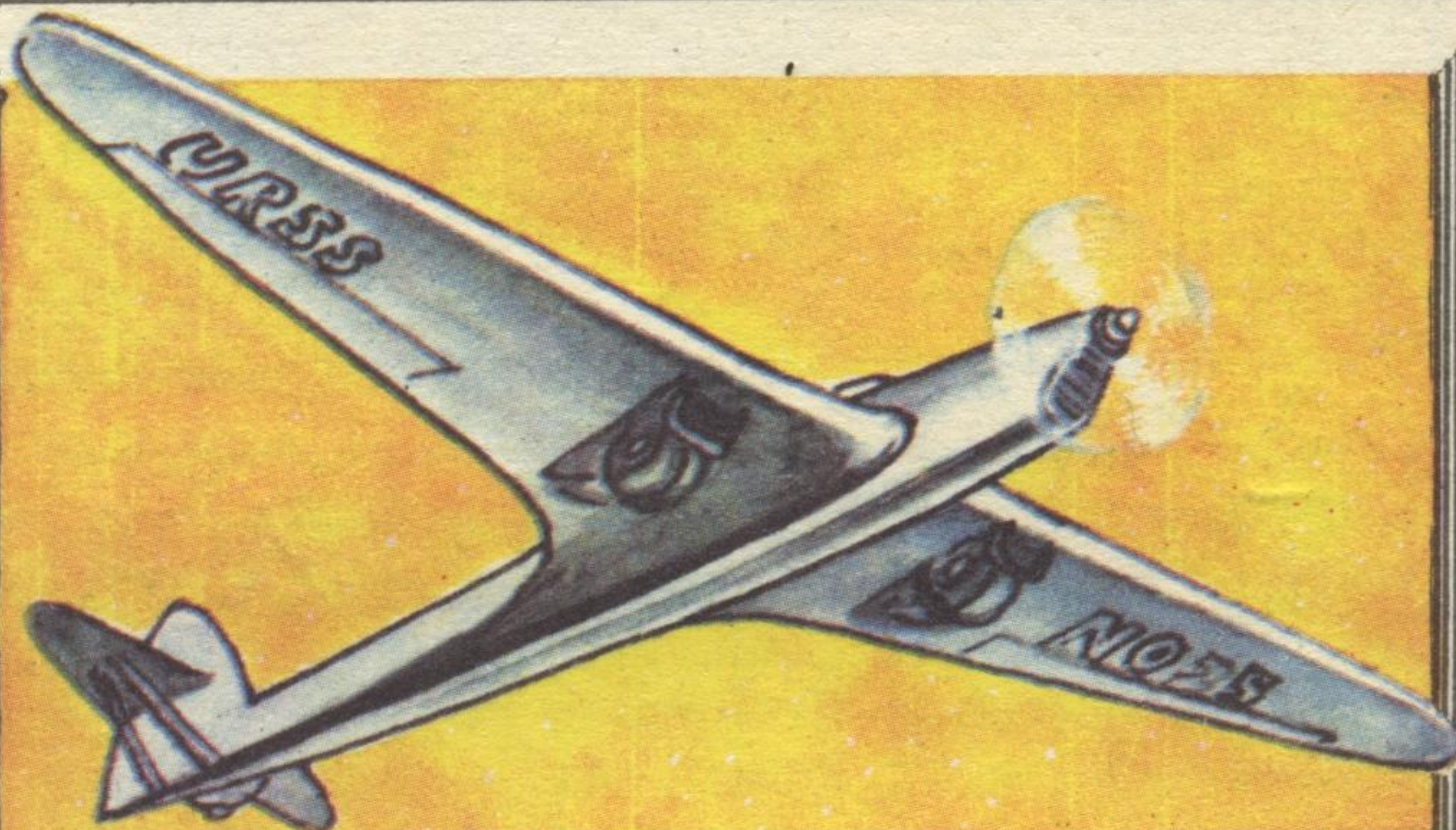
16-81

В 1903 году регулярные полеты
совершили на своем аэроплане
братья **РАЙТ**
Руль высоты они расположили

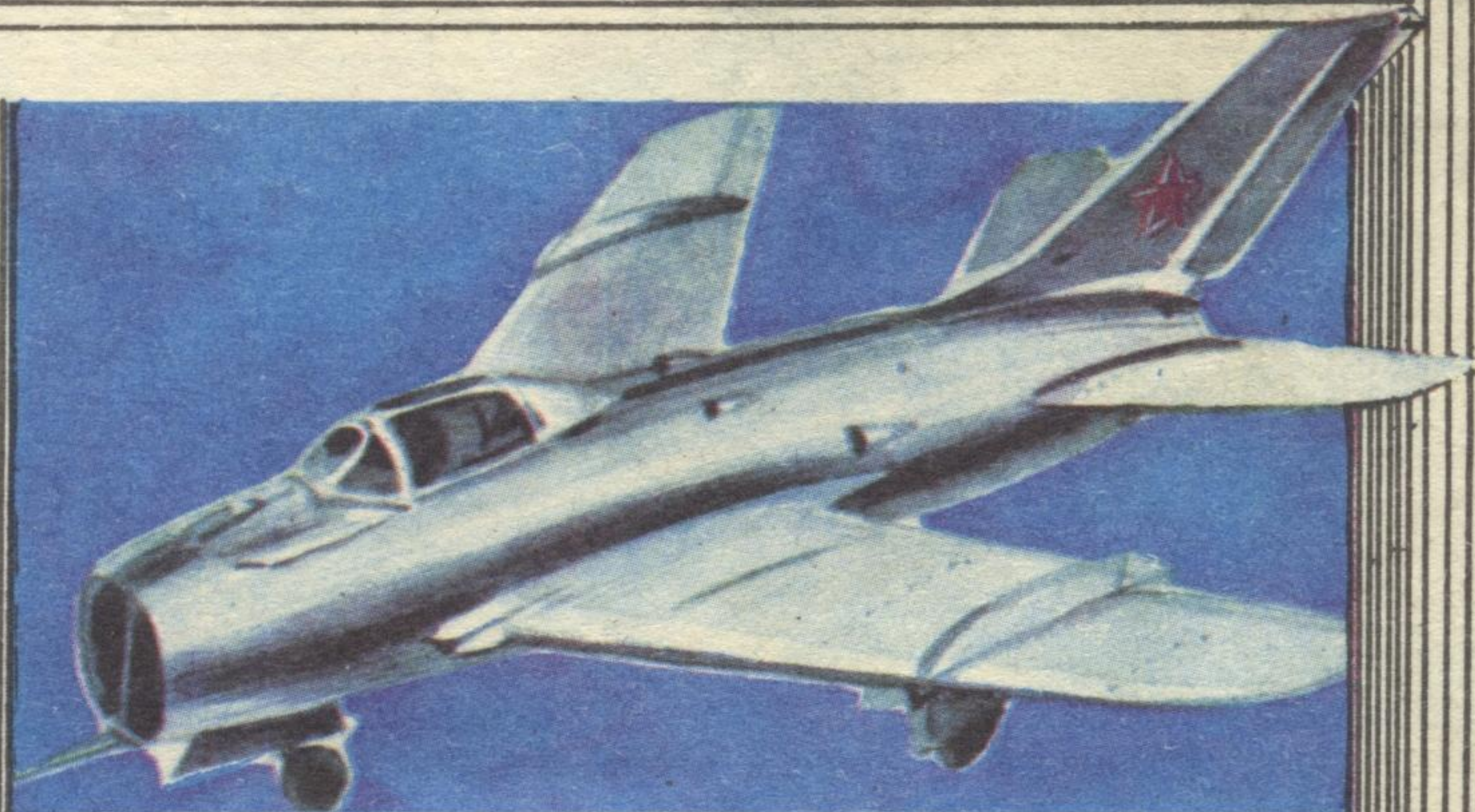
Советский истребитель предвоен-
ных лет. По числу крыльев он был
.

На самолете АНТ-25 конструкции
Муромова Чкалов с това-
рищами совершили беспосадочный
перелет через *Северный полюс*
в Америку.

Советский пассажирский лайнер
конструкции Ильюшина

Современный истребитель. Его
скорость
. скорости звука.

Перепиши ответы, заполнив в них пропуски. Пришли по адресу:
193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, «Костер» — «Викторина».
Укажи свой точный адрес, включая почтовый индекс.
Победители викторины будут награждены подарками.